

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

Рабинович Я. Н. Воевода Андрей Федорович Наумов: неизвестные страницы биографии 5

Кочуков С. А. «Партия действия»: к вопросу о восприятии войны с Османской империей правящей элитой России (70-е годы XIX века) 12

Варфоломеев Ю. В. «Художник в деле террора»: Григорий Гершуни (опыт исторической характеристики) 18

Симонов А. А. Проблема сохранения имущества старой русской армии в ходе её полной ликвидации в 1918 году 26

Кабытов П. С. Сибирский период в научной деятельности В. Г. Тюкавкина 29

Всеобщая история и международные отношения

Иващенко М. В. Комплекс керамических клейм из колодца под печью № 9 гончарных мастерских Херсонеса 37

Сапогов А. С. Две версии предания о детстве Кира Великого (Herod., I.107–122; Хеп. Сур., I.3–I.4.3) 43

Лапшов П. Н. Два этапа горного дела средневековой Чехии: Йиглава и Кутна Гора 48

Яблонская О. В. Борьба «старого» и «нового» патрициата в Лондоне в последней четверти XIV века 50

Бельцер А. А. Барон и разбойники: Лорд Томас Дакр и жители Тайндейла и Риддесдейла (1511–1525) 57

Третьякова М. В. Испанский женский справочник XVI века 61

Креленко Н. С. Итальянские впечатления Х. Уолпола 66

Ерёмин В. С. Ранние обзоры «Литературы путешествий» на страницах «The Edinburgh Review»: образы Востока 70

Лобашева А. А. Двойное измерение французской дипломатии в отношении Алжира в конце XX века 74

Лапенко М. В. Опыт стратегического планирования на постсоветском пространстве: сравнительный анализ долгосрочных программ 78

Региональная история и краеведение

Майорова А. С. Посещение Саратова наследником цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 г. в контексте культурных коммуникаций столичных и губернских городов России 81

Малов Н. М. Профессор Франц Баллод (к 95-летию первой археологической экспедиции Саратовского университета) 87

Жукова А. А. Преступность в Саратове в годы нэпа 91

Стребкова Н. В. Участие в «шефстве над деревней» студентов саратовских вузов в 1920-е гг. 94

Данилов В. Н. Доходы и потребление населения Саратовской области в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) 98

Гуменюк А. А. Охрана труда в СССР в 1953–1985 гг. (по материалам Нижнего Поволжья) 106

Яковлев С. А. Особенности организации сельскохозяйственного труда и производства в Саратовской области (1965–1975 гг.) 115

Критика и библиография

Представляем книгу

Тотфалушин В. П. «Нам должно следовать за университетом повсюду...» 120

Сведения об авторах

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56135 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018, раздел 15 «История. Филология». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Щербакова Ирина Викторовна

Технический редактор
Ковалева Наталья Владимировна

Корректор
Юдина Инна Геннадиевна

Адрес редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85
E-mail: isvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 16.03.15.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,41 (15,5).
Тираж 500 экз. Заказ 9.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского
университета

© Саратовский государственный
университет, 2015

**ПРАВИЛА
ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ**

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);
- на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

- должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;
- не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский государственный университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS**Scientific Part****Russian History**

Rabinovich Ya. N. Voivode Andrey Fyodorovich Naumov: Unknown Pages of the Biography	5
Kochukov S. A. «Action Party»: Perception of the War against the Ottoman Empire by the Russian Ruling Elite (the 1870s)	12
Varfolomeev Yu. V. «The Artist and Terror as the Aim of His Entire Life»: Gregory Gershuni (a Historical Portrait)	18
Simonov A. A. Problem of Keeping Military Munitions after the Forced Liquidation of the Old Russia's Army in 1918	26
Kabytov P. S. Siberian Period in V. G. Tyukavkin's Scientific Activity	29

World History and international Relations

Ivashchenko M. V. Complex of Ceramic Stamps from a Well under Oven 9 of Chersonesos' Potteries	37
Sapogov A. S. Two Versions of the Tale about Cyrus' the Great Childhood (Herod., I.107–122; Xen. Cyr., I.3–I.4.3)	43
Lapshov P. N. Two Stages of Mining in Medieval Czech: the Jihlava and the Kutna Hora	48
Yablonskaya O. V. The Struggle of the «Old» and «New» Patricians in London in the Last Quarter of the 14th Century	50
Beltser A. A. The Baron and the Thieves: Lord Thomas Dacre and the Inhabitants of Tynedale and Riddesdale (1511–1525)	57
Tretyakova M. V. Spanish Women's Manual of the 16th Century	61
Krelenko N. S. Italian Impressions of H. Walpole	66
Eremin V. S. Early Reviews of Travel Literature on the Pages of the Edinburgh Review: Images of the East	70
Lobasheva A. A. Dual Dimension of the French Diplomacy Concerning Algeria at the Close of the 20th Century	74
Lapenko M. V. Strategic Planning in Post-Soviet Space: a Comparative Analysis of Long-term Programmes	78

Regional History and Local Studies

Mayorova A. S. Crown Prince Alexander Nikolayevich's Visit to Saratov in 1837 in the Context of Cultural Communications Between the Capital and Provincial Cities of Russia	81
Malov N. M. Professor Franz Ballod (to the 95th anniversary of Saratov University first archaeological expedition)	87
Zhukova A. A. Crime in Saratov during the New Economic Policy	91
Strebkova N. V. Participation of Saratov Students in the Village Patronage during the 1920s	94
Danilov V. N. Incomes and Consumption of Saratov Region Population during World War II (1941–1945)	98
Gumenyuk A. A. Protection of Labour in 1953–1985 (according to the Data of the Lower Volga Region)	106
Yakovlev S. A. Peculiarities of Organizing Agricultural Labor and Production in Saratov Region (1965–1975)	115

Critics and Bibliography**Presentation of the Book**

Totfalushin V. P. «We are to follow the University everywhere...»	120
--	-----

Information about the Authors

122

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL «IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

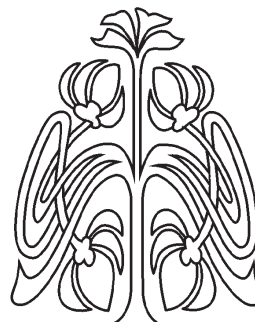
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

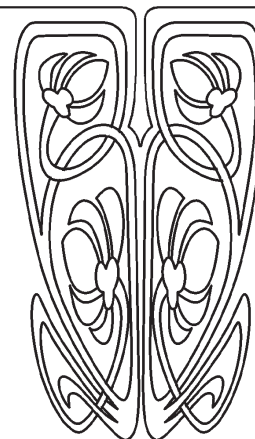
Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

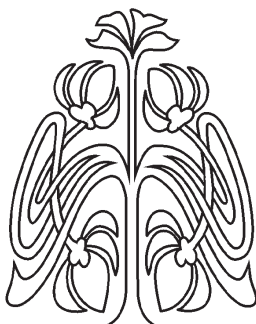
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бэттлер Алекс, доктор ист. наук, профессор (Нью-Йорк, США)

Герман Аркадий Адольфович, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Креленко Наталия Станиславовна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шенин Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Editor-in-Chief – Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Chernova L. N. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Rabinovich Ya. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Battler Alex (New York, USA)

German A. A. (Saratov, Russia)

Golub Yu. G. (Saratov, Russia)

Denningkhauz Victor (Luneburg, Germany)

Kabytov P. S. (Samara, Russia)

Krelenko N. S. (Saratov, Russia)

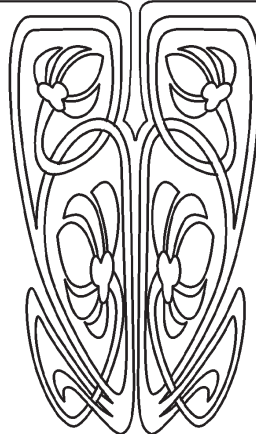
Mezin S. A. (Saratov, Russia)

Raleigh Donald J. (Chapel Hill, USA)

Repina L. P. (Moscow, Russia)

Cherevichko T. V. (Saratov, Russia)

Shenin S. Yu. (Saratov, Russia)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (470.44–25).04+929Наумов

ВОЕВОДА АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ НАУМОВ: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Я. Н. Рабинович

Саратовский государственный университет
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье впервые представлена подробная биография воеводы Саратова Андрея Федоровича Наумова, малоизвестного деятеля Смутного времени, который участвовал в боях под Смоленском и в обороне Москвы от поляков. Автор прослеживает дальнейшую судьбу этого человека, который в 1632 г. сменил в Саратове воеводу Степана Чемесова.

Ключевые слова: Смутное время, Смоленск, Саратов, воевода, Андрей Наумов.

Voivode Andrey Fyodorovich Naumov: Unknown Pages of the Biography

Ya. N. Rabinovich

The article introduces a novel detailed biography of Saratov voivode, Andrei Fyodorovich Naumov, a little-known figure of the Time of Troubles, who took part in combats at Smolensk and defended Moscow from the Poles. The author traces the further fate of this man, who replaced Saratov voivode Stepan Chemesov in 1632.

Key words: Time of Troubles, Smolensk, Saratov voivode, Andrei Naumov.

О саратовском воеводе Андрее Федоровиче Наумове известно немного. Те сведения, которые до последнего времени приводили о нем саратовские краеведы, во-первых, скудны, а во-вторых – не во всем соответствуют истинному положению дел.

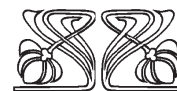
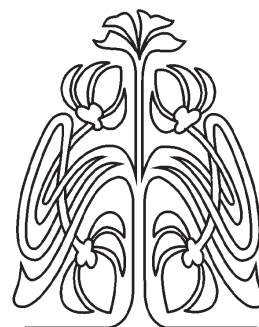
Ф. Ф. Чекалин (1892) первым сообщил о том, что Андрей Наумов был воеводой в Саратове после Степана Чемесова в 1632 г., а 1633 г. его снова сменил С. В. Чемесов¹.

Авторы Саратовской летописи Ф. В. Духовников и Н. Ф. Хованский (1893) повторили информацию Ф. Ф. Чекалина о том, что Андрея Наумова в 1633 г. снова сменил Степан Чемесов. Кроме того, эти авторы дополнительно привели сведения о том, что при Степане Чемесове и Андрее Наумове Московскому Новоспасскому монастырю были пожалованы Иргизские воды (26 декабря 1631 г.) и Иргизские ловли (1632 г.)².

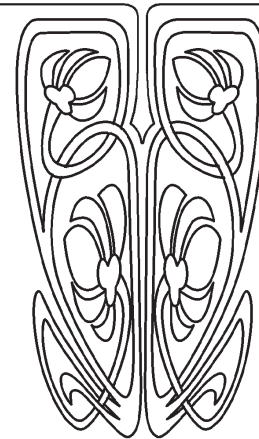
Не вполне уверенные, что Иргизские ловли были пожалованы именно в 1632 г. при Андрее Наумове, авторы на всякий случай сделали оговорку, что это произошло в царствование Михаила Федоровича. Оставим в стороне вопрос о том, чем отличаются Иргизские воды и Иргизские ловли, и почему такие важные сведения пришлось повторять в Саратовской летописи дважды.

А. П. Барсуков (1902) привел сведения о воеводских назначениях А. Ф. Наумова в Оскол (1619–1620 гг.), Суздаль (1627–1629 гг.) и Вязьму (1634–1637 гг.), однако о Саратове ничего не сообщал. В его списке воевод Саратова после С. В. Чемесова (1630 г.) сразу идет Г. И. Феофилагов (1636–1637 гг.)³.

А. А. Гераклитов справедливо отмечал как неполноту списка Барсукова относительно воевод Саратова, так и неполноту биографических данных о каждом из воевод. Это признавал и сам Барсуков, который писал во введении к своему труду о воеводах XVII в.: «*Мои списки (воевод) послужат лишь основанием для дальнейших трудов. Во всяком случае, дополнение и исправление списков будет легче их первоначального составления*»⁴.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Особенность списка воевод Саратова А. А. Гераклитова (по словам самого автора) состоит в том, что в этом списке приведены абсолютно все имеющиеся в его распоряжении биографические сведения о каждом из воевод. Некоторые из этих сведений современному читателю могут показаться несущественными. Например, какое отношение к биографии воеводы Константина Шушерина имеют сведения о том, что второй воевода Казани Василий Волынский противился назначению К. Шушерина воеводой в Арск, а в Разряде разбиралось дело о злоупотреблении этого второго воеводы Казани Василия Волынского (возможно, между Шушериним и Волынским существовали натянутые отношения).

А. А. Гераклитов (1913) вслед за Ф. Ф. Чекалиным отметил пребывание Андрея Наумова в Саратове в 1632 г. При этом он сослался на своего предшественника: «Чек. 80. К.Р.П. 687». Действительно, в Книгах разрядных под этим годом в указанном столбце записан воевода Саратова А. Ф. Наумов. Гераклитов также повторил сведения, приведенные А. П. Барсуковым, о воеводских назначениях Наумова в Оскол, Суздаль и Вязьму (также сославшись на предшественника и верно указав источник – Акты Московского государства или АМГ)⁵.

У автора этих строк складывается впечатление, что данный сборник документов (АМГ) был проработан А. А. Гераклитовым не в полном объеме. В некоторых случаях этот исследователь пользовался только указателем, помещенным в конце книги, не читая документы, опубликованные в данном сборнике. Поэтому им были допущены ошибки в отношении воеводы Е. Ф. Мышецкого. В данном случае, что касается Андрея Наумова, то все страницы АМГ, приведенные Гераклитовым, соответствуют пребыванию нашего героя в Суздале в 1629 г., поэтому их можно принять. В АМГ в указателе составитель сборника Н. А. Попов привел следующие сведения: «*Наумов Андрей Федоров, дворянин, 145; воевода в городе Суздале, 247, 248, 255, 270, 271*»⁶.

Попутно отметим, что именно в данной книге (АМГ), на указанных А. А. Гераклитовым и Н. А. Поповым страницах, содержится весьма обширная информация о действиях воеводы Андрея Наумова в Суздале. Эти сведения, по моему мнению, вполне были бы уместны в списке Гераклитова (во всяком случае, важнее, чем сведения о конфликте воевод Шушерина и Волынского).

В заслугу Гераклитову можно поставить не только указание на источник информации о пребывании Андрея Наумова в Суздале, но и дополнительные важные сведения о том, что Наумов был дворянином и «местничался» с князем Василием Борятинским в 1623 г. Это всё. Других биографических сведений об Андрее Наумове у А. А. Гераклитова нет.

Современный саратовский краевед В. Н. Семенов повторил сказанное Гераклитовым, под-

черкнув, что Андрей Наумов в 1632 г. сменил «ненадолго» Степана Чемесова, который уже в следующем году вернулся в Саратов⁷.

Это вся информация, которой мы располагали к началу XXI в. об Андрее Наумове.

К этим сведениям можно добавить немного. В одном из местнических споров 1623 г. с И. В. Головиным Андрей Наумов сообщил, что его дед был сокольничим при дворе Ивана Грозного. Известен на Земском дворе при Иване Грозном Яков Гаврилович Наумов. Его биография хорошо прослеживается по Разрядам. Возможно, в местническом деле речь идет о Я. Г. Наумове, как о деде нашего героя⁸.

С другой стороны, в собрании Суздальского Покровского монастыря, хранящемся в Государственном архиве Владимирской области (далее – ГАВО) известна отпись 1545/46 г. сокольничего Ивана Федоровича Наумова в получении у некоего Григория Васильева сына двух оброчных соколов с раменья Высокого в волости Тальше Владимирского уезда⁹. Поэтому не исключено, что именно этот сокольничий, Иван Федорович Наумов, был дедом или, вернее, сородичем нашего героя (в документах порой дедами называли прадедов и двоюродных дедов).

Если трудно выяснить, кто был дедом Андрея Наумова, то также нелегко определить, какой из нескольких служивых людей, носящих имя «Федор Наумов», упомянутых в источниках, был отцом Андрея Федоровича Наумова. Варианты следующие (приведем сведения только за 1588/1589 г., где упомянуты дворяне по выбору): «*С Медыни. Федор Андреев сын Хрулев Наумов ... из Суздаля Федор Яковлев сын Наумов ... С Белой. Федор Суворов Наумов*»¹⁰.

Попутно отметим, что кто-то из дворян по выбору из Белой Суворовых Наумовых был предком Александра Васильевича Суворова.

Вернемся к местническому спору Андрея Наумова с Василием Борятинским в 1623 г. Тогда этот спор не был решен, поэтому можно искать предыдущие более ранние нерешенные «случаи» Наумовых с Борятинскими; эти Наумовы должны быть близкими родственниками Андрея Федоровича. Учитывая, что в 1591 г. Федор Яковлевич Наумов местничал с кн. Д. М. Борятинским (спор не решен), а в 1623 г. Андрей Федорович Наумов также местничал с кн. В. Р. Борятинским (спор также не решен), можно предположить, что этот Ф. Я. Наумов был отцом будущего воеводы Саратова.

Главное, что Андрея Наумова многое связывает с Суздалем, а не с Медынью или Белой. Именно в Суздале он получил часть поместья в вотчину, он был суздальским помещиком, как и Федор Яковлевич Наумов.

Следует учесть, что при Иване Грозном во времена опричнины и после нее структуры землевладения Суздальского уезда претерпели серьезную трансформацию (прежде всего в плане

раздачи дворцовых и бывших княжеских вотчин служилой мелкоте). Так что Наумовы могли попасть в Суздаль, скорее всего, лишь во второй половине XVI в.

Но самое интересное заключается в том, что в начале Смутного времени, в 1604 г., когда царь Борис Годунов собирал войска для борьбы с Лжедмитрием I, упомянуты два Андрея Федоровича Наумова, причем оба – жильцы: *«Жильцы ж с отцовских поместей, а иные беспоместные и поместными оклады не верстаны... Андрей Федоров сын Наумов»*. С него сборщик Иван Заболоцкий должен был собрать в полк боярина Д. И. Шуйского 5 конных воинов.

В этом же документе указан жилец при дворе *«государя царевича князя Федора Борисовича всея Руси... Ондрей Федоров сын Гаврилов Наумов»*. С него сборщик Игнатий Тютчев должен был собрать в полк боярина М. Г. Салтыкова тоже 5 конных воинов¹¹.

Если предположить, что дьяки, чтобы различать двух жильцов Андреев Наумовых, указали имя прадеда Гаврилы, то выстраивается следующая цепочка генеалогического древа нашего героя: Андрей – Федор – Яков – Гаврила. Допустима и такая схема: Андрей – Федор – Гаврила – Иван – Федор. Впрочем, не исключены и иные варианты.

Это первые сведения об Андрее Федоровиче Наумове. Таким образом, выясняется, что он служил жильцом при дворе Федора Борисовича Годунова или при дворе Бориса Годунова.

Еще одно предположение, на этот раз последнее. Полный тезка будущего воеводы Саратова умер во времена Смуты. О нем упоминается в боярском списке 1606/1607 г. как о служилом человеке из Медыни с окладом **500 чети** (выделено мной. – Я. Р.)¹². Заманчиво связать его с известным деятелем Смуты Иваном Федоровичем Хрулевым-Наумовым, который был тоже из Медыни (возможно – родной брат). Этого медынского Андрея Наумова больше не будем брать в расчет. Поэтому будем считать, что все обнаруженные сведения об Андрее Федоровиче Наумове за период 1610–1630-е гг. относятся именно к нашему «суздальскому» герою, воеводе Саратова, а не к его полному «медынскому» тезке.

Андрей Наумов не указан в боярском списке 119 г., который был составлен в Подмосковном ополчении. Но тогда же существовал жилецкий список, в котором был записан Андрей Наумов с окладом в 450 чети (этот оклад меньше, чем у его полного «медынского» тезки, что еще раз подтверждает, что наш Андрей Наумов не имеет ничего общего с медынским Наумовым). После освобождения Москвы от поляков новое правительство Михаила Романова, чтобы платить жалование служилым людям-четвертчикам, в связи с утратой многих документов, вынуждено было прибегать к сыску прежних денежных окладов. В ходе этого сыска *«выписаны жильцы из жилец-*

*кого списка 119 году: по 450 чети, деньги из чети 12 рублей: Ондрей Федоров сын Наумов»*¹³.

Благодаря такому сыску мы узнаем, что Андрей Наумов был одним из четвертчиков, то есть получал ранее жалование из Владимирской четверти (это один из финансовых органов) в размере 12 рублей, потом после получения «придачи» его оклад стал составлять уже 19 рублей.

Зная, в какой из четвертей получал жалование Андрей Наумов, можно по Кормленным книгам данной четверти определить, как изменялся его денежный оклад, за какие заслуги и когда он получал придачу к окладу. Эти Кормленные книги, а также приходно-расходные книги Казенного приказа и Разряда, опубликованные еще до революции (но неизвестные А. А. Гераклитову и другим саратовским краеведам), позволяют выяснить отдельные страницы биографии Андрея Наумова. Дополнительным источником информации может служить опубликованная в 1995 г. Книга сеунчей.

Из этих источников мы узнаем, что Андрей Наумов участвовал в походе к Белой и Смоленску воеводы Дмитрия Мамстрюковича Черкасского летом – осенью 1613 г.

Накануне этого похода Андрей Наумов написал челобитную об управе на крестьян Федора Скрябина *«Оську Тимофеева с товарищи»*. Судя по этой челобитной, Андрей Наумов уже владел землями в Суздальском уезде в Матницком стане. Правда, бывшие крестьяне этого Федора Скрябина не хотели подчиняться новому хозяину. Пришлось дьякам в Москве 25 июня 1613 г. написать специальную грамоту начальным людям в Шую, чтобы смирить этих крестьян. Андрей Наумов заплатил за эту грамоту полполтины пошрины, зато теперь был уверен, что пока он будет воевать на западе, в его вотчине все будет нормально¹⁴.

За взятие Белой и бои под Смоленском Андрей Наумов был щедро награжден в Москве. Это произошло 10 декабря 1613 г. Воевода кн. Д. М. Черкасский отправил Андрея Наумова, как одного из отличившихся воинов, в Москву с вестью о победе (сеунч). В Книге сеунчей записано: *«122-го декабря в 10 день Ондрею Наумову дано государева жалованья у казны за сеунч, что побили в Смоленском уезде в селе Могутове литовских людей, сорок куниц, цена десять рублей, камки девять аришин цена шесть рублей двадцать пять алтын, чарка – полтора рубли»*¹⁵. В Приходно-расходных книгах уточняется, что 10 декабря 1613 г. *«по памяти за приписью думново диака Сыдавново Васильева, дано государева жалованья Ондрею Наумову за чарку серебрени денгами полтора рубли. Дано за сеунч, что приехал из-под Смоленска»*¹⁶.

Приведем еще одно уточнение, связанное с этим награждением: *«По государеву указу и по приказу казначея Никифора Васильевича Траханиотова, по памяти за приписью думново дьяка Сылавново Васильева, дано государева жалованья за сеунч Ондрею Федорову сыну Наумову 40 куниц,*

цена 10 р., что взяты из казанского дворца во 122 году, да девяти ари. камки адамашки червчатой, цена по 20 по 5 ал. ари., и того 6 р. 25 ал., из приносных камок, да за чарку серебряную рубль 16 ал., 4 д.»¹⁷.

Это было хоть и щедрое, но разовое награждение. Вскоре, в конце декабря 1613 г., Андрей Наумов получил за эти же бои под Белой и Смоленском придачу к денежному окладу (эти деньги выдавались ежегодно четвертикам). В Кормленной книге Владимирской четверти за 1614/1615 г. отмечена эта придача: «*Ондрей Федоров сын Наумов. 122-го декабря в 31 день (31.12.1613 г. – Я. Р.) по памяти за приписью дьяка Марка Поздеева Ондрею старый оклад 19 рублей, да по государеву указу прибавлено за Бельскую и Смоленскую службу 11 рублей*¹⁸. Теперь его оклад стал 30 рублей. Так высоко правительство оценило подвиги нашего героя. Он теперь стал московским дворянином. Всю первую половину 1614 г. Андрей Наумов отдыхал; возможно, он был ранен, отправлен в отпуск, решал семейные дела. Он отсутствовал в войске Д. М. Черкасского в августе 1614 г., когда воеводы под Смоленском проводили смотр войску.

В приходно-расходной книге Разряда за 1614/1615 г. имеется интересная запись, относящаяся к нашему герою: «*Дворяне московские. Ондрей Федоров сын Наумов. Пошел из Москвы с князем Дмитрием в 121 году и жил по декабрь, в декабре прислан с сеунчом и с тех мест по последний смотр августа в 17 день писан в отпусках. Денежный ему оклад учинен ныне за Смоленскую службу и с старым 30 р. Государева ему жалования большая статья 25 р. Дано. Поручка по нем в службе и в деньгах диак Прокофей Пахирев. Прокофей деньги взял и руку приложил*¹⁹. Опубликованные недавно благодаря неумолимой деятельности работников РГАДА, прежде всего А. С. Антонова, «Записные вотчинные книги Поместного приказа» позволяют определить связь Андрея Наумова с этим поручителем. Оказывается, Прокофий Пахирев был женат на сестре Андрея Наумова.

В 124 г. (1615/1616 г.) Андрей Наумов вписан в боярскую книгу вместе с другими московскими дворянами (поместный его оклад не указан)²⁰. В 1618 г. он отличился при обороне Москвы от войск королевича Владислава. Это отмечено в самом Осадном списке и приложениях к нему. После прекращения осады столицы Андрей Наумов сопровождал боярина Ф. И. Шереметева к Троице-Сергиеву монастырю, где велись мирные переговоры, охранял русских послов в Деулино: «*Дворяне ж были на Москве в осаде и с Москвы посланы были с послы з боярином з Федором Шереметевым и были у Троицы... Андрей Федоров сын Наумов*». За это он получил часть своего поместья в Суздальском уезде в Матницком стане в вотчину. Ранее, еще при Василии Шуйском, Андрей Наумов получил часть этого поместья в

вотчину за оборону столицы от тушинцев²¹. Это интересное дополнение. В отличие от известного тушинского боярина Ивана Федоровича Хрулева-Наумова Андрей Наумов оставался верен царю Василию Шуйскому в 1608–1610 гг.

В начале 1619 г. после завершения переговоров в Деулино и возвращения боярина Федора Шереметева в Москву, Андрей Наумов был отправлен воеводой в южный город Оскол. Этот город относился к группе Польских городов (расположенных в степи, в поле). К Польше это слово не имеет никакого отношения. В Книгах разрядных записано под 7127 г. (1618/1619 г.): «*В Польских городах. На Осколе воевода Степан Матвеев сын Проестов, и Степану велено быть в Москве, а на Осколе велено быть воеводе Ондрею Федорову сыну Наумову, а с ним: детей боярских Осколян 178 ч., атаманов 19 ч., ездаков 94 ч., вожей 31 ч., стрельцов 70 ч., казаков 138 ч., ямщиков 15 ч., воротников 8 ч.*». Андрей Наумов оставался в Осколе воеводой в 1620 г., а в начале – середине 1621 г. его сменил в Осколе новый воевода Никита Воробин, о чем записано под 1620/1621 г. в Разрядах: «*В Польских городах. На Осколе воевода Ондрей Федоров сын Наумов и Ондрею велено быть в Москве, а на его место велено быть на Осколе Миките Дмитриеву Воробину*»²².

В марте 1623 г. Андрей Наумов, назначенный первым воеводой передового полка Рязанского разряда в Михайлов, безуспешно пытался спорить с первым воеводой Большого полка в Переяславле-Рязанском И. В. Головиным, но проиграл это дело. В Дворцовых разрядах записано: «*И, по государеву указу, бояре Андрея за то Наумова лаяли, и сказали, что бьешь челом на Головина безмерством, перед Иваном он Андрей молодой человек, и впредь бы о том не бил челом государю. И Андрей Наумов после того государю не бил челом, а на службе был по росписи*»²³.

В «Наказе воеводам» было предусмотрено, что если татары придут не на Рязань, а на Тулу, то Андрею Наумову предписывалось «быть в сходе» (идти) из Михайлова в передовой полк к воеводе князю Василию Борятинскому. Андрей Наумов отказывался подчиняться Василию Борятинскому, «бил челом, что ему в сход итти ко князю Василью Борятинскому не мочно по многим случаям». По царскому указу предписано быть в этом походе Андрею Наумову «в сходе со князем Васильем без мест», а спор решить после завершения службы. Этот суд был уже в следующем году. В Разрядах сказано, что суд был дан во 132 году (1623/1624 г.), судил боярин И. Н. Одоевский и разрядный дьяк Михаил Данилов. Решение так и не было принято: «*И суд был Августа в 17 день, да не вершен*»²⁴.

В 1625–1627 гг. Андрей Наумов иногда упоминается в Разрядах; он участвует в придворных церемониях, выполняет обычные дворцовые обязанности. 17 мая 1625 г. состоялась прощальная аудиенция персидских послов («грузинец Русам-

Бек с товарищи»), которые в феврале 1625 г. прибыли в Москву со священной реликвией, Ризой Христовой и другими подарками от шаха Аббаса. В тот же день, 17 мая, персидские послы были по указу царя Михаила и патриарха Филарета на торжественном обеде «у стола в большой в грановитой палате». В «кривой стол», где сидел персидский посол, пить носили «дворяне ... Андрей Федоров Наумов»²⁵.

В 1627 г. Андрей Наумов был назначен воеводой в Суздаль, где он сменил Никифора Колычева. Обычно смена воевод в городах осуществлялась в начале года, в сентябре (в данном случае – в сентябре 1626 г.). Фактически смена воевод произошла значительно позже – лишь в конце 7135 г. (1626/1627), точнее – в начале июля 1627 г. Источники свидетельствуют, что с января по июнь 1627 г. Андрей Наумов оставался в Москве.

6 января 1627 г. на праздник Богоявления он был приглашен к государеву столу. Здесь же мы видим бывшего воеводу Саратова кн. Ф. Т. Черново-Оболенского и будущего воеводу – кн. И. Ф. Шаховского²⁶.

16 мая 1627 г. Андрей Наумов по государеву указу был послан в Казанский приказ, откуда планировалось отправить его для выполнения какого-то государева дела. В подлиннике документа наверху записано: «И Ондрей не послан». По-видимому, изменение решения было связано с тем, что Андрею Наумову предстояло назначение воеводой в Суздаль. Он был отпущен в Суздаль 30 июня 1627 г. Ему был дан наказ и грамота за подписью дьяка Михаила Данилова. Уже 4 августа 1627 г., ознакомившись с состоянием дел в Суздале, Андрей Наумов прислал в Москву подробную роспись вооружения, припасов, документов и личного состава Суздаля²⁷.

В Книгах разрядных под 7135 г. записано: «В Суздале Микифор Олферьев сын Колычов да подъячей Яков Никонов; и Микифор и подъячей Яков отпущены к Москве, а в Суздале велено быть Ондрею Федорову сыну Наумову, а с ним детей боярских отставных и которые служат городовую службу – 5 ч., детей боярских Новгородцев на корму – 3 ч., черкас кормовых 12 ч., архиепископа Суздальского детей боярских 38 ч., Покровского монастыря слуг 21 ч., да служебников 10 ч., крестьян оброчные слободки 32 ч., Васильевского монастыря крестьян 3 ч., Александровского монастыря крестьян 7 ч., посадских людей 258 ч., да городских жильцов и дворников 30 ч., и всего в Суздале всяких людей 419 ч.»²⁸.

В Суздале Андрей Наумов продолжал оставаться воеводой в 1628, 1629 и даже в 1630 гг.²⁹ Все-таки родной город. Возможно, в Москве пошли навстречу пожеланиям Андрея Наумова. В других подмосковных городах воеводы менялись чаще. Сведения А. А. Гераклитова о том, что Андрей Наумов был воеводой в Суздале в 1627–1629 гг., нуждаются в небольшой корректировке. В начале 7139 г. (в сентябре 1630 г.)

в Суздаль был назначен новый воевода Федор Иванович Ловчиков³⁰.

Интересно сравнить состав гарнизона Суздаля в 1630 г. с приведенными ранее сведениями за 1627 г. Запись в Книгах разрядных за 1630 г. следующая: «В Суздале Ондрей Федоров сын Наумов, а с ним детей боярских отставных и которые служат городовую службу 16 ч., Литвы кормовые 7 ч., Черкас кормовых 12 ч., архиепископа Суздальского детей боярских 38 ч., Покровского монастыря служек 28 ч., служебников 10 ч., крестьян оброчные слободы 32 ч., Васильевского монастыря крестьян 3 ч., Александровского монастыря крестьян 7 ч., посадских людей 58 ч., городских жильцов и дворников 30 ч. и всего в Суздале всяких людей 241 ч.»³¹.

Видим, что самые крупные изменения произошли среди посадского населения, 200 посадских людей теперь не учитываются в составе гарнизона. Некоторые изменения в составе гарнизона Суздаля наблюдались и в записях за предыдущие годы воеводства Андрея Наумова. Однако подробное изучение внутренней жизни в Суздале выходит за рамки настоящего исследования (опубликованных источников об этом сохранилось немало).

Можно лишь сказать, что в 1627/1628 г. А. Ф. Наумов вместе с подъячим Михаилом Максимовым составляли описные книги Суздальского Покровского монастыря. В отличие от большинства других описных книг Покровского монастыря, традиционно составлявшихся суздальскими воеводами, об описных книгах А. Ф. Наумова и М. Максимова сохранилось лишь глухое упоминание в служебных документах середины XVII в. монастырского архива³².

В середине следующего 7140 г. (1631/1632) Андрей Наумов был назначен воеводой в Саратов вместо Степана Чемесова. Известная грамота из Москвы от 26 декабря 1631 г. (о пожаловании Новоспасскому монастырю) адресована еще Степану Чемесову³³. Зимний санный путь из Москвы в Саратов в те годы использовался очень редко, только гонцами. Воеводы обычно добирались по Волге. Скорее всего, Андрей Наумов приплыл в Саратов первым весенним караваном в мае 1632 г. Он указан в Книгах разрядных за 1631/1632 г. воеводой в Саратове³⁴. В другой Разрядной книге за этот же 1631/1632 г. уточняется, что «на Саратов на Степаново место Чемесова Ондрей Федоров Наумов»³⁵. Уже к началу лета 1632 г. в Саратове произошла смена воевод.

Андрей Наумов оставался в Саратове и в следующем 1633 г. В одной из разрядных записей после указания на воеводство в Саратове в 1631/1632 г. Андрея Федоровича Наумова следует запись за следующий 7141 г. (1632/1633) такого содержания: «А в Казани и в Чебоксарех и на Самаре и на Саратове воеводы прежние»³⁶. Учитывая, что в 1633 г. Степан Васильевич Чемесов находился в Москве, он никак не мог сменить в Саратове Андрея Наумова. Поэтому мы не можем принять

мнение А. А. Гераклитова о вторичном воеводском назначении Степана Чемесова в Саратов в 1633 г. на смену Андрею Наумову, а также мнение В. Н. Семенова, что Андрей Наумов в 1632 г. сменил «ненадолго» Степана Чемесова, который уже в следующем 1633 г. вернулся в Саратов. В действительности Андрей Наумов оставался в Саратове значительное время, с 1632 г. вплоть до начала 1634 г., пока его не сменил новый воевода Г. И. Феофилачев.

К сожалению, к настоящему времени не обнаружено ни одного документа за 1633 г., адресованного воеводе Саратову Андрею Федоровичу Наумову (и, вообще, какому-либо воеводе Саратова), аналогичного царской грамоте от 26 декабря 1631 г., отправленной Степану Чемесову.

Таким образом, все время Смоленской войны (1632–1634 гг.) Андрей Наумов находился далеко от театра военных действий, на Волге, и не принимал участия в боевых действиях против Польши.

Уже после окончания Смоленской войны Андрею Наумову удалось познакомиться с некоторыми ее участниками. В июле 1634 г. он был назначен для сопровождения «немецких полковников» из Москвы до Новгорода в качестве одного из 6 приставов³⁷. Эти полковники остались верны Михаилу Романову, они не перешли к полякам после капитуляции армии боярина М. Б. Шеина. Теперь, получив расчет, они отправлялись на родину. Интересно, что одним из таких приставов был прежний воевода Саратов Степан Чемесов. По пути этих полковников и их приставов встретил Адам Олеарий, который направлялся в Москву в составе голштинского посольства. Вернулся Андрей Наумов в Москву уже осенью 1634 г. Теперь его ждало новое назначение воеводой в Вязьму. Последний этап его службы относится к этому воеводству в Вязьме.

Известно, что в Вязьме в 1633–1634 гг. находились воеводы Мирон Вельяминов, Федор Чемоданов (бывший воевода Саратова) и дьяк Петр Копнин. К моменту приезда Андрея Наумова в Вязьму Чемоданов и Копнин уже умерли на воеводском посту в Вязьме в период борьбы за Смоленск армии Шеина и осады Вязьмы поляками. Мирону Вельяминову в последние месяцы Смоленской войны помогал в Вязьме дьяк Филипп Ларионов, а второго воеводы в этом городе не было. Поэтому и назначен был в Вязьму изначально вместо Мирона Вельяминова только один воевода князь Петр Пронский и дьяк Андрей Иевлев.

Новые воеводы Вязьмы принимали дела у Мирона Вельяминова уже после окончания переговоров на речке Поляновка возле Вязьмы и заключения Поляновского мира с Польшей. В Записных книгах сказано, что *«августа в 6 день, по государеву указу велено быть в Вязме князю Петру княж Иванову сыну Пронскому»*. Про второго воеводу Вязьмы (Андрея Наумова) здесь ничего не сказано. В это время Андрей Наумов

еще не приехал из своей «командировки» на север, он находился в районе Вышнего Волочка, по пути в Новгород, и именно в эти дни августа 1634 г. встретился там с Адамом Олеарием. Князь Петр Пронский приехал в Вязьму уже в августе 1634 г., а Андрей Наумов – в лучшем случае – лишь осенью 1634 г. Ему надо было проводить полковников до шведской границы в районе Нарвы и вернуться в Москву.

Точную дату начала Вяземской службы Андрея Наумова установить сложно из-за отсутствия источников. В Дворцовых разрядах записано под 1634/1635 г.: *«В Вязме воеводы князь Петр Иванович Пронской да Андрей Федоров сын Наумов да дьяк Андрей Иевлев»*. Эти же воеводы Вязьмы указаны в 1635/1636 г.³⁸ Андрей Наумов мог приехать в Вязьму и в начале 1635 г. Также неизвестно, когда именно Андрей Наумов завершил службу в Вязьме. По крайней мере, уже весной 1637 г. мы видим его не в Вязьме, а в Москве.

Сведения А. П. Барсукова и А. А. Гераклитова о том, что Андрей Наумов был воеводой в Вязьме в 1634–1637 гг. следует принимать с осторожностью. В Записных книгах 1636/1637 г. говорится, что воеводами в Вязьме в это время были П. И. Пронский, А. Ф. Наумов и дьяк Исаак Кудрин. Однако в Дворцовых разрядах за 1636/1637 г. указаны уже другие воеводы – кн. Г. С. Куракин и Д. А. Замыцкий³⁹. Следовательно, смена воевод произошла в 1636/1637 г.

В мае 1637 г. Андрей Наумов находился в Москве. В это время царь уехал из Москвы более чем на неделю (с 23 по 31 мая) в село Покровское. 24 мая 1637 г. на Государевом дворе «дневал и ночевал» с боярином А. В. Хилковым среди прочих дворян А. Ф. Наумов⁴⁰.

Некоторые источники позволяют еще больше сократить срок службы Андрея Наумова в Вязьме, по крайней мере, до апреля 1637 г. К этому времени умер свояк Андрея Наумова дьяк Прокофий Филиппов Пахирев. В свое время П. Ф. Пахирев заложил свою вотчину пустошь (сельцо) Кузовлево в Угожском стане Звенигородского уезда Андрею Наумову. Сестра Андрея Наумова Прасковья после смерти своего мужа, по-видимому, прожила недолго. Вернувшись после службы в Вязьме и узнав о смерти вдовы, Андрей Наумов написал челобитную о записи за ним этой закладной вотчины Прокофия Пахирева в связи со смертью заимщика и его вдовы Прасковьи. В Поместный приказ поступила память о записи по духовной вдовы за Андреем Наумовым по просроченной закладной кабале и духовной этой вотчины дьяка П. Ф. Пахирева. Андрей Наумов предьявил также эту закладную кабалу. Кроме того, он также написал челобитную о выдаче ему грамоты на вотчину сестры (вдовы Пелагеи Пахиревой). Около 7 мая 1637 г. уже была составлена послушная грамота Андрею Наумову на эту закладную вотчину в Звенигородском уезде⁴¹. Трудно сказать, сколько времени длилась эта бумажная работа, но ясно,

что не один день, и не только в начале мая 1637 г., а несколько ранее этого времени. К тому же, вряд ли Андрей Наумов занимался всеми этими бумажными делами, будучи воеводой в Вязьме.

К слову сказать, свояченицей Пелагею Пахиреву считали еще двое служилых людей – Федор Пестриков и Матвей Чихачев, которые также фигурировали в этом деле. Поэтому, хотя мы пока не имеем сведений о семейном положении (кроме имени жены, которую звали Авдотья) и о детях самого Андрея Наумова, но знаем, что у него было три родных сестры, вышедшие в свое время замуж за П. Пахирева, Ф. Пестрикова и М. Чихачева.

Сведений о том, чем занимался Андрей Наумов после возвращения из Вязьмы, пока не обнаружено. Возможно, он вскоре умер. Во всяком случае, его имя отсутствует в боярской книге 1639 г. Один интересный источник косвенно подтверждает это. Речь идет о росписи хлебам, которые были поднесены в Москве в 7148 г. (1639/1640) от Суздальского Покровского женского монастыря. Монастырские старицы делали такие подношения членам царской семьи, боярам, другим членам Государева двора, богатым вкладчикам данного монастыря обычно во время крупных церковных праздников. В этом списке из 191 имени (177 мужчин и 14 женщины) среди 25 дворян фигурирует один представитель рода Наумовых, дворянин Василий Петрович Наумов. Из женщин, кроме царицы и трех царевен, указаны всего десять имен, из них три старицы, три игуменьи, три княгини, а в конце этого списка указано: «*Ондрееве жене Федоровича Наумова Авдотье хлеб*». Авдотья Наумова (слово «старлица» здесь не указано) после смерти мужа сделала богатые дары в этот монастырь, поэтому была выделена среди прочих женщин⁴².

Это все сведения, которые мы имеем к настоящему времени о воеводе Саратова Андрее Федоровиче Наумове.

Примечания

- 1 Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов, 1892. С. 80.
- 2 Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край : исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 25.
- 3 Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 202, 520.
- 4 Там же. С. IX.
- 5 Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 61–62, 65.
- 6 Акты Московского государства, изданные Академией наук (далее – АМГ) / под ред. Н. А. Попова : в 3 т. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634). С. 701.
- 7 Семенов В. Н. Начальные люди Саратова. От первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов, 1998. С. 34.
- 8 Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – Дворцовые разряды) : в 4 т. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 547 ; Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 155.
- 9 ГАВО. Ф. 575. Оп. 2. Д. 3. Документ указан автору М. И. Давыдовым.
- 10 Боярский список 1588–1589 годов // Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 221, 243, 247.
- 11 Роспись русского войска, посланного против самозванца в 1604 году // Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора... С. 375, 390, 402.
- 12 Боярский список 1606–1607 гг. с указанием об участии в боевых действиях против восставших // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века (1601–1608) : сб. документов / отв. ред. Н. М. Рогожин ; Ин-т российской истории. М., 2003. № 39. С. 154.
- 13 Разрядные столбцы 122–124 гг. сыска денежных окладов: Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / сост. и пред. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 193.
- 14 Документы Печатного приказа 1613–1615 гг. РАН. Отд. истории. Архив РАН. М., 1994. С. 192.
- 15 Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1 : Книга сеунчей и документы Разрядного приказа о походе Лисовского. М. ; Варшава, 1995. С. 21.
- 16 Приходно-расходные книги Казенного приказа : Расходная книга денежной казне 1613–1614 гг. // РИБ : в 39 т. Т. 9. СПб., 1884. С. 67.
- 17 Приходно-расходные книги Казенного приказа : Расходная книга товарам и вещам 1613–1614 гг. // РИБ. Т. 9. С. 198.
- 18 Кормленная книга Владимирской четверти 7123 г. : Четвертки Смутного времени // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 42.
- 19 Приходно-расходная книга Разряда 7123 года : Приходно-расходные книги московских приказов. Книга первая // РИБ. М., 1912. Т. 28. С. 401.
- 20 Книга, а в ней писаны бояре и окольничие и думные люди с денежными оклады, и стольники, и страпчие, и дворяне московские, и диаки, и жильцы и из городов дворяне с поместными и с денеж... 124 году // АМГ. СПб., 1890. Т. 1, № 108. С. 145.
- 21 Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Т. VIII / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М. ; Варшава, 2009. С. 38–39, 163.
- 22 Книги разрядные по официальным оных спискам (далее – Книги разрядные) : в 2 т. СПб., 1853. Т. 1 (1614–1627). Стб. 659–660, 720, 761 ; Разрядная книга 1550–1636 / сост. Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов. М., 1975. Т. 2, вып. 2. С. 319.
- 23 Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 547.
- 24 Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 550, 625–626 ; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архи-

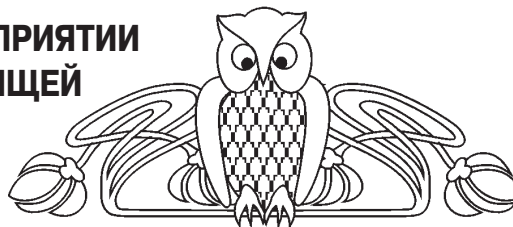
- ве Министерства юстиции. М., 1899. Кн. 11. С. 11 ; Эскин Ю. М. Местничество в России... С. 155 ; Разрядная книга 1550–1636. Т. 2, вып. 2. С. 334–335.
- 25 Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 687–688, 694.
- 26 Записная книга Московского стола. 1626, мая 5 – 1627, августа 31 // РИБ. Т. 9. С. 445.
- 27 Там же. С. 492, 500, 510.
- 28 Книги разрядные. Т. 1. Стб. 1330.
- 29 Книги разрядные. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 61–62 (1627/1628 г.); Стб. 166 (1628/1629 г.); Стб. 265 (1629/1630 г.).
- 30 Там же. Стб. 333.
- 31 Там же. Стб. 265.
- 32 ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 175. Л. 38 об. Документ указан автору М. И. Давыдовым.
- 33 Грамота из приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе Степану Васильевичу Чемесову о пожаловании Новоспасского монастыря архимандриту Иосифу с братьями рыбных ловель на оброк в саратовских иргизских водах. Москва. 1631 г., декабря 26 // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 4. С. 439–441.
- 34 Книги разрядные Т. 2. Стб. 687.
- 35 Разрядная книга 1550–1636. Т. 2, вып. 2. С. 371.
- 36 Там же. С. 375.
- 37 Записная книга Московского стола 7142 года // РИБ. Т. 9. С. 561.
- 38 Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 478, 518.
- 39 Записная книга Московского стола 7145 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 4 ; Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 548.
- 40 Записная книга Московского стола 7145 года // РИБ. Т. 10. С. 92.
- 41 Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. / авт. и сост. А. В. Антонов и др. М., 2010. С. 444–445.
- 42 Роспись хлебам, поднесенным в Москве от Суздальского Покровского монастыря в в 1640 году // РИБ. Т. 35 : Архив П. М. Строева. Т. 2. Пг., 1917. № 491. С. 1018.

УДК 9(470) «18»

«ПАРТИЯ ДЕЙСТВИЯ»: К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ВОЙНЫ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ РОССИИ (70-е годы XIX века)

С. А. Кочуков

Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

В статье рассматриваются взгляды представителей правящей элиты России в отношении кризиса на Балканском полуострове в 70-х гг. XIX в. Анализируются внешнеполитические планы и идеи накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., показано воздействие критических общественных настроений на их последующую эволюцию.

Ключевые слова: Балканский полуостров, правящая элита России, Действующая армия, Русско-турецкая война.

«Action Party»: Perception of the War against the Ottoman Empire by the Russian Ruling Elite (the 1870s)

S. A. Kochukov

The article discusses the views of the Russia's ruling elite representatives on the Balkans' crisis in the 70s of the 19th century. Foreign policy plans and ideas on the eve of the Russian-Turkish war of 1877–1878 are analyzed. The impact of critical public sentiment on their subsequent evolution is shown.

Key word: Balkan Peninsula, Russia's ruling elite, active army, Russian-Turkish war.

Высший бюрократический аппарат России по отношению к возможному в будущем вооруженному столкновению с Турцией в 70-х гг. XIX в. не был един. По этому поводу в историографии сложились понятия «партия действия» и «партия сосредоточения сил». В 70-х гг. XIX в. в правящих кругах определилась «партия сосредото-

чения сил»¹. Она была очень представительна: А. М. Горчаков, Д. А. Милютин, М. Х. Рейтерн, А. Е. Тимашев, П. А. Валуев и др. Понятие «партия действия» в исследуемую тему ввела историк Л. Г. Захарова². К «партии действия» можно отнести Н. П. Игнатьева, П. Н. Стремоухова, К. П. Победоносцева, вел. кн. Александра Александровича и др.

Нетрудно заметить, что в «партию сосредоточения сил» входили главы министерств: иностранных дел, военного, финансов, государственных имуществ, внутренних дел, государственный контролер. Именно они пользовались правом определять в известной степени политику государства. Но «воинственная» «партия действия» находила серьезнейшую поддержку со стороны Славянского комитета и русского общества. Начавшийся в 70-х гг. XIX в. очередной балканский кризис всколыхнул все российское общество, которое фактически являлось локомотивом в решении этого серьезнейшего внешнеполитического вопроса. Все слои русского общества включились в процесс поддержки национально-освободительного движения на Балканах.

Но «партия действия» не была лишена своего взгляда на балканский вопрос и не являлась лишь неким продуктом пропаганды Славянских комитетов. Конечно, Игнатьев, Победоносцев, Стремоухов и др. были на тот момент на «вторых

ролях» и не могли оказывать серьезного влияния на русскую внешнюю политику, тем не менее, у каждого из них было свое видение проблемы.

Граф Н. П. Игнатъев вплотную прикоснулся к проблеме взаимоотношения России и Османской империи в 1864 г., когда был назначен полномочным послом в Стамбуле. На тот момент новый посол Российской империи был уже умудренным опытом дипломатом. Именно при его непосредственном участии был подписан в 1860 г. Пекинский договор, который явился своеобразным продолжением Айгунского и Тяньцзиньского договоров. Этот документ устанавливал границу между Россией и Китаем. Более того, Игнатъев возглавлял Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Таким образом, к балканской проблеме он подошел «во всеоружии».

Характеризуя Николая Павловича Игнатъева, русский историк византист А. А. Дмитриевский отмечал: «Мы глубоко убеждены, что будущий историк нашего отечества, когда документы только что пережитой нами эпохи сделаются его полным достоянием, а зависть и эгоизм современников утихнут пред свежей могилой почившего великого русского дипломата, оценит выдающуюся роль графа Игнатъева в церковных делах православного Востока и нашего отечества и укажет ему почетное место»³. Один из современников в своих воспоминаниях писал: «Русский посол в Царьграде оказался столь влиятельным, что сами турки то ли в шутку, то ли в серьез называли его первым после султана лицом в Османской империи – всеильным «московским пашой»⁴.

На взгляды гр. Игнатъева оказал серьезное влияние Парижский трактат, который фактически лишил Россию права иметь свой флот на Черном море. Новый посланник России в Турции с самого начала определил три задачи, решение которых было самым важным: аннулирование Парижского договора; открытие для России свободного выхода в Средиземное море; проведение коренных реформ для славянского населения Балканского полуострова⁵.

Подобная программа пришлась «по вкусу» славянофильским кругам, которые были твердо убеждены в том, что без активной поддержки России балканские славяне вряд ли смогут достичь своего освобождения⁶. В результате в 1867 г. по инициативе Игнатъева европейским государствам был предложен проект реформ, которые необходимо было осуществить в Турции⁷. Но этот проект так и остался на бумаге, так как Османская империя при поддержке Австрии и Англии отклонила русскую инициативу.

Тем не менее, этот отрицательный для России результат дал возможность Игнатъеву окончательно сформировать свою программу взглядов относительно позиции России по отношению к Турции: «Господство России в Царьграде и особенно в проливах, независимость славян в со-

юзе и под покровительством России, по мнению каждого истого патриота, выражает необходимое требование исторического призвания развития России»⁸.

Однако Министерство иностранных дел России с А. М. Горчаковым во главе придерживалось совершенно других взглядов – принципа «европейского равновесия», который, по мнению министра иностранных дел, был самым лучшим для страны в условиях после Крымской войны. Принцип «европейского равновесия» означал поддержку определенного баланса политических и экономических интересов с помощью «европейского концерта», то есть согласия европейских держав⁹.

В данной ситуации, Н. П. Игнатъев совершал поступок, который шел в разрез субординации. Через голову министра А. М. Горчакова¹⁰ он 4 октября 1871 г. подает Александру II записку «О положении дел на Востоке». По сути, этот документ подталкивал царя к решительным действиям в отношении Османской империи. В записке отмечалось: «О восточном вопросе говорят уже целое столетие, но в действительности он двинулся только теперь в нынешнем году. До сих пор восточный вопрос или возбуждался искусственно, как в 1853 г., или бывал чисто местным греческим, сербским. Турецкое могущество постепенно понижалось, но легкость победы над Турцией, предоставленной самой себе, не составляла еще восточного вопроса»¹¹. Игнатъев, хорошо знакомый с ситуацией внутри Турции, поддерживал идею, что она полностью к войне не готова. В «Записке» отмечалось: «Турецкая администрация, можно сказать, не существует с того времени как султана не стали бояться янычары и, оставаясь столь же невежественными, столь же замкнутыми перестали чувствовать необходимость передавать управление в надежные руки. С тех пор турецкое управление стало мелочной интригой, личный состав администрации на местах разросся вдесятеро и эти администраторы сменяют друг друга почти еженедельно. Редко можно видеть генерал-губернатора, остающегося в должности более трех месяцев, иногда они не достигают до места назначения и сменяются еще в дороге. В то же время турецкие финансы кончаются сами собой, не только вследствие непомерных займов, которыми турки воспользовались с детским легкомыслием, как только им предоставлялось это право, но еще и потому, что источники доходов истощены, для уплаты процентов они обременили народ непомерными налогами, заставляющими производителей работать себе в убыток. Империя обнищала, но более всего обнищало мусульманское население, так как они не работали как христиане и менее умеют перебиваться при невыгодных обстоятельствах»¹².

Этот документ являлся своеобразной альтернативой плану развития дел на Балканском полуострове, который предлагал глава МИДа Горчаков, альтернативой политике «выжидания».

Возникает вопрос о том, чем руководствовался посол России в Турции, нарушая все возможные правила и отправляя письмо царю, не согласовав действия со своим непосредственным начальником – министром Горчаковым? По всей видимости, Игнатъев прекрасно разбирался не только во внутривнутриполитической ситуации на Балканском полуострове и в Турции, но и в российских делах. Он не мог не знать, что Славянские комитеты не так слабы, как их хотят представить, и того, что в России набирало обороты движение в поддержку славянских народов. И, возможно, посол предвидел значительную силу русского общества, которое играло все более и более заметную роль при решении славянского вопроса. На интерес Н.П. Игнатъева к общественному мнению и его близость к славянофилам указывает современный исследователь его биографии В.М. Хевролина: «Интересы славян, которые он горячо защищал в отличие от руководства МИД, сочетались у него всегда с интересами России, как и у славянофилов 60–70-х годов, с которыми он был близок. Славянофилы так же, как и Игнатъев, пеклись об имперских интересах и подчиняли дело освобождения и объединения славян задачам усиления внешнеполитической мощи России»¹³.

Дальнейшие события на Балканах развивались как нельзя лучше для Игнатъева. В июле 1875 г. началось восстание в Боснии и Герцеговине. Безусловно, русский посол понимал, что эти страны окажутся в одиночестве против Османской империи и вряд ли выдержат борьбу с ней. С другой стороны, начавшиеся события свидетельствовали, что Игнатъев был прав в своих прогнозах, когда отправлял официальную записку Александру II. Это еще более подняло его престиж.

Что касается наставника великого князя Александра Александровича – К.П. Победоносцева, который с 1861 г. преподавал великому князю курс «Право», с уверенностью можно отнести к сторонникам активных внешнеполитических действий России на Балканах. Несмотря на то что историография, посвященная Победоносцеву, весьма значительна¹⁴, тем не менее, специального исследования, где бы рассматривались внешнеполитические воззрения будущего обер-прокурора св. Синода нет. Лишь в монографии А.Ю. Полунова есть небольшой раздел, где рассматривается «Славянское движение» через призму личности Победоносцева¹⁵. Объясняется это тем, что до 1880 г. Константин Петрович не занимал особых государственных постов. Однако уже то, что он преподавал наследнику российского престола курс права, давало ему возможность общаться с членами императорской семьи и многими представителями политической элиты.

Поскольку событиями на Балканском полуострове интересовалось все российское общество, Победоносцев не мог их игнорировать. Несмотря на то что зарубежная историография относит

Константина Петровича к категории людей, которые были лишь временно увлечены славянскими идеями¹⁶, тем не менее, он имел относительно балканской проблемы твердые убеждения.

Победоносцев исходил из того, что славянские народности, населяющие юг Европы, чрезвычайно близки русским по духу. В письме вел. кн. Александру Александровичу он писал: «В Прагу въезжаешь, как в родной город, особенно из немецкой стороны. Повсюду слышится славянская речь, веет точно родным духом»¹⁷.

Победоносцев чрезвычайно остро воспринимал антирусские настроения русского общества и старался от них не отставать. Это замечал в своих мемуарах кн. Мещерский: «Как человек, он (Победоносцев. – С. К.) для меня всегда был похож на барометр, стоящий на середине между хорошей и переменной погодой; а объяснял я себе это тем, что он был очень личен в своих впечатлениях и в своих отношениях к людям... Как государственный человек, Победоносцев представлял весьма интересное сочетание сильного светом и логикой критического ума с беспомощностью этого большого ума в области ответов на вопросы: что делать, что предпринять в пути»¹⁸.

Победоносцев считал, что все западные государства враждебны России и всему, что она предпринимает, в том числе и практике поддержки христиан. Более того, Константин Петрович совершенно справедливо считал, что Запад специально субсидирует Турцию, для того чтобы она выступала в качестве буферной зоны в балканском регионе. Нетерпимость к Западу прослеживалась у Победоносцева буквально во всем. По мнению Победоносцева, Запад обязательно попытается распространить свои ценности сначала на слабых славян, а затем и на Россию. Поэтому необходимо как можно скорее решить вопрос с Турцией, расчистив себе дорогу на Балканский полуостров. Вот почему Константин Петрович с видимым удовольствием встречал все призывы главы Московского славянского комитета И. С. Аксакова. В речах Аксакова раздавалось много обвинений в адрес западных держав, так же как и в статьях и письмах Победоносцева. В одной из таких речей, произнесенных в Славянском комитете, отмечалось: «Англия, стараясь поддержать существование Турции из видов политических, ссудила ее огромными капиталами и теперь хозяйничает и распоряжается ею, как своей вассальной державой. Франция из таких же видов (хотя в сущности противоположных Англии) поддерживает существование ее. Австрия поддерживает Турцию потому, что с падением ее нарушается целое существование Австрийской империи; прочие державы во всем сильно согласуются с действиями первостепенных держав Европы, восточным вопросом крайне заинтересованных, вот на каком основании магометанство с яростью и с свойственным ему фанатизмом продолжает бесчеловечно угнетать у себя столько миллионов христиан. Англия,

из своих выгод поддерживая Турцию, купила свободу несчастных там христиан и обрекла их быть жертвами турок до тех пор, пока политика на востоке выгодна для блага ее подданных (...) вот причина покровительства Турции; вот почему в журналы Англии, несмотря на все неистовства турок против христиан в Европе и Сирии, один за другим восхваляются мнимую цивилизацией Турции и нахально восхваляют мудрое правление султана с целью морально и материально поддержать в глазах Европы давно уже сгнившую основу подпертой империи. Вот почему задунайские славяне, кроме заинтересованных политикою западных держав, долго не подозревая побочных подпор империи, не раз рвались высвободиться из под яростного и тяжкого ига магометан; но падение Черногории открыло им современную прочность Турции; оно раскрыло наконец глаза всему свету, что за спиной Турции стоят перво-степенные державы Европы»¹⁹. Победоносцев заключил, что «Речь эта прекрасно написана, хотя в ней и нет довольно резких обращений...»²⁰. Эти слова были адресованы наследнику престола вел. кн. Александру Александровичу. Еще в 1876 г., когда разгорался «пожар Балкан», Константин Петрович, обращаясь в письме к наследнику, подчеркивал, что только объединившись всем славянским народам можно противостоять и Турции и Западу²¹. Необходимо отметить, что цесаревич оказался достоин своего учителя. Когда Александр III пришел к власти, то относительно своего внешнеполитического курса выразился предельно кратко и точно: «У России есть лишь два верных союзника – ее армия и флот»²².

Так же как и большинство русского общества, Победоносцев тяжело воспринимал неудачи русской армии под Плевной и осаду Баязета. Главную причину он видел в низком качестве высшего командного состава армии. По его мнению, вооруженным силам не хватало «начальственного ума»²³. С другой стороны, Константин Петрович достаточно критично отнесся к самой идее присутствия императора Александра II в Действующей армии. Ни для кого не являлось секретом, что царь обязательно будет вмешиваться в распоряжения главнокомандующего и штаба, и Победоносцев вынужден был с горечью констатировать: «Зачем пускают его (Александра II. – С.К.) командовать – неопытного еще человека, и его следовало бы поберечь и устранить от фальшивого положения»²⁴.

Победоносцев довольно часто критиковал Александра II и за нерешительность, и за отсутствие последовательного правительственного курса, и за нерациональную внешнюю политику. В письме к Е. Ф. Тютчевой в сентябре 1877 г. он писал: «Государь, по-видимому, впал в пассивное состояние; решится ли он вопреки себя, взять метлу в руки, выместь прежних, взять новых людей. Во всю жизнь он как бы по природе боялся способных людей, избегал их, искал ничтожества, потому что

на ничтожестве легче было ему успокоиться»²⁵.

Однако критика не ограничивалась только императором. С началом войны с Турцией больше всего доставалось Д. А. Милютину и С. С. Левоускому как главам Военного и Морского министерств. Он обвинял их в плохой подготовке к войне, а также в том, что проведенные преобразования в армии просто «выдоили» из казны деньги. В письме к вел.кн. Александру Александровичу как нельзя лучше определилось отношение Победоносцева к главам силовых ведомств: «Рассказывают поразительные, превышающие всякое вероятие истории о систематическом грабеже казенных денег в военном, морском и разных других министерствах, о равнодушии и неспособности начальствующих лиц и проч. Рассказывают удивительные, невероятные вещи... Дай боже, чтобы эти отзывы были преувеличены»²⁶.

Победоносцев, как и вся русская общественность, негативно воспринял результаты Берлинского конгресса. Однако он отрицательно отнесся и к резкой речи главы Московского славянского комитета И. С. Аксакова²⁷. Он считал, что изменить что-либо уже невозможно и если пойти «на поводу» Аксакова и его единомышленников, то это внесет в общество смуту и раздражение; более того, неизвестно, как народ может воспринять слова председателя Славянского общества²⁸.

Рассматривая «партию действия», необходимо определить отношение наследника престола к событиям на Балканском полуострове. В монографии «Русско-турецкая война 1877–1878 гг.» Н. И. Беляев поспешил отнести вел. кн. Александра Александровича к числу сторонников «воинственно настроенной партии»²⁹, которая хотела войны с Турцией. Однако само определение «воинственная партия» подразумевает изначально активных сторонников открытия военных действий против Турции. Возникает вопрос о том, были ли таковые в правящем доме Романовых и можно ли отнести к сторонникам этой партии вел. кн. Николая Николаевича, Александра Александровича, как это сделал в своем исследовании Беляев³⁰. То, что эти близкие родственники императора приняли активное участие в войне (один являлся главнокомандующим, а другой возглавлял самый крупный отряд Дунайской армии), доказывает только одно: младший брат Александра II и наследник престола выполняли свой долг.

Большинство исследователей уверены, что на позицию вел. кн. Александра Александровича повлияла Крымская война и им руководили реваншистские настроения. Разумеется, этот аспект сбрасывать со счетов нельзя. Но будучи человеком военным, наследник престола понимал, что русская армия находится в стадии реформирования и к войне не готова. Выражая поддержку национально-освободительному движению на Балканском полуострове, великий князь не был сторонником силового разрешения балканского вопроса. Русская армия, реформированная во-

енным министром Д. А. Милютиним, еще не достигла того уровня, который обеспечивал бы уверенность в войне против Османской империи. Кроме того, у России отсутствовал флот на Черном море и в случае открытия боевых действий южные регионы страны оказались бы под угрозой вторжения. В письме своей жене цесаревне Марии Федоровне наследник престола писал: «Сегодня получил депешу, что турецкому флоту приказано немедленно оставить Кандию, где он находился, и идти в Константинополь; видно, что они что-то готовят для нас. А мы здесь в Черном море должны спрятать все наши негодные суда в Николаев, чтобы их не сожгли, а действовать им и немисливо... До чего дошло наше Морское министерство – это просто отвратительно и подло! Да и все у нас в этом роде во всех министерствах; Военное министерство не лучше Морского – это мы увидим теперь при мобилизации войск!»³¹

Сам наследник российского престола, по всей видимости, полагал, что война с Турцией – явление неизбежное. Более того, он прекрасно понимал, что российское общество настолько свыклось с самой идеей вооруженного столкновения с Османской империей, что остановить этот процесс «милитаризации» социума было невозможно никакими мерами. В своем дневнике за 1876 г. вел. кн. Александр Александрович оставил следующую запись: «Вся Россия говорит о войне и жалеет ее и вряд ли обойдется без войны. Во всяком случае, она будет одна из самых популярных войн и вся Россия ей сочувствует»³². Нельзя не отметить проявленный наследником престола интерес к «популярности» войны: соображения, связанные с укреплением имиджа власти в глазах общества и армии путем внешнеполитических действий, и здесь имели свое значение. Но искушение «популярной» войны ограничивалось целым комплексом страхов и опасений в отношении конкретных военно-политических вопросов и понятным стремлением к установлению пределов вмешательства общества в вопросы внешней политики.

Великий князь Александр Александрович был достаточно хорошо ознакомлен с ситуацией на Балканском полуострове. Разумеется, информацию он получал не только из прессы. На рубеже 1876–1877 гг. наследник престола получал письма от генерала Р.А. Фадеева, который находился в Сербии. Несмотря на достаточно воинственные взгляды Ростислава Андреевича³³, послания к будущему российскому императору наполнены опасениями в отношении будущей войны. Кроме того, по заявлению генерала, Россия совершенно не представляла своих задач в предстоящей войне. По его мнению, общественные силы в лице Славянских благотворительных комитетов толкали страну в хаос войны, и «политические и военные цели не совпадают между собой»³⁴.

Более того, Р.А. Фадеев предупреждал великого князя Александра Александровича, что осво-

бождение славян Балканского полуострова в ходе войны с Османской империей не будет означать нормализации ситуации в данном регионе. Фадеев допускал не только то, что за Турцию вступится Англия или Австрия, но и то, что начнется более опасная для России партизанская война с «турецким народом»³⁵. Что же касается поддержки России со стороны местного славянского населения, то скептицизм Ростислава Андреевича, действительно, имел основания («славянское население Австрии и Турции сочувствует нам лишь отчасти и то скорее литературным образом, даже там, где они располагают некоторой свободой действий, как в Сербии»)»³⁶.

По всей видимости, генерал Фадеев, отправляя письмо наследнику престола, полагал, что последний предостережет Александра II от необдуманных решений в отношении конфликта с Турцией. Однако даже если бы великий князь Александр Александрович и хотел изменить вектор внешней политики, сделать это было уже невозможно. Начало открытия боевых действий было лишь делом времени. Александр II и все его окружение, скорее, оказались во власти обстоятельств, неудержимого исторического развития событий, чем принимали решения. Лично вел. кн. Александру Александровичу нужно было лишь исполнять волю своего отца.

Наследнику престола не нравилась некоторая нерешительность кабинета министров. По сути, каждый предлагал свое. Если главы Военного министерства и Министерства финансов являлись противниками войны в силу специфики своих ведомств, то руководитель МИДа кн. А. М. Горчаков в силу возраста утратил интерес ко всему происходящему. Вел. кн. Александр Александрович писал своему наставнику К. П. Победоносцеву: «Да, были здесь тяжелые минуты нерешительности и неизвестности и просто отчаяние брало. Более ненормального положения быть не может, как теперь: все министры в Петербурге и ничего не знают, а здесь (имеется в виду Ливадия. – С. К.) все вертится на двух министрах: Горчакове и Милютине. Канцлер состарился и решительно действовать не умеет, а Милютин, конечно, желал бы избежать войны, потому что многое прорвется наружу. К счастью, когда я приехал сюда, то застал Игнатьева, который раскрыл глаза всем и так их пичкал, что наконец пришли к какому-нибудь плану действий»³⁷.

В ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. четко обнаруживалось соотношение интересов внешней политики, как их понимало руководство страны (по преодолению последствий Крымской войны), с идеологией освобождения южных славян, которая объединяла российское общество. Таким образом, в определенной степени точки соприкосновения позиций власти и общества Российской империи по отношению к восточному вопросу были. Кроме того, как в среде императорской фамилии, так и в бюрократической элите

сформировался устойчивый интерес к популярности войны с Османской империей, в целях использования ее для повышения имиджа власти.

Примечания

- ¹ См.: *Jelavich B. A Century of Russian Foreign Policy*. Philadelphia, 1964. P. 134 ; *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу : Как имперское миротворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 179. Название восходит к фразе А. М. Горчакова «Россия не дуется, Россия сосредотачивается».
- ² См.: *Захарова Л. Г. Д. А. Милютин : военный министр и реформатор. «Все наше государственное устройство требует коренной реформы снизу доверху» // Россия : международное положение и военно-экономический потенциал.* М., 1991.
- ³ *Дмитриевский А. А.* Граф Н. П. Игнатъев, как церковно-политический деятель на православном Востоке. СПб., 1909. С. 3.
- ⁴ Цит. по: *Канева К.* Рыцарь Балкан граф Н. П. Игнатъев. М., 2006. С. 25.
- ⁵ См.: *Лилуашвили К. С.* Национально-освободительная борьба болгарского народа против фонарийского ига и Россия. Тбилиси, 1978. С. 118.
- ⁶ См.: Там же. С. 129.
- ⁷ Проект предложенный гр. Игнатъевым включал в себя:
 - 1) самоуправление в провинциях, создание провинциальных советов с пропорциональным представительством от всех национальностей;
 - 2) восстановление прав православных и армянских церквей и создание болгарских церквей;
 - 3) самостоятельность христианских школ и независимость от их правительства;
 - 4) широкое участие христиан в судебной системе;
 - 5) реализация равенства всех перед законом;
 - 6) введение улучшений в судебных организациях;
 - 7) публикация законов на сербском, болгарском и греческом языках. (*Хевролина В. М. Н. П. Игнатъев и А. М. Горчаков : два взгляда на решение балканской проблемы (вторая половина 60-х гг. XIX в.) // Россия и Болгария к 125-летию русско-турецкой войны 1877–1878 гг.* М., 2006. С. 23–24).
- ⁸ *Игнатъев Н. П.* После Сан-Стефано. Пг., 1916. С. 107 ; См.: *Хевролина В. М. Н. П. Игнатъев и его «Походные письма 1877 года» // Игнатъев Н. П. Походные письма 1877 года.* М., 1999. С. 7.
- ⁹ *Хевролина В. М. Н. П. Игнатъев и А. М. Горчаков : два взгляда на решение балканской проблемы...* С. 19.
- ¹⁰ Если быть более точным, то в 1868 г. гр. Игнатъев обратился с письмом к министру А. М. Горчакову, в котором выдвинул идею формирования общественного мнения в Западной Европе о политике России в Турции. «Тщательное наблюдение и четырехлетний опыт убедил меня, – докладывал посол, – что лживые корреспонденции с Востока и телеграфические известия, распространяемые мгновенно по свету, преимущественно основываются на сообщениях нескольких корреспондентов, проживающих или временно пребывающих в Константинополе, из коих каждый снабжает сведениями целую группу европейских газет. Некоторые из этих корреспондентов мне лично известны... необходимо отчасти парализовать корреспонденции, направленные против России, помещая одновременно через тех же людей сведения, представляющие события в свете нам более благоприятном...» (Цит. по: *Алексеев М. Н.* Военная разведка в Российской империи – от Александра I до Александра II. М., 2010. С. 250).
- ¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 730. Оп. 1. Д. 709. Л. 3.
- ¹² Там же. Л. 4-5об. Более того, гр. Игнатъев, находясь в Стамбуле, выполнял и задачи чисто разведывательного характера. Именно разведанные легли в основу записки «О положении дел на Востоке». В документе уделено значительное место вопросу о военной подготовке Турции к возможной войне с Россией: «Готово ли мусульманское население стать в ряды по призыву правительства [...] власти поставили в ряды лишь тех, которых успели выхватить врасплох. В прошлую войну с нами турки высказывали еще некоторое одушевление, теперь же у них оказалось желание – уйти от службы или явная непокорность. Ни один батальон не доведен до штатного числа, а в большей части вместо 800 рядовых не выставлено и 600, кавалерия едва укомплектована до двух третей против положения 90 всадников на эскадрон. При начале мобилизации в октябре прошлого года турецкая армия составляла из 278 сформированных батальонов, численность которых 242000 под ружьем, теперь число готовых батальонов 299, да число рекрут и пойманных и отпускных в рядах за это полугодие никак ни меньше 30000, что составляет вместе с 19-ю новыми батальонами приращение в 45 тыс. солдат, а между тем общая численность турецких войск под ружьем не превышает в настоящее время, по достоверным данным, 198, положим 200 тысяч. Значит, ничтожное по размерам герцеговинское восстание ослабило в десять месяцев турецкую армию почти на 90 тысяч солдат» (Там же. Л. 8–10).
- ¹³ *Хевролина В. М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев... С. 220.
- ¹⁴ См.: *Айвазов И. Г.* Церковные вопросы в царствование императора Александра III. М., 1914 ; *Доброславский В.* Константин Петрович Победоносцев в своих педагогических воззрениях. Харьков, 1911 ; *Нольде А. Э.* Победоносцев и судебная реформа. Пг., 1915 ; *Тальберг Н. Д.* Победоносцев. Очерки по истории императорской России. М., 2000 ; *Преображенский И. В.* Константин Петрович Победоносцев, его жизнь и деятельность в представлении современников его кончины. СПб., 1912 ; *Гальцева Р. А., Роднянская И. Б.* Раскол в консерваторах (Ф. М. Достоевский, В. Соловьев, И. С. Аксаков, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев в споре об общественном идеале) // Неоконсерватизм в странах Запада : в 2 ч. М., 1982. Ч. 2 ; *Готье Ю. В. К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович // К. П. Победоносцев : pro et contra.* СПб., 1996 ; *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964 ; *Он же.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970 ; *Захарова Л. Г.* Кризис самодержавия нака-

- нуне революции 1905 г. // *Вопр. истории.* 1972. № 8 ; *Преображенский П.* Русский папа // Печать и революция. 1924. № 1 ; *Фирсов Н. Н.* Победоносцев. Опыт характеристики по письмам // К. П. Победоносцев : pro et contra. СПб., 1996 ; *Ведерников В. В.* «Московский сборник» К. П. Победоносцева и кризис идеологии пореформенного самодержавия // *Вестн. Волгогр. гос. ун-та.* 1997. Сер. 4, № 2 ; *Гусев В. А.* К. П. Победоносцев – русский консерватор-государственник // *Соц.-полит. журн.* 1993. № 11–12 ; *Рабкина Н. А.* Константин Петрович Победоносцев // *Вопр. истории.* 1995. № 2 ; *Соловьев А. Л.* Общественно-политические взгляды и государственная деятельность К. П. Победоносцева : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001 ; *Степанов Ю. Г.* «Второе пришествие» «Московского сборника» // *Историограф.* сб. Саратов, 1996. Вып. 19 ; *Он же.* К. П. Победоносцев – корреспондент А. И. Герцена // *Освободительное движение в России.* Саратов, 1999. Вып. 17.
- 15 См.: *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.
- 16 См.: *Byrnes R.* Pobedonostsev. His Life and Thought. Bloomington; L., 1968 ; *Simon G.* Konstantin Petrovic Pobedonostsev und die Kirchenpolitik des Heiligen Sinod. Gottingen, 1992.
- 17 Цит. по: *Полунов А. Ю.* Указ. соч. С. 159.
- 18 *Мецкерский В. П.* Воспоминания. М., 2001. С. 633.
- 19 ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 25. Л. 2-2об.
- 20 Цит. по: *Полунов А. Ю.* Указ. соч. С. 162.
- 21 «Как давно нам надо было понять, что вся наша сила в нас самих, что ни на одного из так называемых друзей и союзников (Франция и Германия. – С.К.) нельзя нам положиться, что всякий из них готов на нас броситься в ту же минуту, как только заметит нашу слабость или ошибку» (*Полунов А. Ю.* Указ. соч. С. 161).
- 22 Цит. по: *Керсновский А. А.* История русской армии : в 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 11.
- 23 Цит. по: *Полунов А. Ю.* Указ. соч. С. 163.
- 24 Переписка С. Д. Шереметева с К. П. Победоносцевым // *Российский архив.* 1999. Т. 9. С. 294.
- 25 Цит. по: *Итенберг Б. С.* От 4 апреля 1866 до 1 марта 1881 года // *Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А.* [и др.]. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 243.
- 26 Цит. по: *Полунов А. Ю.* Указ. соч. С. 165.
- 27 См.: *Цимбаев Н. И.* Речь И. С. Аксакова о Берлинском конгрессе и закрытие Московского славянского общества // *Россия и восточный кризис 70-х гг. XIX в.* М., 1981.
- 28 См.: *Полунов А. Ю.* Указ. соч. С. 164.
- 29 *Беляев Н. И.* Указ. соч. С. 7.
- 30 Там же.
- 31 Цит. по: *Шульга В. В.* Великий князь Александр Александрович в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // *Власть.* 2009. № 1. С. 125.
- 32 ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. Л. 61.
- 33 Р. А. Фадеев считал, что если и надо вести войну с Османской империей, то, безусловно, при поддержке держав Европы и в первую очередь Австрии. В своей работе «Мнение о Восточном вопросе» генерал отмечал: «Дело в том, что нам невозможно вести войну на Балканском полуострове без позволения Австрии, а этого позволения мы не получим ни в коем случае. Посмотрите на карту: нам открыт доступ на Европейскую Турцию только одним путем – через ворота между юго-восточным углом Карпат и устьем Дуная; ключ от этих ворот у Австрии. Переходя Дунай или даже Прут, мы становимся тылом к ней. В этом неловком положении первая угрожающая демонстрация нашей доброй соседки заставляет нас поспешно отступить, как было в 1854 г. Нижний Дунай доступен только при австрийском паспорте. В отношении к нам географическое положение европейской Турции уподобляется прочному ящику, крышку которого составляет Австрия; не приподнявши крышки, нельзя ничего достать из ящика – мы уже достаточно это испытали» (*Фадеев Р. А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010. С. 648).
- 34 ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 368. Л. 2.
- 35 Там же.
- 36 *Фадеев Р. А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ. С. 664.
- 37 Цит. по: *Толмачев Е. П.* Александр III и его время. М., 2007. С. 138.

УДК 94(47).083+929 Гершуни

«ХУДОЖНИК В ДЕЛЕ ТЕРРОРА»: ГРИГОРИЙ ГЕРШУНИ (опыт исторической характеристики)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

Статья представляет собой опыт построения исторической биографии одной из ключевых фигур революционной эпохи России начала XX века «художника» террора – Г. А. Гершуни. Автор, основываясь на источниках личного происхождения и официальных документах, анализирует деятельность

лидера Боевой организации эсеров и предпринимает попытку создания историко-психологического портрета Григория Гершуни.

Ключевые слова: Григорий Гершуни, организатор, Боевая организация эсеров, революционный террор.

**«The Artist and Terror as the Aim of His Entire Life»:
Gregory Gershuni (a Historical Portrait)**

Yu. V. Varfolomeev

The article is an attempt to construct a historical biography of one of the key figures of the revolutionary era in Russia of the early 20th century – «artist» of terror, G. A. Gershuni. The author analyzes the performance of the SRs' military organization leader on the basis of personal and official documents and tries to create a historical and psychological portrait of Gregory Gershuni.

Key words: Gregory Gershuni, organizer, SRs Fighting Organization, revolutionary, terror.

Исследованию различных сторон феномена революционного терроризма в России посвящено большое количество работ. В то же время актуальность изучения этой проблемы в настоящее время не только не ослабевает, но и в связи с эскалацией террористической деятельности, как на международной арене, так и внутри страны, приобретает особую значимость. Однако всестороннему изучению и глубокому осмыслению революционного терроризма в течение длительного времени мешали идеологические установки, господствовавшие в советской историографии, которые базировались на ленинских характеристиках и критике террористической тактики т.н. «мелкобуржуазных партий»¹. Революционный терроризм изучался в основном в трудах, посвященных истории освободительного движения и политических партий, причем опосредованно, как досадное недоразумение на фоне магистральной борьбы большевиков с царизмом².

При этом в советской историографической традиции сложилась своеобразная апологетика народофильского и эсеровского террора, которая в различных аспектах была интерпретирована в ряде исследований при объяснении причин и целей террористического движения. Так, например, Ф. М. Лурье, выражая подобную точку зрения, полагает, что эсеровский красный террор был вызван к жизни террором государственным. Логика подобного суждения, интерпретирующая взгляды народофильцев – идеологов террористической борьбы, такова: если бы в России существовали демократические институты власти, то революционный терроризм был бы невозможен, так как он являлся следствием безысходности при отсутствии парламентской альтернативы самодержавию³.

Определенный прорыв в изучении истории революционного терроризма связан с постсоветским периодом в отечественной историографии, знаковыми и характерными чертами которого стали отсутствие идеологической доминанты и широкий плюрализм точек зрения, что, в свою очередь, способствовало формированию нескольких тенденций и направлений в исследовании данной проблематики⁴. С этого момента появилась реальная возможность концептуализации такого

явления, как революционный террор, основанной на анализе его исторических корней, генезиса, а также социокультурных, мировоззренческих и психологических детерминант.

Особое место в изучении различных аспектов российского революционного террора занимают зарубежные исследователи. Весьма показательным, что одна из немногих попыток сформулировать общую концепцию истории терроризма в России предпринята в статье американского историка Н. Неймарка «Терроризм и падение императорской России»⁵. В работах А. Гейфман изучается размах терроризма в России в период с 1894 по 1917 г., и в первую очередь в годы Первой русской революции (1905–1907). Используя архивные документы, она произвела подсчеты и привела максимально достоверные шокирующие цифры жертв революционного террора. При этом автор, исследуя значение внезапной и мощной эскалации террористической атаки, показывает, какую роль в революции начала XX в. сыграли убийства, покушения, взрывы, политические грабежи, вооруженные нападения, вымогательства и шантаж, и что важно для изучаемой темы, ученый описывает террористов нового типа, которые, как она считает, отличались от своих предшественников тем, что были сторонниками систематического неразборчивого насилия и составили авангард мирового терроризма. Один из выводов, к которому приходит Гейфман, – это то, что в начале XX в. в Российской империи возник и доминировал новый тип террористов, в большей степени предшественников современных экстремистов, чем преемников российских террористов XIX века⁶. В книге Л. Г. Прайсмана рассматривается история одной из самых грозных террористических групп века – Боевой организации партии социалистов-революционеров, организатором которой был Г. А. Гершуни. Основную проблему, которую изучает автор, – это роль и значение террора в политической истории России начала XX века. При этом он задается закономерным вопросом: почему представители различных классов, сословий, национальностей, выходцы из элиты страны шли в террор и самоотверженно отдавали свои жизни ради свержения существующего общественного строя? В книге также исследуется деятельность и других террористических организаций эсеров: Летучего боевого отряда Северной области, Центрального боевого отряда и др.⁷

Между тем, несмотря на большое количество работ по данной проблематике, ощущается дефицит исследований, посвященных непосредственно ключевым фигурам революционного террора – его организаторам, вдохновителям и исполнителям. В частности, такой противоречивой, харизматичной и отчасти загадочной личности, как Григорий Андреевич Гершуни.

Прежде всего, следует отметить изменения, коснувшиеся социального портрета революционера новой эпохи. Так, если террористы второй

половины XIX в. принадлежали, как правило, к привилегированным, или, точнее, к состоятельным, слоям общества, то большинство их последователей новой революционной волны были выходцами из обедневших крестьянских семей, перебравшихся в поисках заработка из села в город. Они, как правило, испытывали серьезные материальные трудности, а также крайне медленно и болезненно адаптировались к новому и чуждому для них городскому социуму. Неудивительно и вполне закономерно, что эта категория новоиспеченных «пролетариев» легко и быстро поддавалась революционной агитации, причем в ее крайнем, экстремистском выражении. Этому способствовал и так называемый революционный невроз, охвативший различные слои общества. «Революционный невроз, – считали современники тех событий известные французские историки О. Кабанес и Л. Насс, – не праздное слово. Он действительно и, несомненно, существует и вносит самое беспорядочное смятение не только в души отдельных личностей, но и в души целых обществ»⁸.

Этика и психика подготовленного в недрах террористической организации боевика представляли собой гремучую смесь тираноборческих настроений, революционного фанатизма, религиозной жертвенности и некрофильских настроений. Германский историк М. Хилдермейер справедливо замечает, что в эсеровской идеологии террористические акты получали дополнительное оправдание при помощи моральных и этических аргументов. «На террористов распространялась особая аура, – делает вывод О. В. Будницкий, – ставившая их выше обычных членов партии, как их удачно называет Хилдермейер, “гражданских членов партии”. Ведь террористы должны были быть готовы отдать жизнь за дело революции»⁹. С этой точки зрения представляется крайне важным выяснить мировоззрение и психологию организатора и лидера Боевой организации, и, по сути, наставника и воспитателя террористов – Григория Гершуни.

Григорий Гершуни (Герш Исаак Цукович) родился 29 сентября 1870 г. в Таврово Ковенской губернии. Его детство и юность прошли в типичной для еврейского подростка обстановке. Семья Гершуни испытывала материальные затруднения и Григорию, из-за недостатка средств, не удалось окончить гимназию. В то же время он сдал экзамены на аптекарского ученика, и в 1895 г. поступил на фармацевтические курсы Киевского университета. Однако спокойная и размеренная жизнь местечкового обывателя или аптекаря его, очевидно, не прельщала, и уже через год он был впервые арестован за связь с участниками студенческого движения. Но тогда он, можно сказать, легко отделался, так как не был предан суду и вскоре был освобожден. Между тем, получив профессию провизора, Гершуни перебирается в Москву и работает в Институте экспериментальной медицины.

На феномен необъяснимого, на первый взгляд, наличия революционной бациллы в профессии фармацевта спустя годы обратил внимание профессор-юрист Г. Г. Тельберг. «Оказалось, что фармация была как бы подготовительной школой советских государственных деятелей первых годов, нечто вроде прославленного “Училища правоведения”, которое было питомником дипломатов и помпадуров в царские времена, – с грустной иронией отмечал он в 1918 году. – А мы-то, живя бок о бок с фармацевтами, совершенно не подозревали в них государственных талантов...»¹⁰ Саркастическое замечание Тельберга насчет наличия у фармацевтов особых «талантов», если и не государственных, то уж во всяком случае деструктивно-революционных, по отношению к Гершуни было вполне уместно.

Секрет популярности этой профессии среди еврейской молодежи можно объяснить отчасти их стремлением вырваться из пресловутой «черты осёдлости». Однако в дальнейшем этот безобидный шаг имел более опасные и далеко идущие последствия. Как оказалось, непродуманные дискриминационные правительственные меры находили острый и драматичный отклик в еврейской среде и особенно болезненно воздействовали на сознание молодежи и, по сути, толкали её в объятья революционной стихии. Неудивительно, что мирные «фармацевты» вступали в экстремистские оппозиционные организации. Теперь уже в своих легальных лабораториях, имея все необходимые ингредиенты и приборы, они стали изготавливать бомбы (в прямом и в переносном смысле этого слова) для ненавистного царского режима. Неизвестно, как бы сложилась московская жизнь фармацевта Гершуни, если бы не издание Высочайшего повеления от 13 ноября 1897 г., в соответствии с которым евреям, изучающим фармацию, фельдшерское и повивальное искусство, было воспрещено селиться в Москве и Московской губернии¹¹.

В связи с этим в 1898 г. Гершуни вынужден был покинуть Москву и поселиться в Минске, где он организовал лабораторию для бактериологических исследований. Деятельный и неравнодушный молодой человек все свободное время теперь посвящает организации культурно-просветительской работы. Свою энергию и организаторские способности он направил на создание начальной школы для мальчиков и передвижного музея школьных пособий. Одновременно с этим он читал лекции в субботней школе для взрослых, а при Минском обществе врачей он организовал народные чтения, на которых и сам был одним из лекторов.

Но легальное и лояльное культуртрегерство его уже не удовлетворяло. В конце XIX в. революционный невроз, все шире и глубже распространявшийся в российском обществе, охватил и Григория Гершуни. Он всё больше и больше увлекается революционными идеями. С этого момента

в общественном движении появляется революционер по кличке «Дмитрий», который становится постоянным участником, а порой и организатором редких ещё по тем временам массовых митингов. «Случалось, что он внезапно как из-под земли вырастал там, где атмосфера переполнялась электричеством стачечного брожения»¹², – отмечал эту особенность В.Н. Чернов. Уже тогда очевидцы говорили о нем как об ораторе, оставляющем «незабываемое по силе впечатление»¹³. Спустя некоторое время Гершуни устраивает мастерскую станков для подпольных типографий и создает бюро изготовления нелегальных паспортов, что было крайне необходимо подпольщикам в то время. А между тем неугомонная революционная среда полнилась слухами о «вездесущем и неуловимом» Дмитрие – «бурном ораторе» массовых митингов.

Однако переломным моментом в судьбе провинциального революционера все-таки стал тот день, когда на него «натолкнулась» «бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская, которая в целях пополнения рядов «незримого воинства» будущей партии социалистов-революционеров без устали разъезжала тогда по России и «исккала человека». «Светлая голова», – отметила она про себя, встретив Гершуни¹⁴. Революционное чутье её не подвело, именно такого, как он, по её искреннему убеждению, и следовало «привлечь к эсерству – дело будет»¹⁵. И начало террористическому «делу» с именем этого революционного новобранца было положено. В некогда мирном культурном деятеле, умном и осторожном провизоре и бактериологе Гершуни она нашла того самого «человека», который не только пополнил ряды эсеровского воинства, но и стал одним из отцов-основателей Боевой организации и идеологов революционного террора нового века.

Следует подчеркнуть, что решающее влияние в этот период времени на формирование мировоззрения молодого революционера оказала, безусловно, «бабушка русской революции», под воздействием которой Гершуни решил полностью отдать свою жизнь, как он считал, на «благо и интересы трудового народа»¹⁶. Вместе с тем его кумиром на протяжении всей жизни оставался П. Л. Лавров. Очевидно, в стремлении стать именно той «критически мыслящей личностью», портрет которой нарисовал Лавров, он откликнулся на призыв идеолога народничества, утверждавшего, что «нужны энергические, фанатические люди, рисующие всем и готовые жертвовать всем»¹⁷. Его природные качества, как оказалось, в полной мере соответствовали этому образу революционера. «Светлая голова» венчала «какой-то весь круглый, полноценный, гармоничный» образ фармацевта от революции. «В нем была широта и размах, и спокойная, меры себе не знающая, духовная сила»¹⁸, – констатировала М. А. Спиридонова.

Наряду с проступающей в поступках и словах Гершуни внутренней энергичностью, столь не-

обходимой «критически мыслящей личности», в нём обращала на себя внимание и его наружность. «На обыкновенном добром еврейском лице, как контраст ему, выделялись совершенно необыкновенные большие, молочного-голубые, холодные глаза, – отмечал Б. В. Савинков. – В этих глазах оказывался весь Гершуни. Достаточно было взглянуть на них, чтобы убедиться, что перед вами человек большой воли и несокрушимой энергии»¹⁹. Именно глаза Гершуни наряду с «присутствием очень большой силы» поразили и М. А. Спиридонову. «Удивительны были его глаза. Серо-синие, большой красоты и сияния, – с женской наблюдательностью и пронизательностью подметила она. – Глаза говорили с вами, утешали вас, ласкали, гневались. Лица не было видно и неинтересно было видеть, все внимание уходило в глаза»²⁰. Не ускользнул необычный, словно околдовывающий, взгляд свойственный Гершуни и от внимания опытного жандармского офицера А.И. Спиридовича. «Его гипнотизирующий взгляд, – вспоминал он, – и вкрадчивая речь покоряли ему собеседников и делали из них его горячих поклонников»²¹.

Сочетание гипнотизирующего взгляда и вкрадчивой речи, действительно, производили на общавшихся с ним людей неизгладимое впечатление. Причем многие из них ощущали завораживающую метаморфозу речи Гершуни, когда вначале «он говорил мягко-убедительно, но голос все креп и креп, звук рос и расширялся, глаза начинали буквально метать молнии, и все взгляды приковывались к нему»²², – свидетельствовала Спиридонова. «Его слова были тоже, по первому впечатлению, обыкновенно бесцветны, – вспоминал Савинков. – Только в дальнейшем разговоре выяснялась сила его логических построений и чарующее влияние его проникновенной веры в партию и в социализм»²³. Между тем гипнотизирующим был не только взгляд Гершуни, но и его воля, которая, по утверждению Спиридоновой, заставляла беспрекословно подчиняться ему. Вместе с тем она уточняла, что при всей внешней деспотичности своей природы «он стремился передать максимум своих знаний и опытности и своей доброты <...> Интересно бывало наблюдать его неизменную выдержку и ровность в обхождении, несмотря на большую нервность и впечатлительность»²⁴.

И, завершая портретную зарисовку своего террористического кумира, Мария Спиридонова заговорила почти «библейским языком». Именно на этом языке, считала она, «хорошо бы все сказало о Гершуни», так как он «сам будто принесен оттуда – из времен библейских, только в теперешнем культурном обличье». Вершиной её восторженной характеристики Гершуни и логическим завершением библейского сюжета о нём стал следующий пассаж: «Он был добр не простой добротой. Казалось, в нем сконцентрировалось все прекраснейшее, что имеет в своей

духовной сокровищнице еврейская национальность. Он происходил по прямой линии от того колена, которое родило Христа. Чувство долга, чувство правды, взыскующей града, чувство любви, часто контролируемое сознанием, – все в нем поглощалось одним чувством, одним сознанием ежечасного, ежеминутного пребывания на служении своей идее»²⁵. Однако в своих библейских фантазиях насчет Гершуни она, как ни странно, оказалась не одинока. Точно так же и ветеран-народоволец М. В. Фроленко признавался, что воспринял его «похожего, как мне казалось, на Иисуса по своим душевным качествам»²⁶. Остается только удивляться их столь нелепым и неуместным сравнениям. Вызывает недоумение и то обстоятельство, что они умудрились объявить прекрасным по доброте и душевным качествам человеком Гершуни – убежденного террориста, хладнокровного и цинично-расчетливого организатора политических убийств.

В 1899 г. Г. А. Гершуни вступил с кружок «Рабочая партия политического освобождения России» и, несмотря на своё весьма сомнительное отношение к рабочему классу, вскоре его возглавил. Однако в марте 1900 г. была обнаружена нелегальная типография, созданная Гершуни, и 19 июня этого же года он как её организатор был арестован. На интеллектуально-просветительских и психологически филигранных допросах у начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова, действительно светлой головы политического сыска, Гершуни, вопреки неписаному кодексу «революционной чести» задержанных экстремистов, всячески отрицал свою связь с подпольными организациями. Можно предположить, что такое его поведение объясняется желанием «переиграть» своего политического визави и как можно быстрее вернуться к практической работе. Подобная тактика оправдала себя – в июле 1900 г. следствие по этому делу было прекращено, и подозреваемый был освобожден из-под стражи.

Однако в начале 1901 г. Гершуни все-таки перешел на нелегальное положение, и летом этого же года он совершил организационно-пропагандистский вояж в стиле а ля Брешковская, посетив Нижний Новгород, Самару, Уфу, Воронеж и другие города. В этой поездке он не только устанавливал связи с кружками социалистов-революционеров, но и побуждал их к более активной деятельности. В конце 1901 г. Гершуни выехал за границу в качестве представителя южных и западных групп социалистов-революционеров, объединившихся в Южную партию социалистов-революционеров. В Женеве он вместе с В. М. Черновым, М. Р. Гоцем и Е. Ф. Азефом принял участие в переговорах о создании партии социалистов-революционеров.

Один из участников тех встреч, Чернов, отметил, что Гершуни «производил неотразимое впечатление с первого раза и притом на людей совершенно различных и друг на друга непохо-

жих», при этом он «ворвался», по его образному выражению, в его жизнь, а также и в жизнь русского революционного зарубежья «внезапно, наподобие того, как падают с неба на нашу землю блуждающие метеориты»²⁷. Правда, были и другие точки зрения. Так, например, Вера Фигнер утверждала, что при первой встрече Гершуни «не произвел большого впечатления. Быть может, он много терял в присутствии такого блестящего человека, как Савинков, а может быть, потому, что разговоры не были деловыми, не касались и таких тем, как жизнь в Акатуе, путешествие по Америке, рассказывая о которых, он мог развернуться»²⁸. Однако его ум, деловитость и искусство говорить она оценила несколько позже, когда жила в Финляндии.

Одной из первых ярких страниц в революционной биографии Гершуни была виртуозная организация транспортировки нелегальной литературы из-за границы. В апреле 1902 г. известный эсеровский функционер Степан Слетов попытался организовать экстренную отставку нелегальной первомайской литературы в Россию, но, как оказалось, из-за очередных организационных неувязок «праздничная» корреспонденция застряла где-то по ту сторону границы. Слетов метался между границей, Киевом и Воронежем, но все безуспешно. В то же самое время его трижды встречал на этом пути и под конец обогнал неудержимый Г. А. Гершуни. «Он проехал границу и в два дня наладил пути для транспорта»²⁹, – с нескрываемым удивлением и восхищением засвидетельствовал Слетов успех своего соратника – революционного «челнока» Гершуни. Такой же восторженной характеристики и эпитета «орёл» удостоился последний и от матерого контрабандиста, ставшего невольным свидетелем подпольной суеты эсеров. Несколькими месяцами ранее аналогичной характеристики удостоился Гершуни и от старого анархиста З. К. Арбори-Ралли. Таким образом, «анархист старых времен, простой галицийский мужик и молодой эсер-великоросс из Тамбова, – констатировал В. М. Чернов, – определили Гершуни единым словом»³⁰. Его «орлиная» энергия поражала и заряжала соратников. «Она была необъятна, всегда действенна и необыкновенно заразительна»³¹, – прочувствованно отметила М. А. Спиридонова.

Но, пожалуй, главным делом Гершуни стало создание и руководство Боевой организацией партии эсеров. Он первым наметил схему организации партии и четко сформулировал её цели, считая, что «Боевая организация не только совершает акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх и дезорганизацию в правящие сферы»³². При этом он, как видно, руководствовался наставлением П. Л. Лаврова, утверждавшим, что «пора бессознательных страданий и мечтаний прошла: пора героических деятелей и фанатических мучеников, безрасчетливой трагедии сил и бесполезных жертв прошла. Настала пора спо-

койных, сознательных работников, рассчитанных ударов, строгой мысли и неуклонной терпеливой деятельности»³³. И добросовестный ученик в течение нескольких месяцев готовит и проводит несколько хорошо продуманных и хладнокровно рассчитанных террористических ударов.

Выстрел П. В. Карповича в министра народного просвещения Н. П. Боголепова 14 февраля 1901 г. ознаменовал собой начало очередного и самого грандиозного этапа революционного терроризма двадцатого столетия в России. «Значение Карповича и состояло в том, что он дал первый толчок атмосфере бездействия и молчания. И река тронулась»³⁴, – отмечал в связи с этим один из его современников. Куда тронулась река революционного террора, и что скрывали её мутные, бушующие волны как раз и предстоит выяснить. Однако теракт Карповича, как оказалось, был плодом его личного авантюризма и совершен по его собственной инициативе и плану, без согласования и поддержки со стороны какой-либо революционной организации, хотя и под бесспорным влиянием эсеровской идеологии. В то время как следующий террористический акт, спланированный уже в «бактериологической лаборатории» Гершуни, был совершен 2 апреля 1902 г. в Санкт-Петербурге, когда бывший студент С. В. Балмашев смертельно ранил министра внутренних дел и шефа жандармов Д. С. Сипягина, который, по мнению эсеров, «из всех царских слуг и народных угнетателей больше всех просился под пулю»³⁵.

Еще более отчаянный и циничный теракт спланировал расчетливый фармацевт Гершуни на 5 апреля 1902 г. – день похорон Сипягина, когда на траурной церемонии должны были пасть еще две ненавистные фигуры царского режима – обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев и Петербургский генерал-губернатор Н. В. Клейгельс. Однако из-за нерешительности участников покушения эти террористические акты так и не были осуществлены. Также неудачно закончился и террористический акт 29 июля 1902 г., когда рабочий Фома Качура стрелял в харьковском парке «Тиволи» в губернатора кн. И. М. Оболенского, организовавшего подавление крестьянских беспорядков в Харьковской и Полтавской губерниях. Причем на этот раз Гершуни даже сам сопровождал Качуру на место теракта; но даже и это не помогло – Оболенский был легко ранен.

Следующий террористический акт, организованный Г. Гершуни и Е. Азефом, явился демонстративной мстью революционеров за гибель рабочих во время беспорядков в Златоусте. Как видно, революционеры не особенно пытались и хотели разобраться в истинных причинах трагедии, виновен или нет уфимский губернатор, но безапелляционно «приговорили» его к смерти, как наиболее высокопоставленного чиновника, находившегося в тот день на месте расстрела. Дата и место убийства были подобраны организаторами теракта с иезуитским коварством. 6 мая 1903 г. в

т.н. «царский день» (день рождения императора Николая II) в Соборном парке города Уфы члены Боевой организации, железнодорожный рабочий Е. Дулебов и его поделщик оставшийся неизвестным, застрелили Н. М. Богдановича.

Криминальный успех террористических атак группы «фармацевта» объясняется, на мой взгляд, не только хорошей организацией и кропотливой подготовкой акций, но и скрупулезным и, как правило, безошибочным подбором исполнителей, хотя Е. К. Брешко-Брешковская считала, что Гершуни «был крайне неумелым в определении годности того или другого типа. Он горячо хватался за всех, кто предлагал ему себя как решительного борца, готового сейчас же стать в ряды БО»³⁶. Думается, что в данном случае она не совсем права. Да, Гершуни действительно старался не выпускать из своих гипнотических сетей залетевших туда, сбившихся с жизненных координат «мотыльков» из молодежной среды. Он «внимательно присматривался к молодежи, которую встречал, намечая всех, кто заслуживал внимания»³⁷, – вспоминал В. М. Зензинов, и очень скоро под влиянием тщательной «бактериологической» обработки Гершуни эта разношерстная и многолика публика становилась единой и сплоченной частью Боевой организации. «Мудрость его обхождения и чистосердечие подхода и манер растопляли перегородки», – объясняла подобное превращение М. А. Спиридонова.

При этом возникает вопрос: в чем же заключался секрет идеологической и морально-психологической обработки боевиков-рекрутов революционного террора, которую проводил Григорий Гершуни? Народоволец М. В. Фроленко, хорошо знавший из своего жизненного опыта природу и характер совершенной подпольной террористической организации, считал, что как практик Гершуни, «вероятно, был плох, но как проповедник неотразим, думаю»³⁸. В данном случае, очевидно, Фроленко имел в виду практику, или, точнее, непосредственное участие в терактах. И здесь он прав. Гершуни сам не принимал участие в кровопролитии, но при этом был другим непревзойденным практиком – практиком безукоризненной организации этих преступлений.

По признанию самих террористов Гершуни «был большим ловцом и господином людей. И господство его не было тираническим, – поясняла Мария Спиридонова. – Он сам имел господина над собой и служил ему верно и преданно и всех, кто входил в круг его влияния, вел вместе с собой на служение своей идее»³⁹. Под его завораживающее, демоническое влияние попадали почти все, кто с ним соприкасался. Правда, по разным причинам: «одни, только любя и безмерно уважая его, – уточняла Спиридонова, – другие, отдавая ему свою волю и душу, как ученики любимому учителю. Со слепым подчинением»⁴⁰. Рассуждая о гармонии, о некоем абсолюте вселенской любви, а именно, о любви «к дальнему и ближнему»,

ссыльная террористка А. Биценко, находила только одного счастливого обладателя подобной гармонии – «Григория Андреевича Гершуни, умевшего, – по её мнению, – сочетать любовь к дальнему и ближнему»⁴¹. Думается, что говорить в данном случае о любви хладнокровного организатора убийств «к дальнему и ближнему», по меньшей мере, неуместно. На самом деле все здесь гораздо прозаичней. Гершуни, несомненно, «обладал исключительной способностью овладевать той неопытной, легко увлекающейся молодежью, которая, попадая в революционный круговорот, сталкивалась с ним»⁴², – раскрывал секрет революционного обаяния «фармацевта» наблюдательный А. И. Спиридович.

Авторитет и популярность Гершуни после серии террористических актов необычайно возросли, и он оказался в центре внимания своих соратников и спецслужб России. Однопартийцы восторженно отзывались о лидере Боевой организации. «Собственно центром боевой организации, диктатором её был Гершуни»⁴³, – утверждал В. М. Чернов. Ему вторил В. Зензинов: «Гершуни был замечательный организатор: как хороший хозяин большого предприятия»⁴⁴, а Б. В. Савинков уточнял, что вместе с другими товарищами он видел «в нем вождя партии и шефа террора»⁴⁵.

С другой стороны, и представители правоохранительных органов России трезво и объективно оценивали Г. А. Гершуни, отдавая ему должное как опасному и коварному противнику. «Убеденный террорист, умелый, хитрый, с железной волей»⁴⁶, – точно и емко охарактеризовал его А. И. Спиридович. Тогда же министр внутренних дел В. К. Плеве, отчетливо понимая угрозу, исходившую от изобретательного и одержимо-неудержимого лидера террористов, заявил С. В. Зубатову, что фотокарточка Гершуни будет стоять у него на столе до тех пор, пока последнего не арестуют. Сам Зубатов очень высоко ставил организационно-террористические способности и деловые качества Гершуни, называя его «художником в деле террора»⁴⁷.

Однако на этот раз талантливому жандармскому полковнику удалось расшифровать витиеватые «художества» фармацевта и 13 мая 1903 г. в Киеве Гершуни был арестован. Фотографию террориста № 1 со стола министра внутренних дел теперь можно было подшивать в уголовное дело, однако это не уберегло от террористической расправы самого Плеве. Как оказалось, для окончательного решения проблемы подавления революционного террора на этом этапе следовало бы разместить на министерском столе фототриптих трех криминальных физиономий – Гершуни, Азефа и Савинкова. Как раз персоны с двух недостающих фотографий и организовали спустя год убийство самого Плеве.

Военно-окружной суд в Петербурге в феврале 1904 г. приговорил Гершуни к смертной казни, но она была заменена пожизненным заключением, которое он отбывал первоначально в Шлиссель-

бургской тюрьме для «ссыльно-каторжных политических преступников», а после упразднения тюрьмы 8 января 1906 г. в Акатуйской каторжной тюрьме в Восточной Сибири. В 1906 г. соратники организовали ему побег из тюрьмы, используя для этого бочку с квашеной капустой. Таким образом «заквашенный» террорист по четко отлаженной и не раз опробованной эсерами «ямской» эстафете на перекладных благополучно прибыл во Владивосток, откуда отправился в Японию, а затем, не задерживаясь, в США. Вот он – до боли знакомый «круговорот» русских революционеров в политике: преступление – суд – Сибирь – Япония – США – Европа – Россия – и снова за «дело». «Как феникс из пепла, восстал из небытия террорист № 1, – пишет Евгений Эрман. – В бочонке из-под квашеной капусты бежал с акатуйской каторги легендарный Гершуни. Не тратя времени даром, он пересек океан, организовал в Америке кампанию по сбору средств на революционно-террористические нужды и под прозрачным псевдонимом “Капустин” в самом боевом состоянии духа появился в Европе»⁴⁸.

В США Гершуни в течение нескольких месяцев выступал на массовых митингах и встречах со сторонниками и сочувствующими русской революции и таким образом, между прочим, собрал для партии сто восемьдесят тысяч долларов. Так, в одной из бесед в синагоге с известной феминисткой и пацифисткой Джейн Адамс, отвечая на её вопрос о революционном терроре, он риторически вопрошал: а что же остаётся делать русскому народу, «изнемогающему под произволом коронованных гангстеров?», и сердобольно-свободолюбивая американская публика послушно несла свои денежки в копилку, жестоко и незаслуженно обиженных властью, русских экстремистов.

Вернувшись в Европу, в феврале 1907 г. Гершуни принял участие в работе 2-го съезда партии эсеров в Финляндии. Его выступление на съезде для многих соратников явилось открытием. Приветствуя Гершуни как легендарного героя, они не ожидали встретить в нем идеолога, ориентирующегося в новой политической ситуации, сложившейся за период его уважительного тюремного отсутствия. «Товарищи ждали Гершуни – террориста и агитатора, – отмечали позднее в некрологе, – а перед ними выступил могучий оратор, истинный социалист-революционер с широким и пронизательным взглядом на политическую жизнь, мыслитель и боец, политический вождь и агитатор в одно и то же время»⁴⁹.

На съезде Гершуни был избран в ЦК, где вместе с Е. Ф. Азефом должен был руководить всей террористической деятельностью партии. Так в одной партийной упряжке оказались, по точному и образному выражению Е. Эрмана, «Тигр революции (Гершуни) – и её шакал (Азеф)»⁵⁰. Однако этому криминальному тандему не суждено было себя проявить в полной мере. В конце 1907 г. Гершуни неизлечимо заболел саркомой легких и, несмотря

на усилия врачей, 17 марта 1908 г. скончался в швейцарском санатории. Похоронили лидера русских террористов на Монпарнасском кладбище в Париже рядом с могилой его кумира П. Л. Лаврова. Так закончилась жизнь «честолюбца, человека харизматического обаяния и железной воли, наставника и идола юных камикадзе»⁵¹. Это был человек, который, по признанию однопартийцев, заложил в «самое глухое время реакции краеугольные камни ПСР <...> Вся жизнь его казалась сказкой, романтической поэмой»⁵². Однако эта «сказка» получилась не веселая и добрая, а с кровавым отблеском революционного террора. Именно поэтому, думается, террорист-романтик Григорий Гершуни занял непоколебимое и заслуженное место в когорте замечательных нелюдей.

Примечания

- ¹ См.: *Мухин В. М.* Критика В. И. Лениным субъективизма и тактического авантюризма эсеров. Ереван, 1957; *Гусев К. В.* Партия эсеров : от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции : Ист. очерк. М., 1975; *Волубуев О. В., Миллер В. И., Шелохаев В. В.* Непролетарские партии России : итоги изучения и нерешенные проблемы // *Непролетарские партии России в трех революциях.* М., 1989.
- ² См.: *Яковлев Н. Н.* Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957; *Козьмин Б. П.* Из истории революционной мысли в России. М., 1961; *Павлов Д. Б.* Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989; *Тютюкин С. В., Шелохаев В. В.* Первая российская революция 1905–1907 гг. (Предпосылки, задачи, расстановка политических сил) // *Вопросы истории КПСС.* 1991. № 7. С. 50–66.
- ³ *Лурье Ф. М.* Политический сыск в России. 1649–1917. М., 2006.
- ⁴ *Павлов Д., Петров С.* Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. М., 1993; *История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях : доп. учеб. пособие для студентов вузов / сост. О. В. Будницкий.* Ростов н/Д, 1996; *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997; *Городницкий Р. А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998; *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998; *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. Вторая половина XIX– начало XX в. М., 2000; *Суворов А. И.* Борьба с терроризмом в России в XIX– начале XX века. (Историко-правовое исследование антитеррористической деятельности правоохранительных органов дореволюционной России). М., 2002; *Багдасарян В. А., Бакаев А. А.* Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли. М., 2004; *Павлов Д. Б.* Русско-японская война на суше и на море 1904–1905 гг. : секретные операции на суше и на море. М., 2004; *Бакаев А. А.* Отечественная историография политического терроризма в Российской империи начала XX века. М., 2005; *Менделеев А. Г.* «Куда влечет нас рок событий?» Газета эсеров «Революционная Россия» : пропаганда и терроризм. М., 2008; *Павлов Д. Б.* Японские деньги для первой русской революции. М., 2011; *Пережудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917). М., 2013.
- ⁵ *Naimark N.* Terrorism and the Fall of Imperial Russia // *Terrorism and Political Violence.* Summer 1990. Vol. 2, № 2. P. 89.
- ⁶ См.: *Гейфман А.* Революционный террор в России. 1894–1917 / пер. с англ. М., 1997; *Она же.* В сетях террора / пер. с англ. М., 2002.
- ⁷ См.: *Прайсман Л. Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.
- ⁸ *Кабанес О., Насс Л.* Революционный невроз. М., 1998. С. 147.
- ⁹ *Будницкий О. В.* Терроризм и современность. Статья первая // *Полемика.* Вып. 10. [Электронный журнал]. URL: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/10/bud/> (дата обращения: 6 декабря 2014).
- ¹⁰ *Тельберг Г. Г.* «Университет жил совершенно нормальной жизнью». Публикация Валерия Осина // *Источник : Документы русской истории.* 1998. № 3 (34). С. 74.
- ¹¹ *Собрание законодательства Российской империи.* 1913 год. Т. XIV. Примеч. 2 к ст. 68 Уст. о пасп.
- ¹² *Чернов В. М.* В партии социалистов-революционеров: Воспоминания о восьми лидерах. СПб., 2007. С. 291.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же С. 290.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Гершуни Г.* Из недавнего прошлого. Париж, 1908. С. 43–44.
- ¹⁷ *Лавров П. Л.* Исторические письма. 2-е изд. СПб., 1905. С. 149–150, 152.
- ¹⁸ *Спиридонова М. А.* Из жизни на Нерчинской каторге // *Женщины-террористки в России.* Ростов н/Д, 1996. С. 456.
- ¹⁹ *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. М., 2013. С. 307.
- ²⁰ *Спиридонова М. А.* Указ. соч. С. 457.
- ²¹ *Спиридович А. И.* Записки жандарма. М., 1991. С. 120.
- ²² *Спиридонова М. А.* Указ. соч. С. 458.
- ²³ *Савинков Б. В.* Указ. соч. С. 307.
- ²⁴ *Спиридонова М. А.* Указ. соч. С. 458.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Цит. по: Фигнер В. Н.* Замечательный труд // *Полн. собр. соч. : в 7 т.* М., 1932. Т. 3. С. 200–201.
- ²⁷ *Чернов В. М.* В партии социалистов-революционеров. С. 290.
- ²⁸ *Фигнер В. Н.* Указ. соч. С. 198.
- ²⁹ *Чернов В. М.* В партии социалистов-революционеров. С. 290.
- ³⁰ Там же. С. 291.
- ³¹ *Спиридонова М. А.* Указ. соч. С. 460.
- ³² *Гершуни Г.* Указ. соч. С. 38.
- ³³ *Лавров П. Л.* Указ. соч. С. 149–150, 152.
- ³⁴ *Клейнборг Л. П. В.* Карпович // *Каторга и ссылка.* 1927. № 6(35). С. 205.

- ³⁵ Памяти Балмашева. Женева, 1902. С. 18.
- ³⁶ Цит. по: *Городницкий Р. А.* Три стиля руководства Боевой организации партии социалистов-революционеров : Гершуни, Азеф, Савинков // Индивидуальный политический террор в России. XIX– начало XX в. М., 1996. С. 54.
- ³⁷ *Зензинов В. М.* Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 156.
- ³⁸ Цит. по: *Фигнер В. Н.* Указ. соч. С. 200–201.
- ³⁹ *Спиридонова М. А.* Указ. соч. С. 457.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ *Биценко А. А.* В Мальцевской женской каторжной тюрьме 1907–1910 гг. (К характеристике настроений) // Каторга и ссылка. 1923. № 2. С. 193–194.
- ⁴² *Спиридович А. И.* Указ. соч. М., 1991. С. 120.
- ⁴³ *Чернов В. М.* Перед бурей. Воспоминания. Минск, 2004. С. 165.
- ⁴⁴ *Зензинов В. М.* Указ. соч. С. 158.
- ⁴⁵ *Савинков Б. В.* Указ. соч. С. 307.
- ⁴⁶ *Спиридович А. И.* Указ. соч. С. 119.
- ⁴⁷ Цит. по: *Прайсман Л. Г.* Указ. соч. С. 154.
- ⁴⁸ *Эрман Е.* Из жизни замечательных нелюдей : Азеф и Сталин // TERRA NOVA. 2008. № 35–36 Октябрь-Декабрь. URL: http://www.muza-usa.net/2008_35-36/2008-35-36-08-A.html (дата обращения: 6 декабря 2014).
- ⁴⁹ Памяти Гершуни // Знамя труда. 1909. № 16. 4 марта С. 1.
- ⁵⁰ *Эрман Е.* Указ. соч.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Памяти Гершуни. С. 1.

УДК 94(47).084.3

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИМУЩЕСТВА СТАРОЙ РУССКОЙ АРМИИ В ХОДЕ ЕЁ ПОЛНОЙ ЛИКВИДАЦИИ В 1918 ГОДУ

А. А. Симонов

Саратовский государственный университет
E-mail: simonoffsgu@mail.ru

В статье на примере поволжских гарнизонов рассматривается острая проблема сохранения военного имущества в ходе вынужденной полной ликвидации старой русской армии.

Ключевые слова: Октябрьская революция, Гражданская война в России, Поволжье, тыловые гарнизоны, демобилизация русской армии, советское военное строительство.

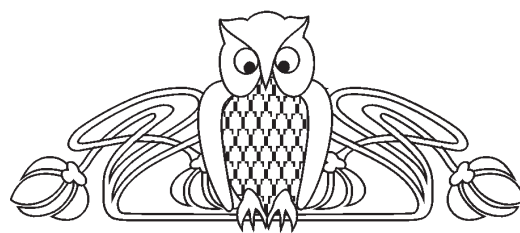
Problem of Keeping Military Munitions after the Forced Liquidation of the Old Russia's Army in 1918

A. A. Simonov

Examining the example of the Volga Garrisons, the article focuses on a pressing problem of keeping the military munitions after the forced liquidation of the old Russia's Army.

Key words: October Revolution, Civil war in Russia, Volga region, rare garrisons, demobilization in the Russian Army, Soviet military building.

Как известно, после Октября 1917 г. ликвидация русской армии шла по нарастающей и в силу сложившихся обстоятельств проводилась в очень быстром темпе, а главное – без предварительной выработки четкого плана и развернутой поэтапной программы. Неизбежное в демобилизационном процессе «революционное творчество солдатских масс» в корне подорвало воинскую дисциплину, способствовало возникновению у части военнослужащих настроений вседозволенности, нежелания подчиняться кому-либо, толкало армию на грань хаоса и анархии. Это не могло не обернуться огромными издержками морального и материального характера¹.

Проследим это на примере Самарского и Саратовского гарнизонов и уездного Балашовского гарнизона.

Самарская гарнизонная ликвидационная комиссия в составе 30 человек была избрана с помощью местного Совета 29 января 1918 г. На первое организационное заседание спустя четыре дня собралось 18 человек. Последующие заседания вообще не состоялись за неприбытием членов комиссии. В итоге расформированием гарнизона пришлось заняться недавно созданному при губисполкоме военному отделу². На тот момент гарнизон состоял из четырёх пехотных полков, сапёрного полка, артиллерийской бригады, формируемых мортирных, артиллерийских, пушечных и парковых дивизионов и целого ряда учреждений³. Причём численность личного состава далеко не соответствовала штатному расписанию. Причиной тому декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) от 10 ноября 1917 г. и другие законодательные акты Советской власти о постепенном сокращении численности армии. Согласно им сначала демобилизовывались солдаты 1899 г. призыва, затем 1900 и 1901 гг. 3 января 1918 г. настала очередь призыва 1902 г., 10 января – 1903 г., 16 января – 1904–1907 гг. Наконец 29 января – 1908–1909 гг. Таким образом, только за январь уволилось восемь призывных контингентов⁴. На военной службе оставлялись несколько младших призывных возрастов, и то с ближайшей перспективой отправки домой. Факторами, как-то ещё поддерживающими их существование, служили казённое питание, одежда и тёплый кров в сочетании с наступившей «свободой» от каких-либо учебных занятий и обязанностей⁵.

К тому времени в Самарском гарнизоне широко распространилось рваческие настроения. Увольняемые и неувольняемые солдаты грозили насилием, требовали раздела казённого имущества, продовольствия и денег. К концу января самовольный делёж принял грандиозные размеры. Караульная служба цейхгаузов почти не неслась. Часовые ночью сами принимали участие в грабеже. Проба замены караула красногвардейцами не дала положительного результата. Трагичная ситуация сложилась с лошадьми в артиллерийских частях. Их попросту забросили: совершенно не чистили и не ухаживали, конский корм разворовывали и продавали. Крали на продажу и лошадей. В январе начался массовый падёж. Чтобы сохранить жизнь животным, оставалось передать их неимущим крестьянам, что и было сделано военным отделом. Тогда же военный отдел обратился в губисполком с просьбой демобилизовать всех оставшихся в гарнизоне военнослужащих. Губисполком телефонограммой предписал комитетам войсковых частей распустить солдат всех годов службы. Причём последним днём роспуска было назначено 1 марта 1918 г. Для ликвидации частей войск был оставлен командный состав, комитеты и необходимое количество солдат для охраны оставшегося имущества⁶.

В Саратове роспуском огромного тылового гарнизона⁷ занялась демобилизационная комиссия (отдел), организованная в январе 1918 г. при губисполкоме⁸. К тому времени в саратовского гарнизоне стремление военнослужащих извлечь как можно больше материальных личных выгод тоже широко распространилось. Один из членов Саратовской военной части вспоминал, что «каждый солдат хотел уйти, получив 2 пары обмундирования, винтовку, 120 штук патронов и значительную сумму денег в придачу»⁹. Председатель Саратовского Совета и губисполкома В. П. Антонов-Саратовский отмечал «озверелую жадность людей, забывших всё, кроме одного: как бы побольше утащить народного добра с собой в деревню»¹⁰. Наиболее проблематичным оказался вопрос с оружием. Солдаты стремились обязательно прихватить винтовки, не желая сдавать оружие полковым комитетам, чего требовал от них первый декрет СНК о демобилизации от 10 ноября 1917 г. Демобилизованные аргументировали это тем, что декрет касался увольнения солдат только 1899 г. призыва¹¹.

Столкнувшись с трудностями демобилизации и получая из центра лишь общие указания, Саратовский Совет отправил в начале января 1918 г. за разъяснениями к верховному главнокомандующему Н. В. Крыленко двух своих представителей И. Тамарина и Я. Шварцмана. Тогда же оказались в Петрограде, решая другие вопросы губернии, В. П. Антонов-Саратовский и его заместитель М. И. Васильев-Южин. Оставшийся управлять саратовскими делами второй заместитель И. В. Мгеладзе, боясь открытых выступлений гарнизона,

растерялся и провёл через исполком, несмотря на протесты военной секции, постановление, в котором обещал значительные финансовые выплаты демобилизованным. Документ был отпечатан и расклеен по городу. Но задержка выдачи обещанных сумм, которых у города не оказалось, вызвала в солдатской среде взрыв возмущения. Для обсуждения ситуации пришлось созвать собрание представителей комитетов частей. Его ход достаточно подробно и образно описал член военного отдела М. П. Блинов: «Большой зал консерватории был набит битком. Люди очень возбуждены. Я был единственный человек, который вёл собрание и от усталости уже доходил до изнеможения. Часов в 11 ночи явились приехавшие из Петрограда товарищи Тамарин и Шварцман. Договориться мы не успели, и они буквально сообщили собранию ответ Крыленко: “Старой армии нет. Как сумели удержать гарнизон, так и сумеете распустить его”. Разразилась неимоверная буря. Стали требовать по 200–300 рублей жалованья до демобилизации, такие же суммы на дорогу, обмундирование и оружие. Мотивировали это тем, раз старой армии нет, значит, обмундирование и оружие можно и нужно взять и таким образом они всегда будут готовы к защите революции. Это настроение под утро, когда осталась наиболее сознательная часть, удалось переломить и в ближайшие дни почти ликвидировать»¹².

Вернувшийся из Петрограда В. П. Антонов-Саратовский привёз на создание новых вооружённых сил 5 млн рублей. На ближайшем заседании губисполкома лидер саратовских большевиков заострил внимание на проблеме вооружения «красной революционной армии» и подчеркнул, что солдаты не должны увозить с собой оружие, а тем более продавать винтовки, «которые покупают враги революции». Всё оружие решили собрать и складировать, а каждому демобилизованному солдату оставить только комплект обмундирования и выдать 50 рублей¹³. 31 января губисполком взаимнообразно, пока не придут деньги из Казанского военного округа, открыл кредит демобилизационной комиссии на 1 млн рублей, «для немедленного роспуска солдат»¹⁴.

Темпы демобилизации старых вооружённых сил всё время возрастали и достигли пика к концу февраля 1918 г. В итоге около половины русской армии было демобилизовано ещё до германского наступления¹⁵. Брестский мир обязал Советскую Россию окончательно ликвидировать старую армию. 30 марта Наркомвоен приказал внутренним округам завершить расформирование собственных войск к 12 апреля. Части же, прибывшие с фронта, – в кратчайший срок. Однако ликвидация последних затянулась. Виной тому – издержки демобилизации. Каким образом они проявились, опять же, характерен пример Самары и Саратова.

Самарский военный отдел приказал частям гарнизона приступить к сдаче имущества в начале марта. Тогда же он сформировал хозяйственную

комиссию, взявшую обязанность складировать принятое имущество. Но как это делать, было неясно – никаких директив из центра не поступило, приказы по Казанскому военному округу запаздывали на 2 – 3 недели, телеграф не работал. Самое главное – в гарнизоне, несмотря на отдельные погромы интендантских складов, запасов вооружения, снаряжения и обмундирования было ещё предостаточно. Особенно много вооружения и имущества хранилось в цейхгаузах артиллерийских частей. Постепенно военное добро стали вывозить. Приёмку производили по всем правилам – считали каждую вещь. Но сдача затянулась, не хватало перевозочных средств. Сказалось отсутствие загубленного зимой конского состава. А тут ещё вмешались красногвардейцы и красноармейцы. Последние представляли формируемую Красную армию и действовали через свой штаб, который считал нужным отдавать собственные приказы интендантам и отменять распоряжения военного отдела губисполкома. Тем самым вносились полнейшая дезорганизация в работу сдачи и учёта имущества.

Кроме того, члены ликвидационных комиссий частей работали за мизерное жалование и тоже стали требовать в виде компенсации имущество. Поэтому военный отдел решил значительно сократить состав этих комиссий. Вскоре в их составе остались лишь командир полка, заведующий хозяйством, казначей, интендант, делопроизводитель, три члена полкового комитета, 12 писарей и 5 солдат. Другие военнослужащие старой армии в гарнизоне были сняты с довольствия 1 апреля 1918 г. В результате к 27 мая в Самарском гарнизоне была ликвидирована 61 войсковая часть. Денег, ценных бумаг, документов было сдано государству на 3 349 821 руб. 43 коп.¹⁶

Примерно такие же переипетии пережил саратовский демобилизационный отдел. Состав его был невелик – всего 10 человек, а работать приходилось с находящейся в состоянии полной дезорганизации солдатской массой, тащившей все что можно и не подчинявшейся никакой дисциплине. В результате напряженной работы было расформировано 15 частей Саратовского гарнизона и 55 частей, вернувшихся с фронта. Впрочем, от последних до Саратова доходили лишь отдельные группы. Иногда воинскую часть представлял один полковой комитет. Комплект дивизионного и полкового имущества тоже оказался неполным – многое пришлось оставить при отходе через Украину. И всё же демобилизационный отдел ревизовал и сохранил довольно значительное количество продуктов, материалов и другого добра. Так, продовольствия было обнаружено комиссией приблизительно на 3 млн руб., а денег всего собрано на сумму примерно 4,5 млн руб. Часть денег тут же была израсходована на пособия и жалование демобилизованным военнослужащим прибывших частей. Хуже дело обстояло с вооружением: оно растаскивалось демобилизуемыми

солдатами мгновенно, в особенности револьверы. Так продолжалось до тех пор, пока на помощь демобилизационному отделу не пришли организуемые в Саратове подразделения Красной армии. Красноармейцы взялись за поиск и отбор оружия, а попутно снаряжения и обмундирования. Кроме того, было принято более 2300 лошадей, лучших из которых отдали в формируемый Саратовский кавалерийский полк. Показательно, что при демобилизационном отделе существовала культурно-просветительная комиссия, которая обращала особое внимание на полковые и батальонные библиотеки¹⁷.

В уездном Балашове местная левозсеровская власть попыталась провести демобилизацию в интересах «Военно-народной социалистической армии», создаваемой в пику указаний из Ставки и Саратова в начале 1918 г. В решении исполкома от 30 января было записано: «Секретно предписываем комиссару военно-народной социалистической армии тов. Тупальскому немедленно принять от полков, рот и команд всю отчетность, оружие, продукты, фураж, живой и мертвый инвентарь, суммы, дела, кухни, обмундирование и проч. и немедленно принять меры к скорейшей отправке солдат, не желающих вступить в военно-народную социалистическую армию местного гарнизона, по своим уездным гарнизонам. Всем отпускаемым солдатам запрещается вывоз какого-либо оружия, что же касается обмундирования, то негодное, по возможности, заменить»¹⁸.

В соответствии с этим решением приказами по гарнизону от 16 и 17 февраля предписывалось солдат призыва 1908 и 1909 гг. уволить в течение 17 и 18 февраля, а всех остальных не позднее 25 февраля. Кроме того, предлагалось представить в штаб социалистической армии описи подлежащего сдаче имущества. Приказом от 18 февраля была назначена комиссия по приему этого имущества. 19 февраля приказом по Балашовскому гарнизону за № 16 Управление уездного воинского начальника было передано в состав Совета и переименовано в его учетный отдел. В приказе указывалось, что «впредь до новой организации армии мирного времени учетные отделы содержатся по штатам тех управлений, из которых они переименованы». Начальником учетного отдела был назначен делопроизводитель Управления уездного воинского начальника М. Д. Морозов, а его помощниками – Е. П. Тюняев и Ф. Ф. Глухов, которым предлагалось немедленно сформировать штат вольнонаемных писарей в количестве 30 человек. 15 мая 1918 г. приказом по Рабоче-крестьянской социалистической армии Балашова был утвержден новый штат учетного отдела. Он состоял из начальника отдела, делопроизводителя, помощника делопроизводителя, 3 вольнонаемных писарей-столоначальников и 14 вольнонаемных писарей. Всего 23 человека. Писари распределялись на три отделения: хозяйственное – 6 человек, строевое – 5 человек и учетное – 6 человек.

Учетный отдел уездного исполкома выполнил тогда, главным образом, работы, связанные с демобилизацией старой армии. Кроме того, на основании предписания военно-технического отдела Казанского военного округа он в марте 1918 г. был обязан выявить и полностью учесть все военное имущество, находящееся на складах, предприятиях, в учреждениях и у частных лиц¹⁹.

Сохранённые запасы старой армии стали впоследствии главным источником снабжения Вооружённых сил Советской республики. Одновременно с демобилизацией личного состава и расформированием частей старой армии в Самарской и Саратовской губерниях развернулась работа по созданию первых добровольческих частей Красной армии.

Примечания

- ¹ *Базанов С. Н.* Крестьянская армия после первых поражений в ноябре 1917– марте 1918 г. URL: <http://mir-politika.ru/1607-restyanskaya-armiya-posle-pervyh-porazheniy-v-noyabre-1917-marte-1918-g.html> (дата обращения: 22.06.2013).
- ² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 10. Оп. 2. Д. 315. Л. 4.
- ³ 102-й, 130-й, 133-й и 143-й запасные пехотные полки, 4-й запасной сапёрный полк, 3-я запасная артиллерийская бригада и др. См.: Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1720. Оп. 1 Д. 81. Л. 50.
- ⁴ См.: *Городецкий Е. Н.* Демобилизация армии в 1917–1918 гг. // История СССР. 1958. № 1. С. 17.
- ⁵ См.: *Плешаков И. Н.* Тыловые гарнизоны Первой мировой войны (на примере Саратовской губернии) // Первая мировая война : поиски новых подходов к исследованию, приглашение к диалогу : Докл. Академии военных наук (Поволжское отд-ние, военная история). № 5 (23). Саратов, 2006. С. 100–101. Автор на примере Саратовского гарнизона доказывает, что отсутствие дисциплины среди нижних чинов имело место задолго до пресловутого «разложения армии», начало которого принято относить ко второй половине 1916 г. Даже самые «морально устойчивые» призывники после недолгого нахождения в запасных частях Саратова, рядом с недоступными, неизвестными прежде соблазнами и удовольствиями, к моменту отправки на фронт превращались в развращённых и озлобленных солдат. При

этом совершенно не прослеживается какая-либо связь между их поведением и антивоенной или революционной пропагандой, признаков которой в этот период не наблюдалось (Там же. С. 97).

- ⁶ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 315. Л. 5–6.
- ⁷ 14 октября 1917 г. военная секция Саратовского Совета подала в исполком ведомость, в которой общая численность гарнизона определялась в 65 696 чел. 29 сентября Саратовская городская дума в справке о расквартировании войск указала общее число военнослужащих 51 500 чел. Осенью 1917 г. в Саратове дислоцировался штаб 14-й запасной пехотной бригады и некоторые части этого соединения (90-й, 92-й и 141-й запасные пехотные полки, 3-й и 4-й запасные пулемётные полки), 4-я запасная артиллерийская бригада, 3-я Саратовская школа прапорщиков, а также различного назначения мелкие тыловые части и учреждения военного ведомства. См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 199. Оп. 3. Д. 776. Л. 6–7, 22 ; *Васькин В. В.* Солдаты гарнизонов Нижней Волги в борьбе за власть Советов : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1972. С. 16.
- ⁸ См.: *Бедринцев В.* Организация добровольческих отрядов и создание Красной армии в г. Саратове // Пять лет пролетарской борьбы. Саратов, 1922. С. 31–32.
- ⁹ *Блинов М. П.* О порядке создания Красной армии в Саратове (рукопись) // Саратовский областной музей краеведения. Ф. 7553. Д. 289. Л. 4.
- ¹⁰ *Антонов-[Саратовский] В. П.* Политика Саратовского Совета // Годовщина социальной революции в Саратове. Саратов, 1918. С. 31.
- ¹¹ *Базанов С. Н.* Крестьянская армия после первых поражений... .
- ¹² *Блинов М. П.* Указ. соч. Л. 4–5.
- ¹³ Саратовский Совет рабочих депутатов. (1917–1918) : сб. документов / под ред. В. П. Антонова-Саратовского. М. ; Л., 1930. С. 357, 359.
- ¹⁴ Там же. С. 350.
- ¹⁵ См.: *Базанов С. Н.* Выход России из войны, демобилизация армии и заключение Брестского мира // Мировые войны XX века : в 4 кн. Кн. 1. М., 2005. С. 397.
- ¹⁶ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 315. Л. 7–10.
- ¹⁷ Саратовский Совет рабочих депутатов... . С. 618–619.
- ¹⁸ Балашовский филиал государственного архива Саратовской области. Ф. К. Оп. 1. Д. 202. Л. 17.
- ¹⁹ Там же. Л. 18–19.

УДК 94/47

СИБИРСКИЙ ПЕРИОД В НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Г. ТЮКАВКИНА

П. С. Кабытов

Самарский государственный университет
E-mail: donkabytov2012@yandex.ru

В статье определены этапы научной деятельности лауреата Государственной премии РФ, заслуженного деятеля науки РФ, док-

тора исторических наук, профессора В. Г. Тюкавкина. Показаны факторы, повлиявшие на формирование мировоззрения историка. Доказано, что в условиях господства марксистско-ленинской методологии историк органично сочетал в оценке развития

капитализма в сибирской деревне традиционные и новые подходы.

Ключевые слова: аграрный строй, сибирское крестьянство, российская историография, социальное расслоение деревни, переселение.

Siberian Period in V. G. Tyukavkin's Scientific Activity

P. S. Kabytov

The article defines the stages of the scientific activity of the State Prize laureate, Honored Worker of Science, Doctor of Historical Sciences, Professor V. G. Tyukavkin. The factors that influenced the formation of the historian's world outlook are shown. It is proved that under the domination of the Marxist-Leninist methodology, the historian organically combined traditional and new approaches in the evaluation of capitalism development in the Siberian village.

Key words: agrarian system, Siberian peasantry, Russian historiography, social stratification of the village relocation.

Имя лауреата Государственной премии, заслуженного деятеля науки РФ Виктора Григорьевича Тюкавкина, как одного из выдающихся историков-аграрников, широко известно российским историкам. Его жизнь и творческая биография отражены на страницах энциклопедий и биографический изданий, вышедших в Новейшее время. Как правило, среди авторов статей и очерков преобладают ученики и коллеги Виктора Григорьевича. Особо выделим работы Л. М. Дамешек¹ и А. В. Лубкова². Из новейших изданий отметим мемуары доктора исторических наук, профессора А. Ф. Киселева, в которых в разделе «Созидатель» воссоздан портрет В. Г. Тюкавкина и приведены биографические сведения о его жизни в Чите, Иркутске и Москве³. О В. Г. Тюкавкине писал и автор настоящих страниц⁴. Ценные сведения о жизни историка содержатся в ряде статей, опубликованных в энциклопедиях и справочных изданиях Иркутской области⁵ и Сибири⁶. В 2000 г. были опубликованы статьи, в которых освещается творческий путь В. Г. Тюкавкина. Речь идет о публикациях Л. В. Зандановой⁷, А. Ф. Киселева⁸. Сведения о деятельности В. Г. Тюкавкина по сохранению историко-культурного наследия г. Иркутска мы находим в статье Н. Полуниной⁹, а также в его воспоминаниях о первых шагах Иркутского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры¹⁰. Важное значение имеют также его биографические сведения, которые он включил в монографию «Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа». Кроме того, при написании настоящей статьи использованы материалы устной истории – воспоминания доктора экономических наук, профессора Самарского государственного университета Николая Михайловича Тюкавкина¹¹.

Важнейшим источником, позволяющим проследить эволюцию взглядов историка по аграрной истории конца XIX – начала XX в. является его

творческое наследие, в состав которого входят его монографии по истории крестьянства Сибири, Столыпинской аграрной реформы, а также проблемам историографии и методологии аграрной истории.

Биография В. Г. Тюкавкина распадается на 3 периода. Он родился 31 июля 1928 г. в Забайкалье в селе Александровский завод (в те годы районный центр) Сретенского округа Дальневосточного края. В Википедии указан Читинский округ. Его отец Григорий воспитывался в большой семье. Он был вторым по старшинству. Кроме него было еще три брата и сестра – Прокофий, Иван, Акулина и Александр¹². Семейные мифы донесли предания о том, что Тюкавкины вместе с другими переселенцами – русскими людьми – прибыли в Забайкалье из Польши, Белоруссии и Украины во второй половине 50-х гг. XVIII в. Позднее В. Г. Тюкавкин указывал, что его отец Григорий Ефремович в 20-х гг. учился в Иркутске на рабфаке и окончил 4 курса юридического факультета. Судьба отца трагична. Он вместе с семьей переехал в 1930 г. в Читу, где в 1941 г. был арестован, а реабилитирован лишь в 1955 г. Внезапный арест отца и начавшаяся Великая Отечественная война в буквальном смысле перевернули жизнь семьи Тюкавкиных. Но тринадцатилетний подросток, оказавшийся в экстремальной ситуации выживания, сумел преодолеть жизненные невзгоды.

Уже 30 июня 1941 г. его мобилизовали на сельскохозяйственные работы в колхоз «Светлый путь» Читинского района. В 1942 г. его направили в совхоз «Красный великан». Позднее он вспоминал: «Там я освоил весь цикл работ и познакомился с дореволюционной сельхозтехникой: работал на американских конных сенокосилках и граблях Мак-Кормика и Дириंगा, крутил веялки Кейтона» (в селах их называли «клеветнами»)¹³. Профессор РГГУ М. А. Давыдов также пишет о том, что В. Г. Тюкавкин вспоминал, как он работал на «американских» сеялке и жатке производства еще 1912–1913 гг.¹⁴ Не избежал В. Г. Тюкавкин и тяжелой работы на лесозаготовках в лесхозе «Ингодинский» (1943 г.). Зимой он приобретал знания на школьной скамье. Одновременно он осваивал типографские работы, что не мешало ему учиться на отлично. И вот наступил завершающий год учебы в школе. Он претендовал на золотую медаль, что могло вызвать недовольство со стороны властных структур. Администрация школы лихорадочно искала выход из этого положения. И на выпускном экзамене по русскому языку ему поставили четверку. «Наградить золотой медалью за успехи в учебе сына репрессированного сочли опасным для школы, и Виктор довольствовался аттестатом с отличием»¹⁵.

Несмотря на то что над В. Г. Тюкавкиным как дамоклов меч висело клеймо сына репрессированного отца, он принял решение продолжить учебу. В тех сложнейших жизненных ситуациях необхо-

димы были воля, выдержка и вера в то, что можно преодолеть все преграды на жизненном пути.

В 1947 г. завершился читинский период, и В. Г. Тюкавкин принимает решение поступать на исторический факультет Иркутского государственного педагогического института. На собеседовании с секретарем приемной комиссии Г. С. Мальцевым он дал правдивый ответ на вопрос об отце. «Я сказал, что мой отец арестован, и он достал какую-то анкету и сделал там пометку, впоследствии это спасло меня от исключения из комсомола и из университета», – писал он позднее в своем дневнике¹⁶.

Как бы там ни было, но уже в сентябре 1947 г. В. Г. Тюкавкин стал студентом Иркутского государственного пединститута. Жизнь в Иркутске принимала другие очертания. Помимо повседневных работ, связанных с учебой, он не мог не восхищаться архитектурными комплексами города, его зеленым нарядом: но более всего восхищала Ангара, которая в его представлении выступала в качестве величавой красавицы, несущей свои чистейшие воды в реку Енисей.

В биографической литературе отмечено, что В. Г. Тюкавкин выделялся среди других студентов. Он стремился вникнуть в суть научных проблем и уже на студенческой скамье планировал поступать в аспирантуру. Но эти планы в условиях культа личности Сталина были несбыточны. В связи с тем что ему отказали в приеме в аспирантуру, В. Г. Тюкавкину предстояло сделать выбор вектора своей деятельности. Но вот наступил 1953 г. Смерть вождя народов изменила ситуацию, как в обществе, так и в высшей школе. Виктор Григорьевич поступает в аспирантуру под руководством родоначальника сибирской школы историков Всеволода Ивановича Дулова, который специализировался по истории Восточной Сибири и сибирского крестьянства второй половины XIX – начала XX вв. В. Г. Тюкавкин избрал тему кандидатской диссертации – «Переселение крестьян в Восточную Сибирь в период столыпинской реформы». Выбор темы был не случаен. Во второй половине 40-х гг. XX в. интерес к Столыпинской аграрной реформе усилился. Заметно возросло количество защищенных кандидатских диссертаций, в которых была предпринята попытка дать анализ всех направлений реформы и показать причины ее так называемого «краха». Конечно, многие авторы, изучая эту проблему, традиционно оставались в плену тех концептуальных представлений, которые были сформулированы в работах вождя большевистской партии В. И. Ленина и зафиксированы в сталинском «Кратком курсе истории ВКП (б)». Диссертация В. Г. Тюкавкина была написана в условиях первой советской оттепели, что не могло не повлиять на мировоззрение молодого историка. На ход научной работы оказала воздействие реабилитация в 1955 г. отца В. Г. Тюкавкина. Диссертантом была скрупулезно изучена историография проблемы,

выявлены и введены в научный оборот материалы Российского (Центрального) государственного исторического архива, госархивов Красноярска и Иркутска, что позволило В. Г. Тюкавкину представить оригинальное научное исследование. Вместе с тем в нем органично сочетаются традиционные представления и новые подходы в оценке итогов новой имперской политики.

В. Г. Тюкавкин изучал эту проблему около 6 лет, так как в 1954 г. он был избран ассистентом, а затем старшим преподавателем кафедры истории педагогического института. Работа над диссертацией была завершена в 1958 г. и представлена в диссертационный совет Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова. Обосновывая актуальность и научно-практическую значимость изучаемой проблемы, В. Г. Тюкавкин акцентирует внимание на том, что его исследование «имеет большое значение и помогает более правильному пониманию таких важнейших проблем, как развитие капитализма виширь, столыпинской аграрной реформы...»¹⁷ и освоение Восточной Сибири русским крестьянством. При этом он приводит данные о переселении, которые свидетельствуют о том, что за 300 лет русское население Азиатской России достигло 4,5 млн чел., а за 9 лет перед Первой мировой войной в нее переселилось 2,5 млн чел., что было связано с реализацией Столыпинской аграрной реформы. И далее следовал вывод: «Без конкретного рассмотрения переселения крестьян на окраины нельзя изучать аграрную реформу в целом»¹⁸.

Весьма представительно выглядит историографический обзор, в котором показаны достижения предшественников и акцентируется внимание на дискуссионных вопросах и проблемах в изучении темы исследования. Конечно, здесь не обошлось без комплиментарных высказываний в адрес «гениальных произведений В. И. Ленина». Но это было общим явлением для всех советских историков, начиная с академиков и кончая аспирантами. Эти ссылки на вождя носили ритуальный характер. Пожалуй, новым является то, что В. Г. Тюкавкин выявил факторы, влиявшие на ход и темпы переселения крестьян в Восточную Сибирь. Традиционно, в духе советской историографии, отмечается воздействие пережитков крепостничества в сельском хозяйстве губерний Европейской России, сохранения помещичьего землевладения, отработки, кабала и сельская поземельная община. В качестве важного фактора указывается курс имперского правительства на разрушение сельской общины, что вызвало переселение в Сибирь на свободные земли. Новым было то, что автор диссертации выдвигает тезис о влиянии циклов в развитии капиталистического производства, а также приливов и отливов революционного движения в России. Несомненно, воздействовали и изменившаяся переселенческая политика правительства и весь комплекс мероприятий, проводившихся правительством

П. А. Столыпина в 1906–1911 гг. В. Г. Тюкавкин установил, что в Восточную Сибирь переселялись «в основном бедняки, имевшие от 3 до 8 десятин на двор»¹⁹. По его мнению, это были средние слои бедняков.

В диссертации дан анализ правительственной политики, основное содержание которой сводилось после 1906 г. к отказу от ограничений и всемерному поощрению крестьян к переселению в восточные районы империи. Анализ статистических данных позволил диссертанту в полной мере раскрыть динамику переселения крестьян в районы Восточной Сибири и выявить подъемы и спады в миграции. Так, если в 1906–1909 гг. произошел рост переселения, то в 1910–1911 гг. поток переселенцев снизился в два раза, что было вызвано оживлением революционного движения, и далее традиционно говорится о том, что этот спад связан с «крахом столыпинской реформы».²⁰ Но голод 1911 г. в Поволжье вызвал новую волну переселенцев.

Достаточно полно говорится о правительственных мероприятиях по организации переселения крестьян, в том числе о создании 3 переселенческих районов: Енисейского, Иркутского и Забайкальского, в которых функционировали более 20 подрайонов. Эти органы были призваны заниматься устройством переселенцев, организацией землеустроительных работ, строительством социальной инфраструктуры – дорог, школ, больниц; оказанием агрономической помощи населению. Эти мероприятия стали «большим шагом вперед по сравнению с предыдущим периодом»²¹. Но дефицит денежных средств в имперской казне стал тормозом в организации этих мероприятий в широких масштабах.

Не обойдена вниманием В. Г. Тюкавкина «Записка» П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина о поездке в Сибирь и Поволжье, в которой они ставили цель – «распространение на окраины столыпинской реформы» и переход «от общинного землевладения к частному, чтобы усилить кулачество...»²² Далее В. Г. Тюкавкин приводит данные о количестве хуторов и отрубов – 8,5 тыс., в распоряжении которых находилось 340 тыс. дес. земли, а затем о количестве обратных переселенцев. Возвратилось из Сибири в 1906–1911 гг. 25 тыс. чел., или 10,6 % всех переселенцев, в 1911–1915 гг. – 28 тыс. чел., или 22,4 %. А далее следовал вывод: «значит, новый курс не принес ожидаемых результатов. Переселенческая политика потерпела крах»²³.

Но этот вывод явно диссонирует другим выводам и наблюдениям, которые сформулировал В. Г. Тюкавкин в третьей главе диссертации, где он приводит данные о том, что в годы реализации Столыпинской аграрной реформы в Восточную Сибирь перелилось 338 тыс. чел., население региона увеличилось на 420–430 тыс. чел., или более чем на 20 %.²⁴ Прибывшие в Сибирь крестьяне селились по обе стороны Транссибирской железной

дороги; в регионе возникло более тысячи новых сел, в том числе в Енисейской губернии – 700, Иркутской – 300. Введено в хозяйственный оборот 100 тыс. десятин земли, на которых высевались лен, кукуруза, конопля. Стали развиваться пчеловодство и садоводство.

Особое значение приобретал в то время вывод о прогрессивном значении реализации переселенческой политики, особенно в связи с освоением Советским Союзом целинных земель в Казахстане, Алтае и Сибири. В. Г. Тюкавкин обоснованно считает, что переселение крестьян в Сибирь стимулировало развитие производительных сил и капиталистических отношений в Сибири, что существенно повысило роль Сибири в модернизации экономики России. Он приводит сведения о том, что в начале XX в. Транссибирская магистраль была убыточной, а в 1910–1912 гг. она едва стала справляться с транспортировкой в Европейскую Россию на экспорт зерна, мяса, масла и дала в фонд России в 1912 г. в 13,4 млн руб. Сибирь стала крупным поставщиком сельскохозяйственных продуктов на внутренний и внешний рынки²⁵.

Диссертацию В. Г. Тюкавкин защитил в то время, когда в российской аграрной историографии стали пробивать себе дорогу новые тенденции. И они отчетливо проявились как в содержании исследования, так и в выводах сибирского историка. Историографическая ситуация стала резко меняться в 60-х гг. XX в., когда вспыхнули дискуссии о характере аграрного строя России, о многоукладности экономики России и мелкотоварном производстве²⁶. Особо отметим воздействие на историков концептуальных воззрений представителей нового направления в советской историографии: А. М. Анфимова, К. Н. Тарновского, М. Я. Гефтера, П. В. Волубаева, чьи исследования будировали в 60-е гг. научную мысль историков-аграрников. «Важную роль в координации научных исследований сыграл Аграрный симпозиум по аграрной истории Восточной Европы, который многие годы проводился Комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства»²⁷.

В. Г. Тюкавкин чутко улавливал изменения, происходящие в аграрной историографии. Несомненно, на выбор темы докторской диссертации оказали влияние многие факторы. В 1960-е гг. он стал принимать активное участие в научных конференциях, которые проводились в вузах Сибири. Он также участвовал в работе сессий Аграрного симпозиума, что позволило установить научные контакты с ведущими историками страны. В 1958 г. он опубликовал статью в таком престижном издании, как «Научные доклады высшей школы»²⁸.

И все же подчеркнем значение для становления историка работы над кандидатской диссертацией, которая позволила существенно расширить горизонты видения научных проблем, а историографическая ситуация 60-х гг. вольно или невольно

определила вектор его дальнейших исследований. Отметим также и то, что именно в этот период резко возрос интерес к изучению истории Сибири, что было обусловлено той ролью Сибири и Дальнего Востока, которую они стали играть в модернизации экономического потенциала Советского Союза.

Эти и другие факторы предопределили выбор темы докторской диссертации, над которой он работал восемь лет. В эти годы он резко активизировал работу по выявлению документальных источников и материалов в государственных архивах Иркутска, Красноярска, Читы, Новосибирска, Томска и Омска. Существенно прирос комплекс источников за счет материалов, выявленных в фондах Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне ГАРФ), Центрального государственного архива народного хозяйства (ныне РГАНХ) и, конечно, документов Центрального государственного исторического архива. Не были обойдены им документальные публикации, статистические сборники, издававшиеся Центральным статистическим и губернскими комитетами. Он детально изучил дореволюционную научную литературу, а также труды сибирских историков Р. Ф. Складорова, В. А. Степнынина, Н. П. Малахинова, В. И. Дулова, Л. М. Горюшкина, И. А. Асалханова и др. Позднее в докторской диссертации он отмечает общий недостаток, характерный для исследователей Сибири, – недостаточный учет особенностей развития страны, механическое перенесение условий и форм развития капитализма в центральных губерниях на Сибирь²⁹. Он также тщательно разобрался в перипетиях научных дискуссий 60-х гг.³⁰ Работа археографа, источниковеда и историографа создавала условия для формирования новых концептуальных представлений по истории сельского хозяйства и крестьянства Сибири.

Активность историк проявил и в ходе апробации своих исследований. По теме докторской диссертации он опубликовал 15 научных трудов, в том числе в «Вопросах истории» (1964, № 4 в соавторстве с В. И. Дуловым), в научных изданиях Томска, Новосибирска, Иркутска, Владивостока, Омска; в материалах сессий Аграрного симпозиума, состоявшихся в Москве и Кишиневе. Кроме того, перу В. Г. Тюкавкина принадлежат X, XI и XIII главы, опубликованные в третьем томе «Истории Сибири».

Диссертация была представлена к защите в 1966 г. в диссертационный совет при Институте истории АН СССР³¹. Этому предшествовало издание монографии, в которой была представлена яркая панорама эволюции сибирской деревни в начале XX в.³² В качестве официальных оппонентов на защите докторской диссертации выступали А. М. Анфимов и С. М. Дубровский.

Остановимся на наиболее существенных результатах исследования В. Г. Тюкавкина. Изучая поставленные в диссертационном исследовании

проблемы, В. Г. Тюкавкин исходит из того, что сибирская деревня является частью аграрного сектора экономики России, в которой проявлялось действие общих законов развития капитализма. А само сельское хозяйство претерпевало значительные изменения «под воздействием всего капиталистического рынка страны и международного капитала»³³. Актуальность проблемы возрастает в связи с ее недостаточной научной разработкой, а также необходимостью анализа особенностей развития аграрного капитализма на окраинах Российской империи. Поэтому в исследовании был сделан акцент на изучении процесса формирования капиталистического рынка, выявлении места и роли аграрного капитализма в производстве сельскохозяйственной продукции, поступающей в больших объемах на российский и внешний рынки.

В центре внимания оказались и такие проблемы, как землевладение и землепользование, разложение крестьянства и формирование крупных капиталистических хозяйств, усиление хозяйственной специализации и воздействие на крестьянство финансовой инфраструктуры и кооперации.

В отличие от кандидатской диссертации автор рассматривает проблему эволюции сельского хозяйства и крестьянства на материалах Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, а также Акмолинской и Забайкальской областей. Сравнительно-сопоставительный метод, используемый В. Г. Тюкавкиным, дал возможность выявить общее и особенное в развитии капитализма в земледелии и в метрополии, и в Сибири. Доказано, что обеспеченность землей крестьян Сибири была выше, чем в Европейской России – по величине земельного надела в 5–6 раз, по пашне – в 2 раза, посевной площади – в 4 раза, сенокосных угодий у сибирских крестьян было в 6 раз больше, пастбищ – в 30 раз. Но и здесь преобладали экстенсивные методы³⁴.

В диссертации раскрыты особенности землевладения в Сибири – прежде всего наличие государственной и кабинетской форм собственности. Специфика состояла и в отсутствии помещичьего и надельного землевладения. Большое распространение получило захватное землевладение, которое имело много общих черт с захватом земель на западе США. Вместе с тем он отмечает отличие сибирской ситуации от американской: в США оно регулировалось демократическим государством, а в Сибири – полукрепостническим³⁵.

Приведены данные о законе 1901 г., реализация которого потерпела полный крах. Насадить помещичью собственность в Сибири не удалось. А законопроект о введении частной собственности крестьян на землю, разработанный правительством, застрял в комиссиях Государственной Думы.

В. Г. Тюкавкиным выявлены особенности социального расслоения сибирского крестьянства

в начале XX в. Суть их состояла в том, что здесь удельный вес зажиточных крестьян колебался от 14 до 32 %, а беднейшие слои составляли от 30 до 60 %. Отмечена и другая особенность, связанная с тем, что процесс разорения крестьян характерен был не только в среде старожилого крестьянства, но и с тем, что удельный вес бедноты пополнялся за счет расслоения переселенцев и ссыльнопоселенцев³⁶.

В сибирской деревне были представлены сельская буржуазия и сельский пролетариат, численность которого доходила до 370 тыс. чел., кроме того, в капиталистическом земледелии было занято более 400 тыс. полупролетариев. В сибирской деревне возник рынок наемной рабочей силы. В. Г. Тюкавкиным поставлена и успешно решена проблема развития в сибирской деревне торгового земледелия, которое внесло существенные коррективы в специализацию районов, увеличение удельного веса посевов пшеницы, развитие животноводства. Подчеркнута роль Транссибирской магистрали, которая стала важнейшей артерией, доставлявшей в Сибирь сельскохозяйственную технику и машины (он отмечает деятельность Американской компании жатвенных машин), а также сельскохозяйственную продукцию в Европейскую Россию и за границу.

Актуальное значение для советской историографии имел вывод В. Г. Тюкавкина о том, что в 1906–1910 гг. по железной дороге из Сибири ежегодно вывозилось по 93 млн пудов зерна, а в торговле хлебом принимали участие крупные монокомпании, в том числе концерн «Иван Стахлев и К^о». Значение Сибири как крупной житницы страны особенно возросло в годы Первой мировой войны. К 1917 г. Сибирь стала производить шестую часть (до войны менее 10-й части) всех хлебов, обогнав Северный Кавказ и Украину³⁷.

Впечатляют данные, приведенные В. Г. Тюкавкиным, о развитии торгового скотоводства и сибирского маслоделия. Удельный вес вывозимого масла на внешний рынок из Сибири составил 90 % всего экспорта России. Только в 1913 г. было вывезено 6 млн пудов сибирского масла, в производстве которого было занято свыше 3 тыс. кооперативов³⁸. Также обстоятельно дан анализ развития сибирской кооперации. Выделены три этапа в ее развитии и доказано, что денежно-торговый кооперативный капитал «разрушал первобытные формы кабалы и личной зависимости и подготавливал обобществление средств производства и обмена, сохранял капиталистическое присвоение и распределение прибылей»³⁹. Развитые формы кооперации, предоставляя кредиты и обеспечивая сбыт продукции, подготавливали основу для перехода к крупному капиталистическому производству в маслоделии.

Несомненен вклад В. Г. Тюкавкина в дискуссию о характере аграрного строя России, направлениях и темпах аграрно-капиталистической эволюции. По мнению историка, в Сибири сло-

жились лишь элементы класса фермеров. Борьба сибирского крестьянства в целом шла за то, чтобы убрать препятствие, прежде всего царизм и «помещиков»⁴⁰ центра, с пути эволюции крестьянско-буржуазного типа. Важное значение имел и другой теоретический вывод сибирского историка: «Тип аграрного капитализма нельзя путать с уровнем развития капитализма, так как последний зависит не только от типа эволюции, но и от конкретно-исторических условий, от того, на какой стадии находится это развитие»⁴¹.

Конечно, в условиях второй половины 1960-х гг., ознаменовавшей поворот в советской историографии к ленинско-сталинской концепции второй российской революции, В. Г. Тюкавкин в своей докторской диссертации сформулировал вывод о преобладании частнокапиталистического мелкобуржуазного уклада в деревне. Далее он говорит о сравнительно низком удельном весе крупных капиталистических хозяйств и тут же, противореча своим выводам, пишет о том, что эти хозяйства производили 60 % зерновых культур и 50 % продуктов животноводства. И все же новым в историографии был вывод о том, что аграрный строй в сибирской деревне еще не сложился в окончательном классическом виде.

Эти концептуальные построения позднее были развиты и дополнены В. Г. Тюкавкиным в ряде обобщающих работ по истории Сибири. Дискуссия на защите докторской диссертации, в ходе которой В. Г. Тюкавкин аргументированно обосновывал свою концепцию, показала, что в представленном к защите оригинальном исследовании в полной мере были сформулированы новаторские идеи сибирского историка, воспринятые позитивно научным сообществом страны.

Защита докторской диссертации придала новый импульс научной и общественной деятельности В. Г. Тюкавкина. Вскоре он был избран заведующим кафедрой истории, сменив на этой должности своего учителя – профессора В. И. Дулова. Он принимает активное участие в защите уникальных архитектурных комплексов Иркутска – Спасской церкви и Собора Богоявления и вместе с директором художественного музея А. Д. Фатьяновым направляет в Москву телеграмму, в которой обосновывает необходимость сохранения этих шедевров русской архитектуры. Его активная позиция получила поддержку городского сообщества и с 1967 по 1974 г. он возглавляет президиум Иркутского областного совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Биограф В. Г. Тюкавкина А. Ф. Киселев за его подвижничество в деле сохранения и реставрации памятников по праву именует сибирского историка создателем. В центре его внимания оказались здания, связанные с именами декабристов. Но предоставим слово В. Г. Тюкавкину, который перед отъездом в Москву оставил такую запись в дневнике: «...завершены полностью работы по реставрации Спасской церкви, дома Трубецкого,

внешнего облика Собора Богоявления...»⁴² Как видим, его труды оставили зримые следы в историко-культурном пространстве Иркутска.

Его исследовательское поле во второй половине 60-х – первой половине 70-х гг. существенно расширилось. Он принимает участие в редактировании очерков истории Сибири⁴³. Совместно с В. Н. Пановым издает учебное пособие по краеведению для учащихся 7–10 классов средней школы⁴⁴. Он также редактировал сборник «Комсомолия Прибайкалья».

Здесь можно было бы указать и другие историографические факты, связанные с творчеством В. Г. Тюкавкина, который прошел в Иркутском государственном педагогическом институте все ступени от студента до ассистента, доцента, профессора, заведующего кафедрой. Органичное сочетание педагогической, научной и общественной деятельности выделяли его среди историков Сибири. Он сумел преодолеть все невзгоды и препятствия на своем пути. Его целеустремленность и научное предвидение был решающими факторами в становлении его как ученого. Сибирский период был стартовой площадкой для становления Тюкавкина как одного из лидеров российской аграрной школы историков. Заслуги историка были отмечены в его родном вузе. Его имя внесено в список выдающихся выпускников исторического факультета, а 24 апреля 2008 г. на корпусе университета по ул. Сухе Батора, 9 установлена мемориальная доска из черного долерита с фотопортретом и текстом: «В этом здании в 1954–1974 гг. работал заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор Виктор Григорьевич Тюкавкин (1928–2002 гг.)».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта проведения научных исследований «Аграрная история России XX веков: историография и источники» (проект № 13-01-00081).

Примечания

- 1 См.: Дамешек Л. М. Слово об учителе (мои встречи с Виктором Григорьевичем Тюкавкиным // Изв. Иркут. Гос. ун-та. Сер. История. 2003. № 1. С. 268–271.
- 2 См.: Лубков А. В. Слово о коллеге и учителе (вместо предисловия) // Проблемы новой и новейшей истории России. М., 1999.
- 3 См.: Киселев А. Ф. Созидатель // Кафедра. Профессорские розы. М., 2006. С. 45–61.
- 4 См.: Кабытов П. С. Сквозь «лихие» и «нулевые». Воспоминания. Самара, 2012. С. 220–221.
- 5 См.: Иркутск : Историко-краеведческий словарь. Иркутск, 2011 ; Летопись города Иркутска 1941–1991 гг. / сост. предисл. и примеч. Ю. П. Колмакова. Иркутск, 2010 ; Мемориальные доски и памятники, памятные знаки, скульптуры и образы техники г. Иркутска. Аннотированный каталог. Иркутск, 2008 ; Эн-

- циклопедия-хрестоматия Иркутской области и Байкала. URL: <http://irkipedia.ru/> (дата обращения: 21.05.2014).
- 6 Библиотека Сибирского краеведения. URL: <http://bsk.nios.ru/enciklodediya/tyukavkin-viktor-grigorevich/> (дата обращения: 21.05.2014) ; Историческая энциклопедия Сибири. URL: <http://sibhistoryedu54.ru/> (дата обращения: 21.05.2014).
- 7 См.: Занданова Л. В. В. Г. Тюкавкин – ученик и продолжатель дела В. И. Дулова // Учителя, ученики : материалы регион. науч.-теор. конф., посвящ. 90-летию В. И. Дулова : в 2 кн. Кн. I. Иркутск, 2003.
- 8 См.: Киселев А. Ф. Нравственные уроки профессора В. Г. Тюкавкина // Высшее образование в России. 2003. № 3. С. 34.
- 9 Полунина Н. Памяти первого иркутского архитектора – реставратора Галины Геннадьевны Оранской : к 100-летию со дня рождения. URL: <http://www.baikal-irkzem.ru/node/1005/> (дата обращения: 21.05.2014).
- 10 См.: Тюкавкин В. Г. Воспоминания о первых шагах общества охраны памятников в Иркутске // Земля Иркутская. 1999. № 11. С. 89–92.
- 11 Переписка с Николаем Михайловичем Тюкавкиным 25 июля 2014 г. // Личный архив автора.
- 12 Личный архив автора. Переписка с Н. М. Тюкавкиным.
- 13 См.: Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 5.
- 14 См.: Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 3 ; Давыдов М. А. Правда о Столыпинской реформе. URL: <http://nolit.ru/article/2007/02/08/davydov/> (дата обращения: 25.04.2014).
- 15 Киселев А. Ф. Кафедра. Профессорские розы. С. 47–48.
- 16 Цит. по: Киселев А. Ф. Кафедра... С. 48.
- 17 Тюкавкин В. Г. Переселение крестьян в Восточную Сибирь в период столыпинской реформы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1958. С. 2.
- 18 Там же. С. 1.
- 19 Там же. С. 5.
- 20 Там же. С. 6.
- 21 Там же. С. 8.
- 22 Там же. С. 8.
- 23 Там же. С. 9.
- 24 Там же.
- 25 Там же. С. 14.
- 26 См. подробнее: Кабытов П. С., Дубман Э. Л., Леонтьева О. Б. «Обретение родины» : общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI– начало XX в. : в 2 ч. Ч. 1. Очерки истории. Самара, 2013. С. 33.
- 27 Там же.
- 28 См.: Тюкавкин В. Г. Проведение «нового курса» переселенческой политики в Восточной Сибири (1911–1917 гг.) // Научные доклады высшей школы. М., 1958. № 4.
- 29 См.: Тюкавкин В. Г. Социально-экономическое развитие Сибирской деревни в эпоху империализма : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1966. С. 12.
- 30 Особенности аграрного строя России в период империализма : материалы сессии научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской

- социалистической революции». Май, 1960 г. М., 1962 ;
Анфимов А. М. О мелкотоварном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России // История СССР. 1963. № 2 ; Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972.
- ³¹ См.: *Тюкавкин В. Г.* Социально-экономическое развитие Сибирской деревни... М., 1966.
- ³² См.: *Тюкавкин В. Г.* Сибирская деревня накануне Октября. К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции. Иркутск, 1966.
- ³³ *Тюкавкин В. Г.* Социально-экономическое развитие сибирской деревни... С. 4.
- ³⁴ *Тюкавкин В. Г.* Социально-экономическое развитие сибирской деревни... С. 10.
- ³⁵ Там же. С. 19.
- ³⁶ Там же. С. 21.
- ³⁷ Там же. С. 28.
- ³⁸ Там же. С. 28, 29.
- ³⁹ Там же. С. 32.
- ⁴⁰ Там же. С. 37.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Цит. по: *Киселев А. Ф.* Кафедра. Профессорские розы. С. 49.
- ⁴³ См.: *Очерки истории Сибири / под ред. В. Г. Тюкавкина.* Иркутск, 1972.
- ⁴⁴ См.: *Очерки по истории Иркутской области : учеб. пособие.* Иркутск, 1970.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 903.024 (3)

КОМПЛЕКС КЕРАМИЧЕСКИХ КЛЕЙМ ИЗ КОЛОДЦА ПОД ПЕЧЬЮ № 9 ГОНЧАРНЫХ МАСТЕРСКИХ ХЕРСОНЕСА

М. В. Иващенко

Саратовский государственный университет
E-mail: m.ivashchenko@list.ru

В статье анализируется комплекс из 35 керамических клейм, обнаруженных в колодце под гончарной печью. Ранее предполагалось, что засыпь этого колодца и начало керамического производства в Херсонесе синхронны. Однако автор пришёл к выводу, что данные оттиски не имеют никакого отношения к мастерской, а сам колодец был засыпан или в конце 60-х или в самом начале 50-х гг. IV в. до н.э., т. е. задолго до появления на этом месте херсонесского «Керамика».

Ключевые слова: Херсонес, клейма, колодец, комплекс, хронология, IV в. до н.э.

Complex of Ceramic Stamps from a Well under Oven 9 of Chersonesos' Potteries

М. V. Ivashchenko

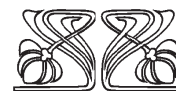
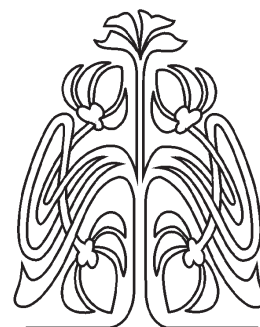
The article examines the complex of 35 ceramic stamps found in the well under the pottery kiln. Previously it was assumed that the filling of the well and the beginning of the ceramic industry in Chersonesos are synchronous. However, the author came to the conclusion that these squeezes have no relation to the workshop, and the well was filled either at the end of the 60s, or in early 50s of the 4th century BC, i.e. long before the appearance on this place of Chersonesos' "Ceramics".

Key words: Chersonesos, stamps, well, complex, chronology, 4th century BC.

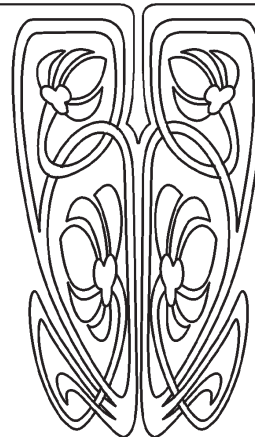
В 1955–1957 гг. за пределами городских стен Херсонеса Таврического В. В. Борисовой проводились археологические раскопки керамических мастерских, производящих амфорную тару и черепицу. Время существования этого комплекса было ею определено в пределах III – первой половины II в. до н.э.¹

Тремя годами позже на территории мастерских, под керамической печью № 9, был обнаружен колодец², доследованный В. Н. Даниленко в 1960 г. Однако отчёты о проведённых работах и описи находок им составлены не были. Два десятка ящиков с обнаруженным в колодце материалом были помещены на балкон средневекового отдела музея, где их в 1964 г. заметил В. И. Кац. Понимая значимость этого комплекса, в первую очередь, для решения вопроса о времени появления керамического производства в Херсонесе, он просмотрел весь материал и составил его предварительную опись³.

К сожалению, обнаруженная в колодце чернолаковая керамика к тому времени уже пропала, но сохранилось 35 амфорных клейм различных центров производства (таблица). До настоящего времени полная публикация этого материала никем не проводилась. Лишь дважды комплекс был упомянут В. И. Кацем. Впервые об этом он пишет в материалах Борисоглебской конференции, где засыпь колодца была датирована 50 гг. IV в. до н.э.⁴ Второй раз комплекс упоминался при определении времени начала производства керамической тары в Херсонесе. В данном случае В. И. Кац сослался на находку в засыпи колодца клейма фасосского магистрата Kleitos, которое в соответствии

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

с существовавшей в то время хронологической системой датировалось 20-ми гг. IV в. до н.э. Поскольку этот оттиск, по мнению В. И. Каца, являлся самым поздним в колодце, который был засыпан при создании на этом месте гончарной мастерской, был сделан вывод, что керамическое производство в Херсонесе появилось вскоре после 330 г. до н.э.⁵

**Керамические клейма из колодца
под керамической печью № 9**

Центры производства	Количество
Фасос	2
Менда	6
Пепарет	1
Гераклея	24
Синопа	1
Неустановленный	1
Итого:	35

Итак, в колодце представлены фрагменты клеймённых амфор пяти надёжно установленных центров производства: трёх средиземноморских и двух причерноморских. Почти все оттиски удалось прочесть и датировать.

Фасос. Представлен двумя оттисками магистратов Kleitos и Phanok (-) (кат. № 1–2).

Оттиск магистрата Phanok (-) и эргастериарха Pyladēs относится к клеймам третьего этапа клеймения, который датируется второй половиной 70-х – первой половиной 60-х гг. IV в. до н.э.⁶

Сложнее обстоит дело с оттиском магистрата Kleitos. В своё время Ю.Г. Виноградов, составивший схему фасосского клеймения, поместил данного магистрата в 5б хронологическую подгруппу (20-е гг. IV в. до н.э.).⁷ Позднее М. Дебидур отнёс Kleitos к самому началу «позднего» периода клеймения на Фасосе (вторая половина 30-х гг. IV в. до н.э.).⁸ Спустя два десятилетия тот же М. Дебидур на Стамбульском коллоквиуме в докладе, специально посвящённом магистрату Kleitos, в осторожной форме предположил, что он мог относиться ещё к «раннему» периоду клеймения и приблизительно датироваться серединой IV в. до н.э.⁹ Однако такое предположение было встречено прохладно, и предложенная им передатировка не нашла понимания у специалистов. Не случайно в вышедших после доклада М. Дебидура работах, посвящённых фасосским клеймам, практически сохраняются старые датировки. Так, А. Аврам отнёс деятельность магистрата ко времени между 329–317 гг. до н.э.¹⁰; И. Гарлан – к I-й группе «поздних» клейм, что соответствует дате ок. 327 г. до н.э.¹¹; В. И. Кац – к самому концу седьмого этапа клеймения – 333–327 гг. до н.э.¹²

Между тем в 2009 г. Ч. Цочев вернулся к гипотезе М. Дебидура. В качестве аргумента им были приведены материалы двух болгарских

комплексов, содержащих амфоры с клеймами магистрата Kleitos. Первый из них происходит из ямы с поселения «Костадин Чешма», к северо-западу от Аполлонии Понтийской. Здесь оттиск данного магистрата был обнаружен совместно с клеймами таких «ранних» фасосских чиновников, как Diarēs, Hēgorhōn I и Phanok (-)¹³. Другой закрытый комплекс был выявлен в кургане к юго-востоку от фракийского Севтополя, где в дромосе гробницы были найдены две разбитые клейменные амфоры: одна фасосская, а другая – гераклейская. Первая содержала на ручке клеймо Kleitos, а вторая – энлифический оттиск эпонима Lysitheos и фабриканта Euporos на горловине¹⁴. Заметим, что магистрат Lysitheos в соответствии с хронологической системой В. И. Каца относится к ШБ магистратской хронологической группе, что соответствует началу 50-х гг. IV в. до н.э.¹⁵ С учётом двух этих комплексов Ч. Цочев предложил поместить Kleitos в группы «Е» или «F» И. Гарлана и датировать его в широких пределах середины 60-х – первой половины 40-х гг. IV в. до н.э.¹⁶

К подобному выводу пришёл и С. В. Полин. Он, ссылаясь на погребальный комплекс кургана № 32 у г. Орджоникидзе, во рву которого был обнаружен фрагмент верхней части горловины гераклейской амфоры с именем эпонима Lysitheos. Сам комплекс был датирован в пределах 360–350 гг. до н.э. Руководствуясь этими данными, автор предложил отнести и фасосского магистрата Kleitos к середине IV в. до н.э. Однако С. В. Полин по-прежнему считает, что Kleitos принадлежит к группе «поздних» магистратов, на основании чего предполагает, что переход от «ранних» к «поздним» фасосским клеймам произошёл в 350-х годах¹⁷.

Однако, на наш взгляд, перспективнее поместить Kleitos в состав одной из групп «ранних» магистратов и, что наиболее важно, отнести его к периоду сбоя в системе магистратского клеймения на Фасосе, который произошёл во второй половине 60-х – начале 50-х гг. IV в. до н.э. Здесь на протяжении нескольких лет выпускаются клейма, в которых присутствует имя фабриканта и дополнительная эмблема, а имя магистрата заменено второй постоянной эмблемой или монограммой (звезда, фиала, таблетка, монограмма {☉}). В соответствии с хронологической системой И. Гарлана эти клейма распределены между подгруппами «F1» и «F2», т. е. с промежутком времени в 13 лет. В. И. Кац объединил их в одну группу и отнёс её к четвёртому этапу клеймения¹⁸. Хотя типологически в оттисках Kleitos и существуют отличия – в клеймах стоит имя магистрата, а не фабриканта и отдельными буквами греческого алфавита помечено где-то десятка два мастерских, работавших при нём. В связи с этим напрашивается вывод, что Kleitos относится или к самому концу четвёртого, или к началу пятого этапа клеймения, когда в оттисках вновь появляются имена магистратов. Между тем возможно было бы предположить,

что к данному переходному периоду относятся и оттиски магистратов *Hērophōn 2* и *Timarchidas*, которые в центральной части клейма также содержат отдельные буквы. Однако на настоящий момент нет ни одного надёжного комплекса, подтверждающего такой вывод.

Менда. Оттиски этого центра, представленные в выборке шестью экземплярами, весьма разнообразны: анэпиграфные, в виде отдельных букв и одно энглифическое колечко на ручке.

На сегодняшний день хронологическая классификация мендейских клейм разработана слабо, поскольку, в отличие от большинства других производственных центров, практика маркирования керамической тары в Менде не приобрела массового характера. Три анэпиграфных оттиска (кат. № 3–5) с изображением листа плюща (два рельефных и одно энглифическое) относятся ещё к концу V – первой четверти IV вв. до н.э.¹⁹ Двумя экземплярами представлена группа клейм, легенды которых состоят из отдельных букв греческого алфавита (кат. № 6–7). Находки целых сосудов в некоторых археологических комплексах позволяют датировать данные оттиски в пределах 90–60-х гг. IV в. до н.э.²⁰ Наконец, последнее клеймо в виде энглифического колечка (кат. № 8) датируется в широких пределах IV в. до н.э.²¹

Пепарет. Первоначально амфоры Пепарета с энглифическими клеймами на горлах сосудов, представляющими из себя отдельные буквы в круге, были условно отнесены Б. А. Василенко к амфорам группы «X»²². В 80-х гг. XX в. на острове Скопелос (античный Пепарет) были обнаружены свалки амфорных мастерских, в которых производились аналогичные сосуды²³. В нашей выборке зафиксировано всего одно клеймо этого центра (кат. № 9). По никонийским комплексам, содержащим амфоры с подобными клеймами (подвал № 1/1960 г.; яма № 271/1986 г.; погребение № 6 кургана № 4)²⁴, данный оттиск должен датироваться в пределах 70–60-х гг. IV в. до н.э.

Гераклея. Всего в колодце было зафиксировано 24 гераклейских оттиска, из них удалось прочитать легенды и распределить по хронологическим группам 22 экземпляра. Временной разброс гераклейских клейм достаточно велик.

Среди восстановленных оттисков преобладают клейма ранней фабрикантской группы (9 экз. – кат. № 23–31): *Aiakētos*, *Aristippos*, *Archelas*, *Eukleion*, *Eurydamos*, *Euphranōr*, *Krōmnitēs*, *Sōtēr* и *Timasandros*. Датируются данные оттиски концом V – 90-ми гг. IV вв. до н.э.²⁵

Магистраты I хронологической группы (90-е гг. IV в.) представлены 7 экз.: *Agistoklēs* – 2 экз. (кат. 11-12), *Hēr (-)* – 1 экз. (кат. № 14), *Hia (-)* – 1 экз. (кат. № 15), *Pa (-)* – 2 экз. (кат. № 18-19) и *Ly (-)* – 1 экз. (кат. № 16).

Из шести оставшихся клейм пять относятся ко IIБ магистратской хронологической группе (70-е гг. IV в. до н.э.): по одному оттиску магистратов *Aithēr* (кат. 10), *Eugeitiōn* (кат. № 13),

Molossos (кат. № 17), двумя оттисками *Styphōn* (кат. № 21–22). Самое позднее клеймо принадлежит эпониму *Skythas* (кат. № 20) – IIIА хронологической группы, которое датируется концом 60-х гг. IV в. до н.э.²⁶

Синопа. В составе коллекции присутствует единственный синопский оттиск с эмблемой полиса – «орел, несущий дельфина», который принадлежит одному из самых ранних астиномов – *Dionysios I* (кат. № 34). На сегодняшний день существует несколько классификационных схем синопского клеймения. Так, согласно «высокой» хронологии Н. Коновичи и И. Гарлана *Dionysios I* датируется второй половиной 50-х гг. IV в. до н.э.²⁷ В. И. Кац, поместив астинома в IB хронологическую подгруппу, отнёс его к самому началу этого десятилетия²⁸. Относительно недавно, данный чиновник был датирован Н.Ф. Федосеевым примерно 363 г. до н.э.²⁹ Между тем, судя по сопутствующему клеймённому материалу обнаруженному в комплексе, верхняя граница хронологии *Dionysios I* не может заходить далеко за рубеж 60–50-х гг. IV в. до н.э.

Судя по трём самым поздним клеймам выборки: фасосскому магистрату *Kleitos*, гераклейскому – эпонима *Skythas* и синопскому – астиному *Dionysios I*, – засып колодца была произведена в конце 60-х или в самом начале 50-х гг. IV в. до н.э.

Хотя разброс материала из колодца составляет более полувека, можно предположить, что он накапливался не равномерно на протяжении всего этого периода, а был перемещён единовременно с какой-нибудь городской свалки.

В связи с этим возможны два варианта объяснений:

1) если колодец был засыпан при строительстве мастерской, то появление керамического производства в Херсонесе можно было бы отнести ещё к середине IV в. до н.э.;

2) колодец был засыпан за несколько десятилетий до появления мастерской.

Второй вариант, на наш взгляд, выглядит предпочтительней. В какой-то степени он подтверждается клеймённым амфорным материалом из самой керамической мастерской. Он довольно ограничен – всего шесть клейм, но достаточно показателен: два синопских оттиска магистратов *Mnēsiklēs I* и *Aischinēs Iphiou*, относящихся к IVC и VC магистратским хронологическим группам соответственно (конец 80-х и 50-е гг. III в. до н.э.)³⁰, и четыре херсонесских клейма астиномов: *Prytanis Aristōnos*, *Simos Damatriou*, *Nikias Hērogeitōu*, *Nikias Hērakleiou*. Все эти чиновники принадлежат к IIА-В хронологическим подгруппам, которые датируются В. И. Кацем второй половиной 80-х – 40-ми гг. III в. до н.э.³¹ Таким образом, В. В. Борисова была права, что мастерская функционировала в III в. до н.э. Однако полученный в ходе раскопок материал не позволяет определить точную дату её появления.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Каталог керамических клейм из колодца
под печью № 9**

ФАСОС

№ 1. [Θασί]ων/Σ←/[Κλείτος] Инв. № 1/36582. *Аналоги:* Bon et Bon 1957, № 942. Клеймо магистрата Kleitos датируется рубежом 60–50-х гг. IV в. до н.э.

№ 2. [Πυλά]δη(ς) Θασί(ν) Φα/νοκ(-) Черепаха ← Инв. № 2/36582. *Аналоги:* IOSPE, III, № 1484 – 1481; Bon et Bon 1957, № 1507 et 1510; Garlan, 1999, № 554. Клеймо магистрата Phanok (-) относится к оттискам третьего этапа клеймения и датируется первой половиной 60-х IV в. до н.э. (Кац 2007, 414, Прил. II).

МЕНДА

№ 3. Лист плюща в круге. *Рельефное.* Инв. № 4/36582. *Аналоги:* IOSPE, III, № 3756-3764. Клеймо датируется концом V – первой четвертью IV вв. до н.э. (Кац 2007, 171–172).

№ 4. Лист плюща в круге. *Рельефное.* Инв. № 5/36582. *Аналоги:* IOSPE, III, № 3756-3764. Клеймо датируется концом V – первой четвертью IV вв. до н.э. (Кац 2007, 171–172).

№ 5. Лист плюща. *Эпиграфическое.* Инв. № 3/36582. *Аналоги:* IOSPE, III, № 3756-3764. Клеймо датируется концом V – первой четвертью IV вв. до н.э. (Кац 2007, 171–172).

№ 6. «В» *Эпиграфическое.* Инв. № 8/36582. *Аналоги:* Bon et Bon 1957: 503, № 2209. Клеймо датируется в пределах 90–60-х гг. IV в. до н.э.

№ 7. D *Рельефное.* Инв. № 6/36582. *Аналоги:* IOSPE, III, № 3756–3764. Клеймо датируется в пределах 70-60-х гг. IV в. до н.э.

№ 8. Кружок. *Эпиграфическое.* Инв. № 7/36582. Клеймо датируется IV в. до н.э. (Кац 2007, 171–172).

ПЕПАРЕТ

№ 9. «Δ» в круге. *Эпиграфическое.* Инв. № 35/36582. *Аналоги:* IOSPE, III, № 152–161. Клеймо датируется в пределах 70–60-х гг. IV в. до н.э.

ГЕРАКЛЕЯ ПОНТИЙСКАЯ

№ 10. Π[ασιάδα]/έπ '[Αέθέρως] Инв. № 17/36582. *Аналоги:* IOSPE, III, № 29–30. Эпоним Aethēr – 70-е гг. IV в. до н.э. (Кац 2007, 430, Прил. V/3).

№ 11. [Εὐκλείων]/[Θεμα(-) 'Α]ριστ/[οκλέος] Инв. № 28/36582. *Аналоги:* IOSPE, III, № 774, 859.

№ 12. [Αρ]ιστ[τοκλ]/[ής] Σατ[υρίω]/[νος] Инв. № 12/36582. *Аналоги:* IOSPE, III, № 561–568.

Эпоним Aristoklēs – первая половина 90-х гг. IV в. до н.э. (Кац 2007, 429, Прил. V/2).

№ 13. Ζωπύρος/Εὐγειτίων Инв. № 31/36582. *Аналоги:* IOSPE, III, № 794. Эпоним Eugeitiōn – 80-е гг. IV в. до н.э. (Кац 2007, 429, Прил. V/3).

№ 14. Θεογεν/έος 'Η(ρ(-) Инв. № 30/36582. *Аналоги:* IOSPE, III, № 854-855. Эпоним Hēr (-) – вторая половина 90-х гг. IV в. до н.э. (Кац 2007, 429, Прил. V/2).

№ 15. Αριστί/ππο 'Ια(-) Инв. № 27/36582. *Аналоги:* IOSPE, III, № 784-786. Эпоним Hia (-) – первая половина 90-х гг. IV в. до н.э. (Кац 2007, 429, Прил. V/2).

№ 16. [Δε]ξίππ[ο]/[Λυ(-) Инв. № 18/36582. *Аналоги:* Дебелт. Эпоним Ly (-) – первая половина 90-х гг. IV в. до н.э. (Кац 2007, 429, Прил. V/2).

№ 17. [Δαρομέ]νης/[Μολοσσός] Инв. № 14/36582. *Аналоги:* Мирмекий (*Пругло* 1972, С. 19, № 34). Эпоним Molossos – первая половина 70-х гг. IV в. до н.э. (Кац 2007, 429, Прил. V/3).

№ 18. Εὐά[ρ]/χο Π[α(-) Инв. № 29/36582.

№ 19. Εὐάρ[χ]ο Πα(-) Инв. № 22/36582. *Аналоги:* IOSPE, III, № 755-763. Эпоним Pa (-) – первая половина 90-х гг. IV в. до н.э. (Кац 2007, 429, Прил. V/2).

№ 20. Αρίστων/Γροzdь/έπι Σκύθα Инв. № 33/36582. *Аналоги:* Елизаветовское городище (*Брашинский* 1980, С. 458–465). Эпоним Skythas – конец 60-х – начало 50-х гг. IV в. до н.э. (Кац 2007, 430, Прил. V/4).

№ 21. Δ[αμοφ]/ώ[ντος]/Στύ[φ]/[ωνος]← Инв. № 16/36582. *Аналоги:* IOSPE, III, № 665.

№ 22. Νόσσο/Στύφω← Инв. № 32/36582. *Аналоги:* IOSPE, III, № 434, 1031. Эпоним Styphōn – 50-е гг. IV в. до н.э. (Кац 2007, 430, Прил. V/4).

№ 23. [Αίάκ]/ήτος ← Инв. № 19/36582. *Аналоги:* Херсонес (НЗХТ, Инв. № 16/31434). Фабрикант Aiakētos – конец V в. до н.э. (Кац 2007, 429, Прил. V/1).

№ 24. Αριστ/ίππος ← Инв. № 20/36582. *Аналоги:* IOSPE, III, № 1261–1268. Фабрикант Aristippos – конец V – 90-е гг. IV в. до н.э. (Кац 2007, 429, Прил. V/1).

№ 25. Α/(ρ[χ])/[έλ]α Внутри листа. *Бустрофедон.* Инв. № 21/36582. *Аналоги:* IOSPE, III, № 1294-1295. Фабрикант Archela – конец V – 90-е гг. IV в. до н.э. (Кац 2007, 429, Прил. V/1).

№ 26. Εὐκλείωνος ← Инв. № 23/36582. *Аналоги:* IPE, Pr. СПб. 1906–1907. Фабрикант Eukleīōn – конец V – 90-е гг. IV в. до н.э. (Кац 2007, 429, Прил. V/1).

№ 27. [Εὐρ]υδ/[άμο] Инв. № 24/36582. *Аналоги:* IOSPE, III, № 1563–1569. Фабрикант Eurydamos – конец V – 90-е гг. IV вв. до н.э. (Кац 2007, 429, Прил. V/1).

№ 28. [Εὐφρ]/άνω[ρ] Инв. № 11/36582. *Аналоги:* Херсонес (НЗХТ, Инв. № 617/37000). Фабрикант Euphranōg – конец V в. до н.э. (Кац 2007, 429, Прил. V/1).

№ 29. Κρ[ω(μνίτης)] Инв. № 25/36582. *Аналоги:* IOSPE, III, № 1702-1705. Фабри-

кант Κτῶμνιτῆς – конец V – 90-е гг. IV в. до н.э. (Кац 2007, 429, Прил. V/1).

№ 30. Σωτ/ήρ ← Инв. № 26/36582. Аналогии: IOSPE, III, № 1868–1870. Фабрикант Sōtēr – конец V – начало 90-х гг. IV в. до н.э. (Кац 2007, 429, Прил. V/1).

№ 31. [Γ]ιμ/[ασ]ίν/[δρ]ο[ς] Инв. № 13/36582. Аналогии: IOSPE, III, № 70. Фабрикант Timasandros – конец V в. до н.э. (Кац 2007, 429, Прил. V/1).

№ 32. [- - -]χε/[- - -] Инв. № 10/36582.

№ 33. [- - -]/[- - -]» Инв. № 15/36582.

СИНОПА³²

№ 34. Орёл, несущий дельфина ← Ἐπι Διονυ(σίου) [ἱέρω]νος Инв. № 9/36582. Аналогии: Истрия (Conovici 1998, С. 52, № 1). Астином Dionysios I – начало 50-х гг. IV в. до н.э. (Кац 2007, 429, Прил. VII).

НЕУСТАНОВЛЕННЫЙ ЦЕНТР

№ 35. Полуколючко. Оттиск на горле амфоры. Инв. № 34/36582.

Примечания

- 1 См.: Борисова В. В. Гончарные мастерские Херсонеса (По материалам раскопок 1955–1957 гг.) // СА. 1958. № 4. С. 144.
- 2 Там же. С. 152.
- 3 РА НЗХТ.Ф. 7. Д. 1040. Оп. 36782. Л. 1–5.
- 4 См.: Кац В. И. Массовый амфорный материал конца V–IV вв. до н.э. как источник по торговле в античную эпоху // Тез. докл. науч. конф. 1966 г. Борисоглебск, 1966. С. 11.
- 5 См.: Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994. С. 71.
- 6 См.: Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи поздней классики и эллинизма // БИ. 2007. Вып. XVIII. С. 415. Прил. II.
- 7 См.: Виноградов Ю. Г. Керамические клейма о. Фасос // НЭ. 1972. № 10. С. 40.
- 8 См.: Debidour M. Reflexions sur les timbres amphoriques Thasiens // BCH. 1979. Suppl. V. P. 34.
- 9 Idem. Kleitos, un magistrat thasien attesté sur les rives de la mer Noire // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire / ed. Y. Garlan. Aix-en-Provence, 1999. P. 81–89.
- 10 См.: Avram A. Les timbres amphoriques. 1. Thasos // Histria. 1996. Vol. VIII. P. 78.
- 11 См.: Garlan Y. En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos // BCH. 2004–2005. Vol. 128–129. P. 323.

- 12 См.: Кац В. И. Греческие керамические клейма... С. 416. Прил. II.
- 13 См.: Tzocher Ch. Notes on the Thasian Stamps Chronology // Archaeologia Bulgarica. 2009. № VIII. P. 58.
- 14 Ibid. P. 58–59.
- 15 Кац В. И. Греческие керамические клейма... С. 429. Прил. V.
- 16 См.: Tzocher Ch. Notes on the Thasian Stamps... P. 58.
- 17 См.: Полин С. В. Амфоры и клейма из кургана № 32 у г. Орджоникидзе и некоторые вопросы амфорной хронологии // АМА. 2011. № 15. С. 252.
- 18 См.: Кац В. И. Греческие керамические клейма... С. 415. Прил. II.
- 19 См.: Lavall M. L. Transport amphora's and trademarks : imports to Athens and economic diversity in the fifth century B. C. The University of Michigan, 1995. P. 127–128.
- 20 См.: Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье : комплексы керамической тары. Саратов, 1999. С. 211–213, Табл. 87–1 ; 324–326, Табл. 138–4.
- 21 См.: Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре : Каталог-определитель. М. ; Саратов, 2003. С. 92. ; Кац В. И. Греческие керамические клейма... С. 171–172.
- 22 См.: Василенко Б. А. Клейма на амфорах типа Солоха II // СА. 1971. № 2. С. 245.
- 23 См.: Doulgeri-Intzesiloglou A., Garlan Y. Vin et amphores de Péparéthos et d'Ikos // BCH. 1990. Vol. 64. P. 368 ff. ; Амперер Ж. И., Гарлан И. Греческие амфорные мастерские // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С. 20.
- 24 См.: Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье : комплексы... С. 227–229, Табл. 94–9 ; 229–300, Табл. 125–1 ; 313–315, Табл. 134–2.
- 25 См.: Кац В. И. Греческие керамические клейма... С. 429. Прил. V.
- 26 Там же.
- 27 Conovici N. Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrees comprises) // Histria. 1998. Vol. VIII. P. 50–51 ; Garlan Y. Les timbres ceramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope. Presentation et catalogue. P., 2004. P. 94.
- 28 См.: Кац В. И. Греческие керамические клейма... С. 434. Прил. VII.
- 29 Федосеев Н. Ф. Из истории Синопы. Керамический аспект // Исторические студии. Исторические науки № 6. Симферополь, 2014. С. 91.
- 30 См.: Кац В. И. Греческие керамические клейма... С. 435. Прил. VII.
- 31 Там же. С. 442. Прил. X.
- 32 К сожалению, само клеймо отсутствует в фондах Херсонесского музея.

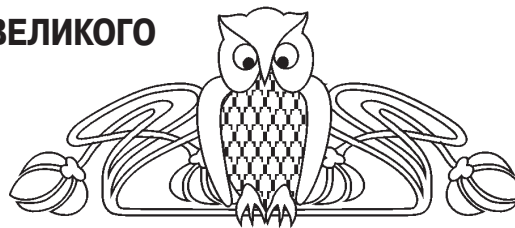

УДК 94(38)

ДВЕ ВЕРСИИ ПРЕДАНИЯ О ДЕТСТВЕ КИРА ВЕЛИКОГО (Herod., I.107–122; Xen. Cyr., I.3–I.4.3)

А. С. Сапогов

Саратовский государственный университет
E-mail: as_sapogov@mail.ru

Статья посвящена сравнению версий предания о детстве Кира Великого, переданных Геродотом и Ксенофонтом. В версии, передаваемой Геродотом в «Истории», главным является символизм игры в царя (*basilinda*), о которой говорится в иранской легенде, взятый «отцом истории» за основу повествования. В повествовании Ксенофонта о детстве Кира (в «Киропедии») можно выделить шесть главных событий, третье из которых – разговор Кира с его матерью Манданой – является кульминацией. Прослеживается влияние эпоса на версию Ксенофонта, которое проявляется в отношении к правдивости повествования и времени, в котором происходят описываемые события. Вероятно, в «Киропедии», так же как и в «Истории», при описании детства Кира мы имеем дело с определенным видом «синкретической правды», которая отличается как от исторической правды, так и от художественной. В обеих версиях события мыслятся как имевшие место в реальном историческом времени, а не в художественном. Автор статьи полагает, что главной целью «Киропедии» было рассказать о деяниях (*erga*) Кира Великого.

Ключевые слова: Кир Великий, Геродот, Ксенофонт, «Киропедия», «легенда о Кире Великом».

Two Versions of the Tale about Cyrus' the Great Childhood (Herod., I.107–122; Xen. Cyr., I.3–I.4.3)

A.S. Sapogov

The article is devoted to two versions of the tale about Cyrus' the Great childhood. The author compares Herodotus' and Xenophon's versions of the tale. The main event of Herodotus' version is a game, *basilinda* which has a sacral sense. Xenophon's version has six main events and the third event namely the conversation between Cyrus and his mother Mandane is a culmination of the tale. It is necessary to note the epics' influence on Xenophon's version, which becomes apparent in the attitude to the problem of truth and time in the tale. In the tale «Cyrropaedia» as well as in «Histories» we can see probably some kind of «syncretic truth», which differs from historical and narrative truth. Both versions tell us about events which were in real, not in fictional or narrative, time in the past. The author supposes that the main purpose of «Cyrropaedia» was to tell about Cyrus' deeds (*erga*).

Key words: Cyrus the Great, Herodotus, Xenophon, «Cyrropaedia», Legend about Cyrus the Great.

В своей статье «О преподавании всеобщей истории», написанной в декабре 1833 г., Н. В. Гоголь говорит о Кире Великом: «...Первый всемирный завоеватель, Кир, с свежим и сильным народом, персами, подверг весь Восток своей власти и насильно соединил разнохарактерные народы; но нравы, религия, формы правления остались в государствах те же, цари только обратились в сатрапов, и весь Восток видел над

собой одну верховную власть царя царей, персидского повелителя; ... постепенно от взаимного сообщения эти народы теряли свою особенность и национальность и вместе с своим царем царей, почти богом, невидимым для народа, поверглись в азиатскую роскошь»¹. И далее автор повествует об Александре Македонском², особо выделяя тем самым две фигуры, сыгравшие ключевую роль в судьбах Древнего Востока.

Личность персидского царя Кира Великого была и остается одной из ярчайших в истории древневосточных цивилизаций. Он стал героем легенд и рассказов уже вскоре после своей смерти. В Древнем мире сложилась «легенда о Кире Великом». Сам этот термин (*legend of/about Cyrus the Great, Kyros-Sage, la légende de Cyrus*) более поздний³ и появляется в европейской историографии во второй половине XIX в.⁴

Версии предания о детстве Кира, переданные Геродотом в «Истории» и Ксенофонтом в «Киропедии», – наиболее полные из тех, которые имеют иранское происхождение и относительно близки ко времени жизни Кира, поэтому их сравнение между собой представляется наиболее интересным и продуктивным⁵.

Уже во время создания Геродотом своего труда существовало минимум четыре ее версий (Herod., I.95). Наиболее полные из них представлены у Геродота, Ксенофонта и Ктесия⁶. Менее полные версии и отрывки легенды встречаются и у других античных авторов⁷. Здесь напрашиваются параллели с сюжетами древних мифов у других народов древности (напр., о Милете, о Зевсе, о Ромуле и Реме).

Геродот передает иранскую легенду, будто юный Кир воспитывался в семье пастуха, в которой он оказался после того, как его родной дед Астиаг попытался погубить младенца из-за вещих снов. В первом из них царь увидел, что его дочь испустила такое количество мочи, что затопила не только столицу Мидийского царства Экбатаны, но и всю Азию. После этого Астиаг решает выдать Мандану за знатного перса и тем самым удалить ее из Мидии. Во втором сне Астиаг видит, как из детородного органа его дочери вырастает виноградная лоза и покрывает собой всю Азию. Маги истолковали этот сон так: внук Астиага будет править вместо него самого⁸. Именно после этого Астиаг решил погубить внука, но благодаря ослушанию вельможи Гарпага Кир остался жив и попал в семью пастуха.

Однажды во время игры дети, даже не догадываясь о царском происхождении Кира, избрали его царем и относились как к царю. Он назначил одних строить дома (*dietaxe tous men oikias oikodomeein*), других быть телохранителями (*doryforoi*). Одному мальчику велел быть «оком царя» (*tou basileos ophthalmos*), другому приказал сообщать царю новости (*tas angelias espherein edidou geras*)⁹: каждому он поручил исполнять особую должность¹⁰. Когда один из участников игры, сын знатного мидянина Артембара, не выполнил приказания, Кир наказал его плетью. Мальчик пожаловался отцу, тот – царю Астиагу (Hdt., I.114). Царь велел вызвать к себе пастуха с сыном и во время разбора дела узнал в мальчике своего внука (Hdt., I.115–116).

Этот рассказ вызывает ассоциации с другим рассказом Геродота – о первом мидийском царе Дейоке (Hdt., I.96–101). Повествуя об основании Мидийского государства, историк сообщает, что Дейок назначил себе охрану (как и в ситуации с Киrom использован термин *doryphoroi*), вестников, говорит о строительстве дворца для Дейока, а в рассказе о Кире речь идет о строительстве домов¹¹. Здесь повествуется не о назначении «ока царя», а о «подслушивателях» и «подглядывателях» (*kataskopoi, katekooi*)¹². Таким образом, это сходство может служить подтверждением тезиса о том, что Кир, в отличие от Дария I, обосновывал преемственность своей власти от мидийского царского дома¹³.

Важно, что в селении, где происходила рассматриваемая игра, находились и стада быков Астиага (*esan kai hai boukoliai hautai*). Замечание, носящее с первого взгляда характер бытовой зарисовки, возможно, содержит понятную иранцам символику. Очевидно, что имя Кира, имеющее корень *kur*¹⁴, в сознании иранцев связывалось с быком как значимым животным зороастрийской религии; кроме того, приемным отцом Кира в этой легенде является пастух-волопас (*boukolos*), то есть пастух не мелкого рогатого скота (*poimen*), а крупного.

Важен эпизод, в котором Кир наказывает ослушавшегося мальчика ударами плети (*karta periespe mastigon*). Глагол *mastigeo* связан с существительным *mastix*, которое соотносится с реалиями, относящимися как к пастуху-волопасу, так и к быкам (см., напр.: Suid., s. v. *bouplex*; Hesych., s. v. *boossoos*; s. v. *logasos*)¹⁵. Не исключено, что это подтверждает связь Кира с Митрой, поскольку бык являлся значимым животным в митраизме, правда, нельзя точно сказать, какой именно была его роль в эпоху Ахеменидов, но можно утверждать, что, по крайней мере, у мидийских царей и Кира бык был значимым символом, связанным с царской властью. Приёмного отца Кира звали Митридат (то есть *Митрой данный*), это может быть аргументом в пользу приверженности Кира культуре Митры и его преемственности от мидийских царей. Напрашивается сопоставление эпизода из

Геродота, в котором говорится о плети, с авестийским рассказом о том, как верховный бог Ахура Mazda вручил золотую стрелу и хлыст первому царю иранцев Йиме (Вендидад, II).

Кир, согласно историку, носил в это время какое-то другое имя (I.113)¹⁶. Здесь, возможно, нашла отражение процедура получения царем тронного имени при восшествии на престол или же ритуал инициации, в ходе которого юноше давалось имя мужчины.

Следует отметить, что сам Геродот не даёт названия этой игре, употребляя глагол *paizo* в форме имперфекта (*epaize* – I.114). В статье лексикона Суды, посвященной Киру Великому, эта игра называется *basilinda*, и в отдельных статьях даются пояснения – «то, что присуще царю; вид игры». В лексиконе Гесихия описание более подробное, но, к сожалению, в тексте содержится лакуна: *basilinda* – «это вид игры, подобно тому, как подражающие царям и полководцам (детям) пользовались (чем-то или кем-то) ... [лакуна в тексте] ... у тарентинцев же также есть и Афродита Царица». Видимо, в эпоху классики это слово не употреблялось, оно более позднее, но адекватно передающее суть игры, распространенной среди детей и в греческом мире. Игра в данном случае выступает как некое удвоение реальности: позднее, победив своего деда Астиага в войне, Кир стал реальным царём. В этой игре Кир выступает мнимым царём, одновременно будучи мнимым сыном пастуха (*boukolou epiklesin paida*). В восприятии персов он здесь – сын пастуха, но ещё не царь, тогда как в художественном мире Геродота Кир уже царь, а не пастух.

В «Киропедии» описание детства Кира начинается с третьей главы I книги и завершается четвертым параграфом пятой главы I книги. Согласно Ксенофонту, важнейшие события детства Кира таковы:

- (1) его приезд к деду, мидийскому царю Астиагу, вместе с его матерью Манданой (I.3.1–3);
- (2) обед Кира с дедом и матерью (I.3.4–12);
- (3) обсуждение с матерью государственного устройства у мидян и персов (I.3.18);

(4) на некоторое время Кир остается в Мидии и принимает участие в охоте на диких зверей (I.4.7–9, 14–15);

(5) когда Киру исполняется пятнадцать или шестнадцать лет, он вместе с царем участвует в войне между мидянами и ассирийцами (I.4.17–24);

(6) возвращение Кира в Персию, где он становится эфебом, а затем зрелым мужем (I.4.25–I.5.1).

Здесь, как и у Геродота, главные события детства Кира происходят в Мидии. Именно в связи с описанием пребывания Кира в этой стране Ксенофонт приводит наиболее полный перечень характеристик царевича. Он отмечает, что Кир выделялся среди своих сверстников *способностью быстро все постигать, благородством и мужеством, внешней красотой, ласковостью, прекрасными душевными качествами* (I.3.1–2). Историк

сообщает, что Кир был *честнолюбивым, любящим все прекрасное (filokalos kai filotimos – I.3.3)*, ему были свойственны *человеколюбие (filanthropia)*, *любопытность (filomathes)*, *живой ум и сообразительность (anchinous)*, а также *простота и доверчивость (I.4.1–3)*.

(1) Приезд к Астиагу происходит, когда Киру исполняется двенадцать лет, а согласно Геродоту, возраст, когда царское происхождение Кира обнаружилось, – десять лет¹⁷.

(2) Во время обеда в беседе с дедом Кир указывает на простоту персов в еде, в отличие от мидян, и отмечает, что его отец Камбиз, когда пьет вино, лишь утоляет жажду, тогда как Астиаг во время пиршеств пьет чрезмерно много, как и пирующие вместе с ним; во время такого пира у мидян и бывает свобода слова (*isegoria*). В ходе трапезы Кир показывает своё умение справиться с обязанностями виночерпия, и это также является своего рода игрой¹⁸. Но она, в отличие от игры у Геродота, кажется, не несет в себе столь глубокого символического смысла и, видимо, является аллюзией на версию «легенды», переданную Ктесием, согласно которой Кир, прежде чем захватить престол, был виночерпием у Астиага¹⁹.

В повествовании Ксенофонта юный Кир неоднократно старается услужить деду и дяде (напр., I.4.2). Эти эпизоды следует отметить, поскольку в других своих сочинениях (напр., «Анабасис» и «Гиерон») Ксенофонт не раз подчеркивает, что подчинение власти и дисциплина являются основами нормального существования общества. В целом тема подчинения власти (*peitharchia*) – одна из любимых тем Ксенофонта²⁰. Возможно, как человек военный Ксенофонт полагал, что для того, кто будет управлять людьми и командовать ими на войне, необходимо умение и самому подчиняться старшим.

(3) Разговор юного Кира со своей матерью произошел после того, как Астиаг предложил Киру остаться на некоторое время в Мидии и Кир согласился. В этом эпизоде Ксенофонт устами Манданы показывает преимущества персидской царской власти перед мидийской. Мать говорит сыну: «Мой мальчик, ... то, что понимают под справедливостью персы, и то, как ее понимает твой дед; не одно и то же. Дед твой царствует в Мидии и решает все дела, сообразуясь с собственной волей (*psyche*), у персов же считается справедливым, когда все имеют равные права. Твой отец первым выполняет свои обязанности перед государством, обладая установленными государством правами, мерой которых служит закон, а не его собственная воля. Так что как бы тебя не наказали бичом, когда ты вернешься домой, научившись у деда руководствоваться не законом царей, а законом тиранов (*tyrannikos*), согласно которому иметь больше власти, чем все остальные, считается необходимым условием государственного правопорядка (I.3.18)²¹. Этот разговор является кульминацией в описании

детства Кира, поскольку сперва речь идет о различиях между персами и мидянами в отношении к еде и питью, затем о свободе слова у мидян и, наконец, – о государственном устройстве. В дальнейшем повествовании о детстве речь идет исключительно о событиях жизни будущего царя, среди которых нет подобного рода обсуждений.

Находясь в Мидии, Кир сделался взрослее (*horan tou prosebon genesthai*), и стала проявляться его *стыдливость* и *скромность (aidios)*. В Мидии он обучался верховой езде, а также стрелял из лука и метал дротик. Кир говорит своей матери, что в Персии он искуснее всех сверстников в стрельбе из лука и метании дротика, но слабее в верховой езде, которой и хотел бы поучиться в Мидии (Xen., Cyt., I.3.15). Здесь видна параллель с местом «Истории» Геродота (I.136), где сообщается, что «детей с пяти- до 20-летнего возраста они [персы] обучают только трём вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости»²² (*hippeuein kai toxuein kai alethizesthai*). Что касается метания дротика и стрельбы из лука, то здесь напрашивается сравнение с одной из Накширустамских надписей Дария I (DNb), в которой царь говорит о себе: «как копьеметатель я – отличный копьеметатель, как в пешем, так и конном строю»²³ (*ārštika amiy uvārštika utā pastiš utā asabāra – DNb, 44–45*)²⁴.

(4) При описании охоты Ксенофонт не приводит личных характеристик Кира.

(5) Когда же царевичу исполнилось пятнадцать или шестнадцать лет, происходит вторжение ассирийцев в Мидию, и своим участием в сражении и советами Астиагу Кир помогает мидянам победить, совершая подвиги, достойные мужа (*erga andros*). Узнав об этом, Камбиз вызывает Кира в Персию, куда тот возвращается, чтобы исполнить обязанности перед государством.

(6) Через некоторое время после возвращения он становится эфебом и оказывается самым доблестным во всех делах, самым выносливым и дисциплинированным, послушным у предводителей и исполненным уважения к старейшим (*au edokei kratisteuein kai meleton ha chren kai karteron kai aidoumenos tous presbyterous kai peithomenos tois archousi – I.5.1*).

По-видимому, есть основания утверждать, что влияние как иранского, так и греческого эпоса на «Киропедию» нашло свое отражение в том, что, как и у Геродота, с самого начала повествования о герое говорится о правдивости повествования. «Отец истории» пишет, что из рассказов о Кире он передает тот, который передали ему персы, желавшие не слишком восхвалять Кира, но «рассказывать сущую правду» (*ton eonta legein logon – I.95*), Ксенофонт сообщает, что тщательно исследовал происхождение, природные дарования и воспитание Кира (*genean kai poian tina physin echon poia tini paideutheis paideia tosouton dienenken eis to archein anthropon – Xen., Cyt., I.1.6*) и все, что удалось выяснить и что представляется установленным, он попытается изложить (*chosa*

oun kai epythometha kai esthesthai dokoumen peri autou, tauta peirasometha diegesasthai – ibid.). Тот факт, что Ксенофонт повествует о событиях, которые не могли иметь место в действительности не значит, что он намеренно обманывал своих читателей, либо играл с ними в некую игру, когда читатель понимал, что хотя речь и идет о правде, далее будут излагаться вымышленные события – предыдущий текст никак на это не указывает. Та правда, о которой говорят и «отец истории», и автор «Киропедии», вероятно, отличается от правды как исторической, так и художественной и представляет собой, по выражению М. И. Стеблин-Каменского, «синкретическую правду», которая, впрочем, не есть нечто среднее между художественной и исторической правдами, а представляет собой совершенно особый вид правды²⁵.

Исходя из этого, можно предположить, что главной целью «Киропедии» был рассказ о подвигах (*erga*) Кира, а описание его воспитания и личных качеств являлось инструментом для лучшего понимания того, как Кир смог эти подвиги совершить. Иными словами, Ксенофонт создал свою собственную версию предания о персидском правителе Кире Великом, подражая эпосу как греческому, так и иранскому²⁶.

Влияние эпоса на «Киропедию», возможно, проявляется и в отношении к времени. В отличие от «отца истории», который приводит родословную Кира начиная от Ахемена (III.75), Ксенофонт передает, что отец Кира Камбиз происходил из рода Персеидов, а Персеиды получили свое имя от Персея. То есть историк опирается на греческий этимологический²⁷ миф, согласно которому персы ведут свой род от Персея. Тем самым Ксенофонт связывает Кира с прошлым через генеалогию. С настоящим Ксенофонт связывает Кира также при описании положения дел в Ахеменидской державе на рубеже V–IV вв. до н. э. (VIII.8). Думается, что в этом случае также есть основание провести параллель между «Киропедией» и эпосом, в котором нет вымышленного времени, напротив, все события мыслятся как события, реально произошедшие в прошлом. Видимо, то же самое можно сказать о времени и в обеих версиях предания о детстве Кира, в которых оно не является вымышленным, а представляет собой определенный отрезок реального времени в прошлом²⁸.

Итак, в передаваемой Геродотом аутентичной иранской легенде важным элементом является игра, причём показана полисемантическая игра: в ней отражен эпизод с совершенно конкретными иранскими реалиями, переданные греческими терминами; она отражает иранский микрокосм с присущей ему иерархией: царь, связанный с божествами – главный среди людей, устанавливает порядок в государстве, ему подчиняются все, и ослушавшиеся, нарушившие таким образом порядок, несут заслуженную кару. Наконец, игра выполняет функцию предсказания – будучи названным царём в игре, Кир впоследствии стал

им в реальности. В «Киропедии» царственность Кира проявляется с самого детства (Хен., Суг., I.3–4) и она не нарушается никакими событиями, в отличие от Геродота, в повествовании которого царственный ребенок становится на время сыном пастуха. В версии «легенды о Кире», переданной Ксенофонтом, также присутствует игра (во время пира), не несущая, однако, столь глубокого символического смысла. В этой версии предания о детстве царя – иная структура повествования, в которой мы можем выделить шесть основных событий в описании детства Кира, причем третий из них – диалог с матерью о государственном устройстве Мидии и Персии – является кульминацией всего повествования. Возможно предположить, что важнейшая роль в этой версии легенды принадлежит влиянию эпоса на Ксенофонта и подражанию эпосу автором, которое выражается как в отношении к времени, в котором происходят описываемые события, так в отношении и к правдивости повествования. Вместе с тем, версия Ксенофонта имеет следы заимствования как из документального персидского материала (в отличие от версии, приводимой «отцом истории»), так и из других версий «легенды о Кире».

Примечания

- 1 Гоголь Н. В. О преподавании всеобщей истории // Собр. соч. : в 7 т. М., 1967. Т. 6. С. 47.
- 2 Там же. С. 47–48.
- 3 Термин «легенда» в данном случае является условным. Греческими авторами не используется слово *epos*. Так, Геродот употребляет слово *logos* (I.95), когда упоминает различные известные ему рассказы о жизни Кира, а Ксенофонт сообщает то, что у варваров говорится и поётся (*legetai kai aidetai*) о Кире.
- 4 Напр., Bauer A. Die Kyros-Sage und Verwandtes. Wien, 1882.
- 5 Сравнения разных версий жизнеописаний Кира в целом см.: Cizek A. From the Historical Truth to the Literary Convention : The Life of Cyrus the Great Viewed by Herodotus, Ctesias and Xenophon // L'Antiquité classique. 1975. Т. 44. P. 531–552 ; Lombardi M. Il ritratto di Ciro nella Ciropeia di Senofonte tra eredità erodotea, tradizione iranica e socratica // Rivista di cultura classica e medioevale. 2005. Anno 47. P. 235–248.
- 6 На Ктесия оказала влияние месопотамская версия «легенды о Кире»; см.: Drews R. Sargon, Cyrus and Mesopotamian Folk History // J. of Near Eastern Studies. Vol. 33, № 4. P. 387–393. См. также: Panaino A. A Mesopotamian Omen in the Cycle of Cyrus the Great with an "Appendix on Cuneiform Sources" by Gian Pietro Basello // Of God (s), Trees, Kings and Scholars : Neo-Assyrian and Related Studies in Honour of Simo Parpola. Helsinki, 2009. P. 391–398.
- 7 Отрывки разных версий встречаются у логографов, Динона, Исократы, Диодора, Помпея Трога, Полиена, Николая Дамасского и других авторов, в том числе и в некоторых византийских лексиконах.

- ⁸ Об этих снах см.: *Pelling C.* The Urine and the Vine : Astyages' Dreams at Herodotus 1.107–8 // *Classical Quarterly. New Series.* 1996. Vol. 46, № 1. P. 68–77, со ссылками на исследовательскую литературу.
- ⁹ «предоставил особую честь доставлять вести» (пер. автора).
- ¹⁰ Астиаг в разговоре с магами называет и ещё одну должность, которая существовала при «дворе» Кира – *привратнику* (*thyroroi* – III.120).
- ¹¹ *Tuplin C.* Xenophon on Achaemenid Court // *Der Achämenidenhof* / eds. B. Jacobs, R. Rollinger. Wiesbaden, 2010. P. 227.
- ¹² Р. Фрай проводит параллель между ахеменидскими «ушами царя» и должностью *adhyakṣa* в Древней Индии; см.: *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 2002. С. 144.
- ¹³ См.: *Waters M.* Cyrus and the Medes // *The World of Achaemenid Persia : History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East* / ed. by J. Curtis, S. J. Simpson. L. ; N. Y., 2010. P. 63–71.
- ¹⁴ *Абаев В. И.* Из иранской ономастики // *История Иранского государства и культуры.* М., 1971. С. 264–265.
- ¹⁵ *Suid. s.v. bouplex* – это секира, топор, плеть, острая палка, которой погоняли быков; и опять-таки – колющее сзади стрекало, также направляющие быка пугы, (изготовленные) из жил. *Nesyuch. s.v. boossoos* – кнут и пастух ; *s.v. logasos* – бычий кнут.
- ¹⁶ Страбон передает, что первое имя Кира было Аградат. И. В. Пьянков указывает здесь на возможное соединение версии Геродота с данными Ктесия, согласно которым отца Кира звали Атрадат – аналог Митридата версии Геродота (см.: *Пьянков И. В.* Борьба Кира II с Астиагом по данным античных источников // *ВДИ.* 1971. № 3. С. 129, примеч. 184), и в этом случае это имя переносится на самого Кира.
- ¹⁷ По преданию, передаваемому «отцом истории», сын Кира Камбиз в возрасте десяти лет сказал своей матери: «Мать! Когда я возмужаю, я переверну весь Египет вверх дном» (*Herod., III.3*).
- ¹⁸ *Gera D.* Xenophon's Cyropaedia : Style, Genre and Literature Technique. Oxford, 1993. P. 157.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 156–157.
- ²⁰ *Борухович В. Г., Фролов Э. Д.* Примечания // *Ксенофонт. Киропедия.* М., 1976. С. 313, прим. 2. См. также: *Фролов Э. Д.* Ксенофонт и поздняя тирания // *ВДИ.* 1969. № 1. С. 108–124.
- ²¹ Здесь и далее для «Киропедии» перевод В. Г. Боруховича. Об этом разговоре см., напр.: *Gera D.* *Op. cit.* P. 73–78, со ссылками на литературу ; *Tatum J.* Xenophon's Imperial Fiction : On the Education of Cyrus. Princeton, 1989. P. 105–106. Политические взгляды Ксенофонта в «Киропедии» рассмотрены и в книге : *Nadon C.* Xenophon's Prince : Republic and Empire in the Cyropaedia. Berkeley, 2001. Однако в литературе не отмечается роль и место этого разговора в повествовании о детстве Кира.
- ²² Пер. Г. А. Стратановского.
- ²³ Пер. В. И. Абаева.
- ²⁴ См.: *Gera D.* *Op. cit.* P. 73. X. Санчизи-Веерденбург отмечала влияние документального персидского материала также на описание смерти Кира в «Киропедии»; см.: *Sancisi-Weerdenburg H.* The Death of Cyrus : Xenophon's Cyropaedia as a Source for Iranian History // *Xenophon.* N. Y., 2010. P. 439–453.
- ²⁵ *Стеблин-Каменский М. И.* Мир саги ; Становление литературы. Л., 1984. С. 23 ; 28–31.
- ²⁶ В историографии и по сей день нет единого мнения о том, каков жанр «Киропедии». Жанры, к которым в историографии исследователи, как правило, относят «Киропедию» (в разных вариациях), таковы: *роман* (romance, novel, fiction, utopian fiction), *биография* (biography), *историография* (historiography), *панегрик* (epicomic), *нравоучительное сочинение* (didactic work). Однако в историографии речь не идет о том, что «Киропедия» является подражанием эпосу. О жанре «Киропедии» см., напр.: *Hirsch S.* The Friendship of the Barbarians: Xenophon and the Persian Empire. Hanover ; L., 1985. P. 66–69 ; *Due B.* The Cyropaedia: Xenophon's Aims and Methods. Aarhus, 1989. P. 26 ; *Gera D.* *Op. cit.* P. 1–3 ; *Mueller-Goldingen C.* Untersuchungen zu Xenophons Kyropädie. Stuttgart ; Leipzig, 1995. S. I–IV. См. также: *Stadter P.* Fictional Narrative in the Cyropaideia // *Xenophon.* Oxford, 2010. P. 370 (со ссылками на обзоры мнений исследователей в разное время).
- ²⁷ *Борухович В. Г., Фролов Э. Д.* Примечания // *Ксенофонт. Киропедия.* М., 1976. С. 290, прим. 5.
- ²⁸ О категории времени в «Киропедии» см. также: *Due B.* *Op. cit.* P. 42–52 ; *Stadter P.* *Op. cit.* P. 380–385, *Beck M.* Xenophon // *Time in Ancient Greek Literature.* Leiden ; Boston, 2007. P. 385–396. Трудно согласиться с Б. Дью, которая указывает на существование в «Киропедии» двух видов времени – вымышленного (fictional) и повествовательного (narrative). Исследовательница отмечает, что заимствовала эти термины из труда Томаса Хэгга (*Hägg T.* Narrative Technique in Ancient Greek Romances : Studies of Chariton, Xenophon Ephesius, and Achilles Tatius. Stockholm, 1971), хотя в работе Т. Хэгга речь идет о греческих сочинениях более позднего времени.

УДК 94(437)12/13

ДВА ЭТАПА ГОРНОГО ДЕЛА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЧЕХИИ: ЙИГЛАВА И КУТНА ГОРА

П. Н. Лапшов

Саратовский государственный университет
E-mail: pav9204@yandex.ru

Горное дело в средневековой Чехии – важная страница истории этой страны. Горное дело породило новые явления в экономике, социальных отношениях, оказало значительное влияние на политическое развитие, на развитие культуры и искусства. Одним из важнейших вопросов этой проблемы представляется разработка периодизации истории горного дела в средневековой Чехии. Источники дают основание для вывода о двух этапах: времени гегемонии Йиглавы (XIII в.) и Кутной Горы (XIV в.).

Ключевые слова: горное дело, Йиглава, Кутна Гора, серебро, горное право.

Two Stages of Mining in Medieval Czech: the Jihlava and the Kutna Hora

P. N. Lapshov

The mining of medieval Bohemia is an important page in the history of this country. Mining has generated a new proceedings in the economy, social relations, had a significant impact on the political development, the development of culture and art. One of the important questions of this problem represents the development of periodization of the mining history in medieval Bohemia. The sources contain information about the two stages of mining: the time of hegemony of the Jihlava (the 13th c.) and the Kutna Hora (the 14th c.).

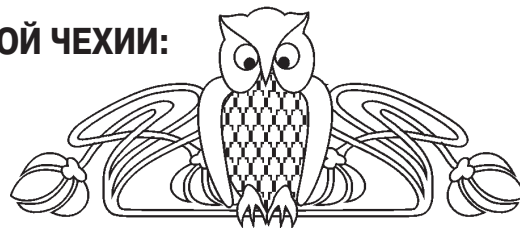
Key words: mining, Jihlava, Kutna Hora, silver, mining law.

Горное дело в средневековой Чехии – важная страница не только истории этой страны, но и всей Западной Европы. Развернувшаяся здесь с первой половины XIII в. добыча серебра оказала огромное влияние на развитие Чехии, Центрально-Европейского региона и всего континента. Она породила новые явления в экономике, социальных отношениях, оказала значительное влияние на политическое развитие, на развитие культуры и искусства.

Так как с течением времени центр добычи серебра в средневековой Европе переместился в чешские земли, столь щедро одаренные этим драгоценным металлом самой природой, «серебряный» фактор сыграл особо важную роль именно в истории этой страны. Однако несмотря на очевидную значимость этого вопроса, приходится констатировать недостаточную изученность данной темы в отечественной медиевистике¹.

Одним из важнейших вопросов этой проблематики, особенно важным для её теоретического осмысления, представляется разработка периодизации истории горного дела в средневековой Чехии.

Источники, которые содержат информацию о средневековой истории горных городов Чехии, до-

статочно разнообразны. Это грамоты чешских королей², нарративные источники (особенно важные сведения содержит так называемая Збраславская хроника Петра Житавского)³, свод горного права Jus Regalium Montanorum⁴.

Рассмотрение этих памятников даёт, на наш взгляд, основания для выделения двух этапов в развитии горного дела (добычи серебра) в средневековой Чехии.

Первый этап можно датировать, как нам представляется, 1240–1290 гг. По мнению многих историков прошлого и настоящего, Чехия стала родиной первой в Средние века «серебряной горячки». Никогда прежде в истории средневековой Европы не наблюдалось такого стремительного стечения больших масс людей для организации горной добычи, такого бурного роста горнодобывающего населения и горных городов⁵.

Начало интенсивной добычи серебра в чешских землях приходится на 40-е гг. XIII в., которые были отмечены возникновением и бурным ростом первых горных городов в чешских землях. Крупнейшим центром добычи серебра в данный период стал город Йиглава. Впервые в источниках название «Йиглава» упоминается в грамоте 1197 г. правителя Брно Збигнева⁶, но тогда имелось в виду название реки и прилегающей к ней местности. Появление же собственно города Йиглавы относится, по-видимому, к 1234 г., когда король Вацлав I предоставил переселявшимся из Германии горнякам статус самоуправляющегося города.

В первые годы после основания Йиглава стремительно росла, что нашло яркое отражение в топографии её исторического ядра.

Наивысшего расцвета город достиг в 1240–1280 гг. О том, что в XIII в. Йиглава переживала период бурного роста и расцвета, свидетельствуют каменные постройки городского патрициата. Они позволяют сделать вывод об определённом положении и богатстве города. К этому же времени, а именно к 1249 г., относится запись норм горного права, которого горожане и горные предприниматели Йиглавы сумели добиться от чешских королей, тем самым создав надёжные правовые гарантии для разведки и добычи драгоценного металла.

Грамотой 1249 г. горное право было пожаловано не только жителям Йиглавы, но и горнякам на всей территории Чешского королевства. После

этого Йиглава стала высшей судебной апелляционной инстанцией по делам горного права сначала для Чехии, а затем и для других стран Центральной Европы. Право Йиглавы оказывало большое влияние на формирование горного права других городов⁷.

О лидерстве Йиглавы среди горных городов Чехии свидетельствует и тот факт, что для этого города королём Пржемыслом Оттокаром II был издан первый в Чехии градостроительный устав⁸.

Главным отличием горного города являлась новизна складывавшихся там экономических отношений, которые не могли основываться на нормах и традициях средневековых цеховых уставов. В отечественной литературе отмечается большая доля свободы горожан подобных городских поселений⁹. Баснословными доходами от горной добычи распорядились кверки – горные предприниматели. Эти огромные доходы от серебра не могли остаться без внимания королевской власти – кверки платили королям 1/8 часть, именуемую урбурой¹⁰. Следует отметить, что Йиглава в это время была самым крупным городом в Моравии и вторым по величине во всей Чехии¹¹. В город приходили новые колонисты в большинстве из немецких земель. Доля немецкого населения была подавляющей. Однако с 1280–1290 гг. в Йиглаве наблюдается стагнация добычи, а затем – и её спад. В городе снижается доля горняков и увеличивается доля производства в ремесленных «отраслях-заменителях» – в XIV в. развивается выделка сукна и шерсти, производство шерстяных головных уборов.

Второй этап развития горных городов в средневековой Чехии открывается началом разработок серебряных месторождений Кутной Горы. Наиболее интересным источником по изучению кутногорской добычи серебра на начальном этапе является Збраславская хроника Петра Житавского.

Хотя грамоты впервые сообщают о существовании самого города Кутной Горы с 1292 г.¹², мы уже применительно к этому времени можем говорить об особой важности этого района для развития горного дела в Чехии. Современные чешские исследователи указывают на существование кутногорского района добычи с 1260-х гг., отмечая при этом скоротечность возникновения здешнего горного промысла и хаотичность возникновения городской застройки и жилищ горняков¹³.

Стремительность, с которой возводилась Кутна Гора, обусловила тот факт, что город был лишен какого-либо целенаправленного урбанистического планирования, и его топографическая структура отвечала исключительно тем задачам, которые ставила бурно развивающаяся добыча драгоценного металла. Отечественные исследования по истории Чехии условно датируют возникновение этого серебродобывающего центра рубежом XIII–XIV веков¹⁴. На данном этапе чешские короли проявляли живой интерес к кутногорскому центру добычи. Следует при этом отметить, что не только чешских государей манил блеск звонкого метал-

ла. Хроника Петра Житавского рассказывает об интереснейшем эпизоде политической истории Священной Римской империи – споре чешского короля Вацлава с «королем римским» Альбрехтом за право обладания доходами от горного дела и добычи серебра.

Петр сообщает, что Альбрехт затребовал у Вацлава либо 1/10 часть дохода – 80 тыс. марок (к слову, более 1/3 от этой суммы просили венецианцы у крестоносцев за переправу в Святую землю во время Четвёртого крестового похода¹⁵), либо передачу рудников и доходов с них сроком на 6–7 лет¹⁶. Интерес римских императоров сомнений не вызывает – слава о чешском серебре и его количестве в Европе можно сравнить с сокровищницами царя лидийского царя Креза.

Благодаря кутногорскому серебру чешские короли пытались провести монетные реформы, наиболее удачной из которых была реформа Вацлава II (1300 г.). По этой реформе вводился пражский грош, ставший в первой половине XIV в. одной из самых стабильных монет в Европе.

В организации горных разработок в Кутной Горе намечаются определённые новшества, связанные с техническим прогрессом в данной области. Увеличивается глубина добычи, появляются механизмы для откачки грунтовых вод и другие технические приспособления, облегчающие способы добычи самой руды и её дробления и очистки. Об этом говорит даже объём добываемого, который составлял 25 – 30 тыс. кг серебра в год¹⁷.

Таким образом, горный город, вызванный к жизни потребностями развития экономики средневековой Европы и богатствами недр Чехии, повлиял на различные стороны как урбанистической составляющей чешского государства XIII–XIV вв., так и на внешнеполитическую, социально-экономическую и культурную компоненты его развития. Горные города играли значительную роль в экономике чешского государства, повлияли на формирование особого явления под названием «горное право», а также на политику чешских королей. Горные города и их богатства позволили сформировать великолепные архитектурные памятники и ансамбли, дошедшие до наших дней.

Время расцвета горных городов приходится на XIII–XIV вв., и дальнейшей исследовательской задачей видится выявление особенностей их возникновения, социальной структуры, отдельных аспектов горнорудной добычи, а также рассмотрение вопроса о влиянии горных городов на положение королевской власти в средневековой Чехии.

Примечания

¹ Общие работы по истории Чехии либо не уделяют данному вопросу внимания вовсе, либо касаются его вскользь и обзорно. См., напр.: История Чехии / под ред. В. И. Пичеты. М., 1947. С. 43–48; Краткая история Чехословакии: С древнейших времен до наших дней. М., 1988. С. 43–44.

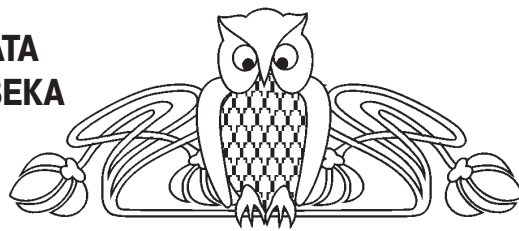
- 2 Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae / ed. C. J. Erben. Pragae, 1855. T. I.
- 3 Zbraslavská kronika / ed. Z. Fiala. Praha, 1976.
- 4 См. последнее издание: Ius regale montanorum aneb právo královské horníkuov. Kutná Hora, 2000. S. 17–84.
- 5 Hoffman F. České město ve středověku. Praha, 1992. S. 115.
- 6 Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. T. I. P. 196.
- 7 Kremláčkov M. Jihlava – poloha, struktura, infrastruktura a obraz města. České Budějovice, 2010. S. 10.
- 8 См.: Hoffman F. Op. cit. S. 115.
- 9 Краткая история Чехословакии. С. 43.
- 10 Там же.
- 11 См. подробнее: Hoffman F. Op. cit.
- 12 Matejková E. Kutná Hora. Praha, 1962. S. 8.
- 13 См. подробнее: Matulova E. Socioekonomická analyza města Jihlavy. Jihlava, 2008.
- 14 Пон И. Искусство Чехии и Моравии. М., 1978. С. 111.
- 15 Заборов М. А. История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977. С. 181.
- 16 Zbraslavská kronika. S. 151.
- 17 Краткая история Чехословакии. С. 43.

УДК 94(411).03

БОРЬБА «СТАРОГО» И «НОВОГО» ПАТРИЦИАТА В ЛОНДОНЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIV ВЕКА

О. В. Яблонская

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета
E-mail: Oyablonskii@yandex.ru

Статья посвящена борьбе «старого» и «нового» патрициата в Лондоне в конце XIV в., когда цеховые мастера, возглавляемые торговцами текстильным товаром, выступили против олигархического режима купцов «продовольственных» гильдий. В 1381–1383 гг. демократическая оппозиция одержала верх, а ее лидер сукно-торговец Джон Нортгемптон – стал мэром столицы. Он проводил социально-экономические и политические реформы в интересах широких слоев населения. «Продовольственные» гильдии, вернув себе власть в 1384 г., предпочли не отказываться полностью от реформ Нортгемптона, а модифицировать их в интересах «старого» и «нового» патрициата. Демократическая оппозиция предпочитала борьбе поиск компромисса.

Ключевые слова: Англия, средневековый Лондон, патрициат, гильдия, Брэмбр, Филпот, Нортгемптон, Уот Тайлер, Эдуард III, Ричард II.

The Struggle of the «Old» and «New» Patricians in London in the Last Quarter of the 14th Century

O. V. Yablonskaya

The article is devoted to the struggle of the «old» and «new» patricians in London at the end of the 14th century. At that time the guild masters, led by the traders of textile goods, opposed the oligarchic merchant regime of victualing guilds. In 1381–1383 the democratic opposition gained the upper hand, and their leader – a draper John Northampton – became mayor of the capital. He organized socio-economic and political reforms in the interests of wide layers of the population. The victualing guilds, returned to power in 1384, chose not to delete Northampton's reform, but to modify it in the interests of both the «old» and «new» patricians. The democratic opposition also preferred to search for a compromise.

Key words: England, medieval London, patrician, guild, Breme, Philpot, Northampton, Wat Tyler, Edward III, Richard II.

Конец XIV в. – один из самых сложных периодов истории средневекового Лондона. Именно в это время ярко проявляются глубокие социаль-

ные конфликты между различными группами городского населения, происходит ожесточенная борьба цеховых мастеров с городской олигархией. Высший подъем этого движения наблюдается в 1381–1383 гг., т. е. в период восстания Уота Тайлера, когда благодаря удачно сложившейся обстановке демократическая оппозиция одержала верх, а ее лидер – торговец сукном (дрэпер) Джон Нортгемптон – стал мэром столицы.

Вопросы внутренней борьбы горожан Лондона конца XIV в. мало изучены в историографии. Нортгемптон, как правило, упоминается лишь в связи с восстанием Уота Тайлера, но идеи городского лидера вызвали не меньший резонанс в лондонском обществе, нежели деятельность крестьянского предводителя¹. Наиболее детально движение Нортгемптона исследовано в работе Р. Бирд², в отечественной историографии социальный аспект жизни лондонцев изучаемого периода разработан Е. В. Кузнецовым³ и А. А. Кирилловой⁴.

До последней четверти XIV в. ведущие позиции в финансовой и политической сферах Лондона принадлежали викалуаллерам, т. е. гильдиям, специализирующимся на продаже продовольственных товаров (victualing guilds). Именно они составляли «старый патрициат» города, в котором выделялись рыботорговцы, бакалейщики и виноторговцы. Отметим, что они также активно занимались экспортом шерсти. В их руках было все столичное управление, они же находились в тесных, главным образом финансовых, отношениях и с королевским двором. Но к 70-м гг. XIV в. у викалуаллеров появились сильные конкуренты – торговцы текстильными товарами и ювелиры. Это был «новый патрициат». Противоборство данных сил и определяло социально-политическую историю Лондона конца XIV в.

До 1376 г. наиболее заметными фигурами городского патрициата были Пэч, рыботорговец, Бэр, скорняк, Лайонс⁵, виноторговец, Стоди, виноторговец, Пайл, мерсер. Они являлись главной опорой герцога Ланкастера в столице. Но появившиеся среди «текстильщиков» богатые купцы не желали мириться с монополиями и привилегиями торговцев продуктами питания. В 1376 г. создается благоприятная обстановка для наступления на «старый патрициат». Дело в том, что в этом году в парламенте разбиралось дело по обвинению высших государственных деятелей, а также Лайонса, Пэча, Бэра в государственной измене и коррупции.

Виноторговца Ричарда Лайонса обвинили в злоупотреблениях при исполнении обязанностей сборщика шерстяной пошлины и членства в королевском совете⁶. В частности, он в нарушение парламентских законов вывозил шерсть помимо Кале, через который она обязательно должна была проходить, облагаясь здесь пошлиной английскими чиновниками. За взятки он помогал и другим купцам таким же путем уклоняться от уплаты законных сборов. К тому же, используя положение откупщика пошлин в Кале, Лайонс повысил без санкции палаты общин таможенные сборы. Уличили его и в ростовщичестве. Стало известно, что он скупал за бесценок старые долги короны у её кредиторов, потерявших всякую надежду вернуть долг, а затем из государственного казначейства получал всю сумму долга. Наживался Лайонс также на махинациях с импортом. Выяснилось, что он скупал у иностранных купцов товар, а затем перепродавал по более высоким ценам. При расследовании обнаружилось, что вместе с ним в махинациях участвовали Латимер и Невиль. Лайонс обратился за помощью к королю и принцу Уэльскому, но безуспешно. Его приговорили к смерти, и лишь благодаря заступничеству Ланкастера казнь заменили вечным заточением. Все его имущество передавалось в казну, в столице он был лишен всех гражданских прав⁷.

Под подозрением в махинациях и в «обмане короля» оказался бывший мэр Кале – Адам Бэр. Он отказался отвечать обвинителям, поэтому источники не дают детального отчета его допроса. А. Бэр, возможно, испугавшись тяжкой участи, покинул страну и сбежал во Фландрию⁸.

Рыботорговцу Джону Пэчу также инкриминировалось использование служебного положения в личных целях. Его осудили за установление монополии на сладкие вина в столице и продажу их по завышенной цене⁹.

И Лайонс, и Пэч пытались переложить ответственность на других. Лайонс признался лишь в противозаконном экспорте шерсти и самовольном обложении, и то с оговоркой, что это производилось по приказу короля и с ведома других торговцев¹⁰. Король и купцы, безусловно, все отрицали. Пэч, в свою очередь, заявил, что цены на вино были установлены с согласия мэра и олдерменов¹¹. Среди тех, кто был связан с ним по

«винному бизнесу», Пэч назвал мэра Дж. Уорда, рикордера У. Холдена, олдерменов Дж. Чичестера, Дж. Пайла, В. Уолворга, Дж. Филпота, Н. Брэмбра, Дж. Фифхайда, А. Стэбла, Дж. Литла, Дж. Хэддла, Б. Фрестинга, Р. Хэтфилда, Дж. Нортгемптона, Н. Твифорда, Дж. Мэринза, коммонера Р. Строуда¹².

Расследования «Доброго парламента» показали, что коррупция из высших эшелонов государственной власти проникла и в столичное управление. Все трое осужденных занимали важные посты в муниципалитете. Вполне возможно, что часть олдерменов, которых назвали осужденные, были также причастны к их махинациям.

Следствием «Доброго парламента» явилась ассамблея в августе того же года представителей муниципалитета и торгово-ремесленных организаций. В результате был изменен метод выборов в Городской совет. Он стал более демократичным и менее зависимым от «продовольственных» купцов. Иным стал принцип избрания олдерменов: во-первых, они стали выбираться ежегодно, во-вторых, запрещалось продлевать полномочия на следующий год. Были смещены с должности те руководители округов, которые обвинялись в парламенте¹³.

В марте 1377 г. «старый патрициат» взял реванш. А. Стэбл был лишен должности, мэром стал Николас Брэмбр. Из 23 олдерменов, выбранных по порядку августовской конституции, 8 принадлежали к рыботорговцам. Из Совета общины в мае были изгнаны сторонники радикальных перемен: дрэпер Эссекс, мерсер Мор, ювелиры Вилларби и Френсис. «Продовольственные» олигархи вновь установили свое господство в экономике и городском управлении, они же играли первые роли в Королевском совете. Но и противники не бездействовали. Благодаря их усилиям в 1378 г. в парламенте был принят статут, предоставлявший иностранным купцам свободу торговли в розницу пищевыми продуктами, кроме вина, и мелкой галантереи («mercerizes» (нитки, головные уборы и т. д.))¹⁴. Тогда же состоялся процесс по обвинению Брэмбра в плохом управлении. Поводом послужило нападение на слуг графа Бекингема. Уплатой штрафа графу обвиняемый уладил дело, за что получил благодарность горожан¹⁵.

Таким образом, несмотря на реванш 1377 г., Пэч, Бэр, Лайонс, Пайл, вынуждены были оставить городскую политику, им на смену пришли новые лидеры – бакалейщики Брэмбр¹⁶ и Филпот, рыботорговец Уолворт. Лидером противостоящей им партии стал торговец сукном Джон Нортгемптон¹⁷.

Новый этап борьбы «старого» и «нового» патрициата начинается летом 1381 г. и связан с восстанием Уота Тайлера. Джон Нортгемптон и его партия смогли использовать ситуацию, сложившуюся в Лондоне после подавления мятежа, в свою пользу. Подтасовывая факты, они возложили всю вину за приход восставших в город

на рыботорговцев. В результате в октябре 1381 г. Джон Нортгемптон стал мэром.

12 марта 1382 г. состоялись новые выборы олдерменов. Состав оказался полярным. В нем выделялись сторонники обеих партий. С одной стороны, были рыботорговцы – Уолворт, Экстон, бакалейщики – Брэмбр, Филпот, Хэддл, с другой – ювелир Бэм, мерсер Мор, вышивальщик Кэрлтон¹⁸.

Нортгемптон попытался избавиться от олдерменов, настроенных к нему враждебно. В августе 1382 г. бакалейщик А. Карлайл за оскорбление иностранных торговцев был отстранен от всех должностных обязанностей с запретом занимать их когда-либо в будущем¹⁹. В этом же месяце в городском совете обсуждалось поведение другого олдермена – рыботорговца Н. Экстона, оскорбившего мэра Дж. Нортгемптона. Несмотря на то что Экстон был назначен слушания дела, на которые Экстон не являлся, но потом он сам отказался от должности²⁰. Вместо Экстона олдерменом Биллингсгейта стал торговец скобяными изделиями Дж. Мэгфилд, протеже Нортгемптона²¹. В октябре 1382 г. Нортгемптон, желая продлить срок службы на следующий год, избавился от одного из самых главных своих противников – бакалейщика Дж. Филпота, сместив его с поста олдермена²².

В соответствии с лозунгом «дешевой пищи» одним из первых актов нового мэра было урегулирование продажи продовольствия. С этой целью вводились фиксированные цены на основные продукты и чеканка фартинга, так как его было мало в городе. В начале 1382 г. была выпущена прокламация о том, как продавать сельдь, масло и конфеты. В соответствии с новыми правилами запрещалось кому-либо скупать рыбу, привозимую из Ярмута, Голландии и других «рыбных» мест для последующей перепродажи в розницу. Устанавливались цены на продовольствие: сельдь не должна была стоить дороже пени за 6 шток; масло из Лиссабона рекомендовалось продавать не дороже 16 пенсов за галлон. Бакалейщики при продаже сладостей должны были пользоваться системами мер и веса, установленных королем²³. Подобные ордонансы принимаются для булочников и пивоваров²⁴. За нарушение принятых постановлений подвергали наказанию²⁵. Внимательно следили за качеством товаров²⁶.

Другим важным направлением политики Нортгемптона была борьба с «дурными» привилегиями церкви и восстановление «строгой простоты старинной лондонской жизни». Весной 1382 г. в интересах бедняков была введена низкая плата за выполнение религиозных ритуалов, совершаемых духовенством²⁷. Нортгемптон не ставил цель нарушить церковную юрисдикцию, он был глубоко верующим человеком. Борясь с церковными правилами, он хотел лишь удовлетворить требования бедноты, проявляя тем самым сострадание и желание привлечь их на свою сторону. Богатые

платили слишком много за требы, и остальные вынуждены были следовать их примеру.

Нортгемптон вникал во все городские дела. Так, он возглавил толпу, которая направилась в Саутварк и разгромила там публичные дома, владельцем которых был Уолворт и епископ Винчестера²⁸. А в феврале 1382 г. по его рекомендации принимается ордонанс, обязывавший городских проституток носить красные головные уборы и запрещавший носить меха и украшения²⁹. Летом 1382 г. было издано постановление против роскоши в одежде³⁰. Нортгемптон борется с подлогами, знахарями, гадальщицами, с распространителями ложных сведений о войне во Франции, изобличает мошенников и шулеров. Всех их ждал позорный столб³¹.

Безусловно, такая политика обеспечила Нортгемптону успех. На его стороне были средние и бедные слои населения. Поэтому летом началось более активное наступление на привилегии рыботорговцев. 20 июня 1382 г. принимается ордонанс, запрещавший рыботорговцам скупать рыбу, зерно и другие продукты и перепродавать их в розницу³². Иностранцы, которые привозили рыбу, должны были теперь продавать ее с их лодок в Корнхилле или Вестчипе. Городским торговцам разрешалось торговать такой рыбой только два часа³³. Запрещалось вступать в партнерство с иностранцами, привозящими рыбу и другие продукты, так как раньше рыботорговцы договаривались с иностранцами, и те продавали им рыбу на побережье и в предместьях Лондона³⁴. Нортгемптону в течение нескольких месяцев пришлось наказывать непокорных рыботорговцев, продолжавших продавать рыбу с берега, чтобы поддерживать лондонские цены. Стало известно, что они подкупили бейлифа Саутварка, чтобы тот отсрочил разгрузку рыбы иностранных купцов на южную сторону реки³⁵. Регулировалась также торговля хлебом³⁶.

Эти меры приносили убытки виктуаллерам, и, прежде всего, пострадали рыботорговцы, о чем свидетельствуют их жалобы в парламент. Рыботорговец Н. Экстон апеллировал к самому королю в защиту своей гильдии. Но Нортгемптон отвечал, что он никогда еще не видел город в такой любви и таком согласии, а раньше этого не было из-за их грабительских цен на товары³⁷. Рыботорговцы как только могли выражали недовольство политикой, поощрявшей торговлю иностранцев³⁸.

Для продолжения реформ Нортгемптону требовалось продление срока полномочий на посту мэра. Его намерения были поддержаны в правительстве. 6 октября король отправил два письма в город: одно – шерифу, другое – олдерменам и Совету, в котором рекомендовал избрать на следующий срок службы Нортгемптона³⁹. 28 октября произошла инаугурация мэра Нортгемптона.

В это же время происходили заседания в парламенте, где лондонскими представителями были главные сторонники Нортгемптона – Мор,

Кэрлтон, Эссекс, Норбери. Они смогли провести через парламент статут, по которому рыботорговцам запрещалось иметь судебную власть в городе. Кроме того, статутом иностранцам разрешалась розничная и оптовая торговля в столице, если, конечно, они не принадлежали к враждебной нации, а рыботорговцам, в свою очередь, запрещалось скупать рыбу⁴⁰. Парламентские законы вызвали бурю возмущения среди рыботорговцев. Они говорили, что Нортгемптон «лишил их хлеба». С недовольными расправлялись весьма сурово. Их отправляли в тюрьму за «клевету»⁴¹. Победа «нового патрициата» была полной и возможна лишь потому, что от рыботорговцев отвернулись все, даже бакалейщики, хотя им также была невыгодна свобода торговли иностранцев. Перевыборы Нортгемптона были поддержаны всеми олддерменами, кроме рыботорговцев.

Это была вершина побед Нортгемптона. Но его положение на Олимпе оказалось не прочным. Виктуаллеры готовились к реваншу. В рядах самой партии происходит раскол. Программа «нового» патрициата, заключавшаяся в ослаблении виктуаллеров, была выполнена, и многие отходят от борьбы. Но младшие цехи мечтали о продолжении реформ, и Нортгемптон остался их лидером. Один из руководителей последнего этапа движения, Эск, прямо говорил об антиолигархических чувствах Нортгемптона и его желании защищать бедных: «Богатые люди, которые выступают против его людей, являются врагами всех хороших людей»⁴². Однако в защите интересов низов города стали использоваться далеко не демократические способы. Возможно, это и было одной из главных причин его скорого падения.

Против Нортгемптона зрела оппозиция. Противники были в городском управлении, о чем свидетельствуют обвинения чиновников в саботаже. Все менее послушным становился Совет общины. Поэтому Нортгемптон требует, чтобы от враждебных ему корпораций делегировалось не больше двух членов⁴³. Эта мера не помогла, и тогда Нортгемптон создает Совет из 20 младших цехов, где и обсуждает основные законопроекты, санкционировавшие затем Советом общины⁴⁴. Но ориентация на ремесленников младших цехов не помогла Нортгемптону выиграть на выборах, в октябре 1383 г. мэром стал протезе Королевского совета – Брэмбр. Джон разработал план выступления против Брэмбра, но потерпел поражение. «Городской чесальщик» был схвачен и арестован⁴⁵.

В 1384 г. «старый патрициат», подавив восстание и отправив активных реформаторов в тюрьму, снова оказался у руля городского управления. Виктуаллеры мечтали о восстановлении прежних порядков. Мэром в это время был Николас Брэмбр. Он, в отличие от других могущественных виктуаллеров – У. Уолворта и Дж. Филпота, не пользовался любовью среди сограждан. Его приход к власти был обусловлен только сильной поддержкой со стороны Королев-

ского совета. Герцог Ланкастер, который мог бы предотвратить падение Нортгемптона, предпочитал в это время не вмешиваться в столичные дела и позволил осуществиться планам «старого патрициата». Поставив главой города Брэмбра, Ричард II получил надежную базу в столице. В подтверждение служит финансовый довод. В период пребывания на посту мэра Нортгемптона город не предоставлял королю займы, они были лишь от частных лиц, таких как Филпот, Брэмбр, а в 1383 г., за несколько недель до избрания Брэмбра (22 сентября), Лондон предоставил заем в 4000 ф.⁴⁶ Безусловно, между выборами Брэмбра и займами есть прямая связь⁴⁷.

В обмен на финансовую помощь король подтвердил городские вольности. Помимо прежних политических привилегий, там были статьи, содержащие ограничения свободы торговли иностранцев, в частности, вся торговля вином и другими продовольственными товарами теперь должна была контролироваться мэром и олддерменами⁴⁸. Пользуясь этим правом, Брэмбр постарался урегулировать их в интересах виктуаллеров.

Но, несмотря на поддержку Брэмбра со стороны правительства, его положение не было прочным. Город не успокаивался, и постоянно возникала опасность новых волнений. Заслуживает внимания тот факт, что, оказавшись у власти, Брэмбр не отменил статута, ограничивающего политическую деятельность виктуаллеров. На этом основании гильдии в 1386 г. послали петицию в парламент, заявляя, что рыботорговцы не имеют права занимать должности и даже участвовать в выборах. Имелись в виду выборы Брэмбра и Экстона⁴⁹.

Н. Брэмбр восстановил старый метод избрания в Городской совет – через городские округа. Число посылавшихся представителей зависело от величины округа⁵⁰. Определялось максимальное число членов Совета – 96. Причем рекомендовалось, чтобы от каждой гильдии в Совете было не больше 8 человек. Летом 1384 г. был принят дополнительный ордонанс, регулировавший деятельность Совета: выборы должны проводиться с 12 по 26 марта; срок деятельности коммонеров не ограничивался; заседания должны были проходить один раз в квартал. Для выборов мэра и шерифа действующий мэр с согласия 16 олддерменов организовывал специальную ассамблею, куда вызывались, помимо коммонеров, наиболее влиятельные граждане города⁵¹. Это был дополнительный шанс обеспечить необходимое большинство в собрании и передать пост мэра «нужному» человеку. Брэмбр им воспользовался и обеспечил себе переизбрание в октябре 1384 г. на второй срок⁵². Но восстановление старого метода избрания в городское собрание через округа не означало полной реставрации старых порядков⁵³. До 1376 г. Совет вообще существовал лишь номинально, и большой заслугой Нортгемптона и его партии было то, что они сделали его

подлинным, постоянно действующим органом власти. Внимательное отношение Брэмбра к его комплектованию подтверждает этот вывод. Более того, Брэмбр демонстрирует преемственность политики Нортгемптона, рекомендуя ограничивать число представителей отдельных цехов.

Сохранились списки нескольких цехов 1384–1389 гг.⁵⁴ Их сравнение со списками Советов 1376–1384 гг. демонстрируют последствия реформ Нортгемптона. В Советах 1384–1389 гг. нет представителей только 7 корпораций, которые участвовали раньше, – изготовителей кож, медников, шорных кузнецов, булавочников, изготовителей изделий из рога, шпорников, точильщиков проволоки. В то же время в Совет получили доступ другие младшие цехи, которые раньше никогда не были представлены. Во-первых, Совет пополнился мелкими торговцами продовольствием – торговцами зерном, торговцами пирогами, торговцами солодом, содержателями постоялых дворов, торговцами мясом домашней птицы, торговцами фруктами. Они зависели от оптовиков-вектуаллеров, поэтому поддерживали их. Во-вторых, довольно широким стало представительство торговцев шерстью (5–9 членов), которые зависели от стэплеров. Появились и представители таких незначительных «непродовольственных» цехов, как веревочники, изготовители колоколов, изготовители ножен, гончары, брадобреи. И так, в списках Советов 1384–1389 гг. вектуаллеры по-прежнему оказывались в меньшинстве.

Однако следует отметить, что, когда обсуждались важные проблемы, то Советы комплектовались не столько за счет выбранных коммонеров, сколько дополнительными «почтенными» горожанами. При этом нарушались и ограничения общего количества Совета, и отдельных цехов. Так, в Совете 31 августа 1384 г., на котором решили просить короля наказать Нортгемптона, были как избранные округами представители, так и другие «значительные» граждане, назначенные мэром и олдерменами. Всего было 233 человека от 50 цехов, из них 80 были от 13 «продовольственных» цехов и 153 – от остальных, причем бакалейщиков представляли 21 человек, скорняков – 19, рыботорговцев, сукноторговцев, мерсеров – по 17, виноторговцев – 16, ювелиров и портных – по 12⁵⁵. В марте 1386 г., когда постановили, чтобы Нортгемптон, Мор, Норбери не приближались к городу ближе, чем на 40 миль, было 163 члена, в том числе 19 бакалейщиков, 14 рыботорговцев, 10 сукноторговцев, 10 скорняков, 10 мерсеров, 9 виноторговцев, 9 ювелиров⁵⁶. 31 августа 1388 г., когда выбирали членов парламента, в Совете был 181 человек: сукноторговцев – 20, бакалейщиков, скорняков – по 16, рыботорговцев – 11, мерсеров, ювелиров – по 9⁵⁷.

Следует обратить внимание, что в Советах, решавших судьбу Нортгемптона, присутствовали и те цехи, интересы которых он отстаивал. В их числе были и бывшие его близкие товарищи. Они

вместе со всеми голосовали за его наказание. В лондонских документах не содержится сведений о том, что кто-то выступил в защиту Джона. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, сказывалось влияние подавляющего числа «приглашенных» представителей. Во-вторых, многие были недовольны поведением Нортгемптона в последний год его власти и не желали возвращения к той политике. В-третьих, соглашательское поведение Советов объясняется стремлением сохранить уже достигнутые результаты. Брэмбр имел сильную поддержку в лице короля, поэтому совет должен был ему подчиняться. В-четвертых, было очевидно, что Брэмбр стремился к компромиссу. Умело используя высший орган городской власти в личных целях, он проводил осторожную политику в отношении Советов, не изгонял оттуда даже потенциальных врагов, предпочитая иные способы получения нужного ему большинства голосов. А бывшие соратники Нортгемптона, в свою очередь, не хотели ему противоречить. В-пятых, все боялись, что продолжение беспорядков вообще может привести к потере городом его права на самоуправление.

«Старый патрициат» реставрировал и Суд олдерменов. Здесь также Брэмбр стремился достичь компромисса. В феврале 1384 г. было принято постановление, подтверждающее обязательность ежегодных выборов окружных начальников. Но при этом оговаривалось, что если граждане пожелают, они могут выбрать своим руководителем одного из олдерменов прошлого года. Таким образом, отменялась обязательность истечения годового интервала между магистратурами⁵⁸.

Все 23 олдермена, что были выбраны в следующем месяце, служили ранее в этой должности, причем 8 из них выбирались при Нортгемптоне в 1383 г. Среди олдерменов было 9 бакалейщиков, 2 рыботорговца, 2 виноторговца, 4 мерсера, 3 ювелира, 1 сукноторговец, 1 скорняк, 1 свечник⁵⁹, т. е. большинство мест оказалось у вектуаллеров. На следующий год уже 17 олдерменов продлили свою службу, в 1386 г. – 20, а в марте 1387 г. все олдермены состава прошлого года были выбраны на следующий срок⁶⁰. Эта тенденция сохранялась до 1394 г., когда ежегодные выборы олдерменов вообще были прекращены. В акте парламента говорилось, что олдермены должны оставаться в должности столько времени, сколько необходимо⁶¹. Только 1 олдермен, выбранный в 1394 г., никогда раньше не служил⁶². В результате олдермены стали служить непрерывно, как это было до 1376 г. Наиболее значительные округа оказались на много лет в подчинении определенных гильдий или людей⁶³.

В 1385 г. пост мэра занял рыботорговец Н. Экстон. Он также зарекомендовал себя как один из главных защитников привилегий вектуаллеров и противник политики Нортгемптона. В августе 1382 г. он был лишен должности олдермена за противостояние Нортгемптону и был вынужден на время покинуть город⁶⁴. Экстон, как только стал

главой города, тут же поспешил уничтожить все следы популярной деятельности Нортгемптона.

12 марта 1387 г. по предписанию мэра, олдерменов и городского совета, сформированного из представителей округов и почтенных граждан города, была сожжена «Юбилейная книга», «из-за которой велись споры и часто были раздоры среди граждан»⁶⁵, так как в ней были записаны законы, ограничивающие власть виктуаллеров, в первую очередь рыботорговцев⁶⁶. Однако это вызвало новый всплеск народного возмущения. Сапожники отправили петицию в парламент. Они жаловались на Экстона и Брэмбра, незаконно занимавших должности, что те «без согласия городского Совета» сожгли «Юбилейную книгу», в которой были собраны «лучшие обычаи города»⁶⁷.

1387-й стал последним годом господства «старого патрициата». Их лидер Н. Брэмбр падет жертвой конфликта короля с лордами-апеллянтами. Он был казнен 20 февраля⁶⁸. Таким образом, к 1388 г. с политической сцены ушло еще одно поколение «старого патрициата». Экстон оставил пост мэра, У. Уолворт умер за несколько лет до этого⁶⁹, Дж. Филпота не стало в июле 1389 г.⁷⁰

Мэром в 1388 г. был выбран ювелир Николас Твайфорд. Город накануне получил послание короля с требованием обеспечить мирные выборы надежного мэра. В свое время Твайфорд выступал на стороне Нортгемптона, но, придя к власти, он не стал реставрировать порядки, за которые боролся в 1376–1383 гг. В 1388 г. он уже не желал демократизации городской конституции, он оказался к этому времени в одной группе с олигархами. Более того, Твайфорд пошел дальше Брэмбра в укреплении олигархического режима, что проявилось в его модификации городского Совета.

Избирательной единицей оставался округ, но теперь будущие представители Совета выбирались лишь в присутствии 12 олдерменов и мэра, что обеспечивало полную лояльность всех его членов. Другое постановление Твайфорда касалось выборов мэра и гласило, что мэр не должен служить более одного года и переизбираться на этот пост раньше чем через пять лет. Р. Бирд полагает, что и этот акт принимался не в интересах демократических слоев, а был обусловлен личной конкуренцией олигархов, и подтверждает это следующими фактами: за 23 года, предшествующих 1388 г. (1365–1388 гг.), было 17 мэров от 7 гильдий (ювелиров, рыботорговцев, бакалейщиков, сукноторговцев, мерсеров, виноторговцев и торговцев скобяными изделиями), а за последующие 23 года (1388–1410 гг.) – 15 мэров от 6 корпораций (ювелиров, рыботорговцев, бакалейщиков, сукноторговцев, мерсеров, скорняков)⁷¹. Но прослеживается одна деталь: если в первый период было 7 мэров-рыботорговцев, то в последующий – только 1 рыботорговец, что же касается их главных союзников – бакалейщиков, то они серьезно не пострадали от этих пертурбаций: в первый период их было 7, во второй – 6.

Итак, в последней четверти XIV в. Лондон испытывал поистине революционные потрясения, когда цеховая демократия боролась с олигархическим режимом виктуаллеров, составлявших «старый патрициат» города. Лидерами оппозиции были мастера цехов, специализирующихся на торговле текстильным товаром. В 1381–1383 гг. «новый патрициат», возглавляемый торговцем сукном Дж. Нортгемптоном, благодаря удачно сложившейся обстановке одержал верх, а ее лидер стал мэром города. Уничтожаются экономические и политические привилегии виктуаллеров, проводится серия реформ в интересах средних и бедных слоев населения. В 1383 г. «старому патрициату» удалось усмирить «городского чесальщика». Осознавая непрочность своего положения, виктуаллеры не уничтожали реформ, проводимых в предшествующий период, а лишь модифицировали их, приспособив к собственным интересам. В свою очередь, «новый патрициат», пришедший к власти в 1388 г., отказал от радикализма Нортгемптона. Он предпочел установить мирные отношения с недавними врагами – рыботорговцами и бакалейщиками – и продолжить на компромиссных началах укреплять олигархический режим.

Примечания

- ¹ В 1391 г. было принято специальное городское постановление, которое с целью предотвращения дальнейших волнений запрещало высказывать мнение по поводу идей Брэмбра и Нортгемптона (Memorials of London and London Life in the XIII, XIV and XV Centuries / ed. H. Th. Riley. L., 1868. P. 526–527).
- ² Bird R. The Turbulent London of Richard II. L., 1949.
- ³ Кузнецов Е. В. Борьба цехов и купеческой олигархии в Лондоне 70–80-х гг. XIV в. // Ученые записки. Вып. 88, ч. 2. Горький, 1968; Он же. О некоторых формах классовой борьбы в английских феодальных городах с кон. XIV, XV, нач. XVI вв. // Ученые записки. Вып. 88, ч. 2. Горький, 1968.
- ⁴ Кириллова А. А. Классовая борьба в городах восточной Англии в XIV в. // Вопросы социальной и классовой борьбы в английских городах XIV–XVII вв. М., 1969.
- ⁵ Лайонс происходил из Фландрии. О его фамильных связях в Лондоне нет никаких сведений. Жил очень пышно, но в столице не пользовался популярностью. Был фаворитом лорда Латимера (Thrupp S. The Merchant Class of Medieval London. 1300–1500. N. Y., 1962. P. 76–77). Впервые важные должности в столичном муниципалитете (шерифа и олдермена) он получил в 1374 г. (Calendar of Letter-Books / ed. R. Sharpe. L., 1903. P. 342; Chronicle of London from 1089–1483. L., 1827. P. 71). Есть данные, что еще в 1364 г. у него были финансовые отношения с А. Перрерс (Bird R. Op. cit. P. 29). Он погиб в 1381 г. во время восстания Уота Тайлера (Memorials of London... P. 450).
- ⁶ Chronicon Angliae 1328–1388. Auctore Monacho quodam Sancti Albani / ed E. M. Thompson. L., 1874. P. 76–81; Rotuli Parliamentorum. Vols. II, III. L., 1835. Vol. II. P. 323.

- ⁷ Calendar of Letter-Books. P. 38.
- ⁸ Chronicon Angliae... P. 93–94; *Bird R.* Op. cit. P. 20.
- ⁹ Rotuli Parliamentorum. II, P. 330.
- ¹⁰ В пользу этого говорит тот факт, что Лайонс, как только сложилась опасная обстановка, обратился за помощью к королю и принцу Ульскому. Но те отказались его поддерживать (*Chronicon Angliae*... P. 79).
- ¹¹ *Bird R.* Op. cit. P. 21.
- ¹² Calendar of Letter-Books. P. 40.
- ¹³ *Ibid.* P. 36–39.
- ¹⁴ *Bird R.* Op. cit. P. 38.
- ¹⁵ Memorials of London... P. 424, 427, 428.
- ¹⁶ Н. Брэмбр вошел в городской патрициат, женившись на Айдонии, старшей дочери очень влиятельного и богатого винооторговца Д. Стоди. После его смерти большая часть имущества перешла дочери и Брэмбру (*Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting in London (1258–1688)*, Part I–II / ed. R. Sharpe. L., 1899. P. 192). Он был в тесных финансовых и матримониальных связях с другими значительными grosерами – Филпотом, Вэннером, также получившими наследство Стоди. Но еще до кончины тестя Брэмбр владел собственностью в Винтри, где у него был роскошный особняк. Затем он приобрел недвижимую собственность более чем в 10 приходах. Рента составляла 60 ф. в год. С 1385 по 1388 г. Брэмбр стоял во главе стэпла в Вестминстере и арендовал там дом (*Bird R.* Op. cit. P. 4–5). У него были многочисленные склады с товарами. Он торговал специями, вином, железом, шерстью. В экспорте шерсти Брэмбр он вел торговые дела во Фландрии, Италии, Испании, Португалии. До 1376 г. Брэмбр был в тесных отношениях с Джоном Гонтом и являлся его опорой в столице, но после смерти Эдуарда III встал в оппозицию герцогу Ланкастерскому и состоял в Совете при Ричарде II.
- ¹⁷ Противник Брэмбра в источниках называется двумя фамилиями – Нортгемптон и Комбертон. Вторая происходит от английского слова «comber», то есть чесальщик, что дало основание Стоу назвать его «лондонским чесальщиком», который заставил весь город «чесаться от мятежного зуда» (*Stow J. Annales of England*. L., 1601. P. 474). Дж. Нортгемптон был дважды женат. О его первой жене – Джоанне – сведений нет. Второй раз брак был заключен с богатой вдовой Петронелией, дочерью Джона де Престона и Маргариты Констэнтин. Этот брачный союз принес Джону большое богатство. Основные владения Нортгемптона были в Лондоне. В 1384 г. у него было 90 участков земли. Ему принадлежали товарные склады и лавки в приходе Марии ле Боу, в Кордауйнерстрит, значительная часть его имущества располагалась в Доугейте (*Unwin G. The Gilds and Companies of London*. L., 1911. P. 132). В 1375–1377 гг. Джон был олддерменом в Кордауйнерстрит, в 1381–1382 гг. – в Доугейте (*Memorials of London*... P. 400, 445).
- ¹⁸ Бэр, Мор и Кэрлтон имеются в списках главных участников мятежей февраля 1384 г. (*Coram Rege Roll // Bird R.* Op. cit. P. 235–237). В этот год они впервые получили должность олддерменов, безусловно, благодаря поддержке Нортгемптона.
- ¹⁹ Memorials of London... P. 468–469.
- ²⁰ Calendar of Letter-Books. P. 154.
- ²¹ *Beaven A. P.* The Aldermen of the City of London : in 2 vol. Vol. I. L., 1908. P. 16–17.
- ²² *Sharpe R.* London and Kingdom. A History Derived Mainly from the Archives at Gildhalle in the Custody of the Corporation of the City of London. Vol. I. L., 1894. P. 223.
- ²³ Memorials of London... P. 458.
- ²⁴ Calendar of Letter-Books. P. 183.
- ²⁵ Так, например, 10 августа рыботорговца Т. Велфорда за то, что он продал 5 селедок за пенни, принудили распродать оставшийся товар в два раза дешевле, то есть за пенни 10 селедок (*Memorials of London*... P. 467).
- ²⁶ В мае 1382 г. один повар с Брэдстрит заплатил штраф и был поставлен к позорному столбу за продажу испорченной рыбы; купившим товар возместили убытки, а рыба была сожжена (*Calendar of Letter-Books*. P. 185 ; *Memorials of London*... P. 464).
- ²⁷ Memorials of London... P. 463 ; *Calendar of Letter-Books*. P. 183.
- ²⁸ *Тревельян Д. М.* Социальная история Англии. М., 1959. С. 279–280.
- ²⁹ Memorials of London... P. 458.
- ³⁰ *Bird R.* Op. cit. P. 64. Следует отметить, что законы против безнравственности в Лондоне принимались и раньше (*Memorials of London*... P. 267).
- ³¹ Memorials of London... P. 455, 472, 475, 479.
- ³² Calendar of Letter-Books. P. 190–192.
- ³³ *Ibidem.*
- ³⁴ *Ibidem.*
- ³⁵ *Unwin G.* Op. cit. P. 273.
- ³⁶ Calendar of Letter-Books. P. 194.
- ³⁷ *Bird R.* Op. cit. P. 77–78.
- ³⁸ Так, в августе 1382 г. рыботорговец А. Карлайл пришел в Сток, где торговали иностранцы, и стал оскорблять их. За это он был лишен права занимать в городе какие-либо должности (*Memorials of London*... P. 468–469).
- ³⁹ *Sharpe R.* Op. cit. P. 223. Э. Стил полагает, что переизбранию Нортгемптона помог У. де ла Поль (*Steel A. Richard II*. Cambridge, 1941. P. 104).
- ⁴⁰ Rotuli Parliamentorum. III. P. 141–142.
- ⁴¹ Memorials of London ... P. 473–474.
- ⁴² *Bird R.* Op. cit. P. 75.
- ⁴³ *The Peasant's Rising and Lollards, a Collection of unpublished Documents Forming an Appendix to «England in the age Wyclif» / eds. E. Powell, G. M. Trevelian*. L., 1899. P. 27.
- ⁴⁴ *Ibid.* P. 27–29.
- ⁴⁵ 9 февраля король прислал письмо городским властям с приказом отправить Нортгемптона в Крепость Корф (*Calendar of Letter-Books*. P. 229). Началось следствие. В июне городской суд передал дело в Королевский суд. В августе Нортгемптону в отсутствие Ланкастера был вынесен смертный приговор, но затем заменен пожизненным заключением. В августе пожизненный срок сократили до 10 лет. Весной 1386 г. Ланкастер добился освобождения Нортгемптона, но ему запретили при-

- ближаться к Лондону ближе, чем на 80 миль. В апреле 1387 г. лорд Суше пытался получить полное прощение, но мэр Экстон и олдермены отправили оскорбительное письмо лорду с требованием не ходатайствовать за Нортгемптона (Ibid. P. 305–307). В декабре 1391 г. после возвращения Гонга из Испании Нортгемптон, Мор и Норбери получили помилование.
- ⁴⁶ Ibid. P. 218.
- ⁴⁷ Активное финансирование продолжалось в связи с возобновлением войны в мае 1385 г. Уже в июне город дал 5000 ф., а через несколько месяцев Брэмбр лично предоставил 666 ф. В октябре 1385 г. от города корона получила 1000 ф., а в ноябре 1386 г. – 4000 ф. (Bird R. Op. cit. P. 96).
- ⁴⁸ Иностранцам купцам запрещалось продавать вино и другие товары в розницу. На реализацию им отводилось 40 дней (Calendar of Letter-Books. P. 222).
- ⁴⁹ Rotuli Parliamentorum. III. P. 227.
- ⁵⁰ Calendar of Letter-Books. P. 228.
- ⁵¹ Ibid. P. 240–241.
- ⁵² Calendar of Select Pleas and Memoranda Rolls of the City of London (1381–1412) / ed. by A. H. Thomas. Cambridge, 1932. P. 84–91.
- ⁵³ Р. Бирд полагает, что борьба Нортгемптона за реформирование городских Советов не привела к принципиальным последствиям, и новые Советы не были демократичнее тех, что существовали до 1376 г. (Bird R. Op. cit. P. 38, 41).
- ⁵⁴ Calendar of Select Pleas and Memoranda Rolls... P. 53–55, 85–89, 132–133 ; Calendar of Letter-Books. P. 237–240, 280–281, 332–334.
- ⁵⁵ Calendar of Letter-Books. P. 237–244.
- ⁵⁶ Ibid. P. 279–281.
- ⁵⁷ Ibid. P. 331.
- ⁵⁸ Ibid. P. 227–229.
- ⁵⁹ Beaven A. P. Op. cit. P. 399.
- ⁶⁰ Ibidem.
- ⁶¹ Unwin G. Op. cit. P. 153 ; Bird R. Op. cit. P. 33.
- ⁶² Дж. Вэйд, рыботорговец, стал олдерменом Олдгейта 1394–1402 гг. (Beaven A. P. Op. cit. P. 402).
- ⁶³ Так, Т. Велфорд, рыботорговец, с 1384 по 1403 гг., за исключением 1393–1394 гг., был олдерменом в Королевской гавани. Д. Хенде, сукноторговец, с 1379 г. в течение нескольких лет управлял Коундлевиком, а с 1394 г. до 1409 г. он непрерывно служил олдерменом в Уолбруке. После Хенде в 1392–1406 гг. в Коундлевике начальником округа стал другой сукноторговец Вэлкот. Район Винтри, как и прежде, оставался под контролем виноторговцев. В 1389 г. здесь во второй раз стал олдерменом В. Мор, виноторговец, и служил там до дня своей смерти в 1400 г. Биллингсгейт долгое время контролировался рыботорговцами: Н. Экстон был здесь олдерменом в 1382 и в 1385–1392 гг. Кордуайнером в течение 13 лет (1385–1397 гг.) управлял мерсер Фрэнш. В Корнхилле пять раз подряд выбирали олдерменом скорняка Роута (1384–1389), а с 1394 по 1397 г. – бакалейщика А. Карлайла. Чипом с 1388 по 1393 г. управлял ювелир А. Бэм, а затем район на долгое время переходит под контроль бакалейщиков, и в течение 17 лет здесь был олдерменом В. Стэндон (Beaven A. P. Op. cit. P. 392–397).
- ⁶⁴ Calendar of Letter-Books. P. 196.
- ⁶⁵ Memorials of London... P. 494–495.
- ⁶⁶ «Юбилейную книгу» рыботорговцы Горн и Сэйбил пытались сжечь еще в ходе восстания Уота Тайлера.
- ⁶⁷ Rotuli Parliamentorum. III. P. 227.
- ⁶⁸ Knighton's Chronicle. 1337–1396 / ed. by L. U. Martin. Oxford, 1995. P. 498–500.
- ⁶⁹ Calendar of Wills... P. 251.
- ⁷⁰ Ibid. P. 275–276.
- ⁷¹ Bird R. Op. cit. P. 100.

УДК 94(415).05

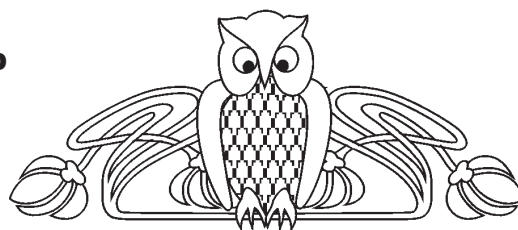
БАРОН И РАЗБОЙНИКИ: ЛОРД ТОМАС ДАКР И ЖИТЕЛИ ТАЙНДЕЙЛА И РИДДЕСДЕЙЛА (1511–1525)

А. А. Бельцер

Самарский институт – высшая школа приватизации и предпринимательства
E-mail: abelhist@yandex.ru

Данная статья посвящена ситуации на англо-шотландском пограничье. На примере политики барона Дакра, генерального стража пограничья по отношению к жителям Тайндейла и Риддесдейла, показаны особенности взаимоотношений Короны, знати и местного дворянства.

Ключевые слова: Дакр, англо-шотландское пограничье, Тайндейл, Риддесдейл, Нортумберленд.

The Baron and the Thieves: Lord Thomas Dacre and the Inhabitants of Tynedale and Riddesdale (1511–1525)

A. A. Beltser

This paper is dedicated to the Anglo-Scottish border in the 1st quarter of the 16th century. Based on the materials of the politics of the baron Dacre, the General Warden of the Marches, the author demonstrates peculiarities of the relations between the Crown, the nobility and local gentry.

Key words: Dacre, Anglo-Scottish border, Tynedale, Riddesdale, Northumberland.

В 1525 г. лорд Томас Дакр, многолетний страж пограничья, причем всех трех марок, был смещен со всех постов. Поводом послужило обвинение в попустительстве действиям разбойников и злоупотреблении должностными полномочиями. Жители Нортумберленда составили длинную петицию, детально перечисляющую все преступления лорда Дакра¹. Большая их часть была связана с неспособностью и нежеланием защитить от разбойных нападений, совершаемых не только и не столько шотландцами, сколько жителями двух пограничных областей – Тайндейла и Риддесдейла. Смещение Дакра часто выделяют в качестве отправной точки в серии реформ, связанных с управлением Севером и другими пограничными землями. С этой точки зрения низложение Томаса Дакра, властителя Севера на протяжении десятилетий, неоднократно привлекало внимание историков². Кто-то видел в нем ключевой момент, кто-то обычную, даже рутинную процедуру. Однако даже в работах, специально посвященных Дакру и приграничью в первые десятилетия правления Генриха VIII, взаимоотношения Томаса Дакра и жителей двух «разбойных» иммунитетов не уделялось особого внимания. Специально они не исследовались.

Цель данной статьи – проанализировать политику лорда Томаса Дакра по отношению к жителям Тайндейла и Риддесдейла.

Тайндейл и Риддесдейл – два иммунитета, расположенных на территории графства Нортумберленд, на границе с Шотландией. Известны они с XI века. Риддесдейл принадлежал семейству Умфравиль, Тайндейл долго был шотландской территорией. Во время англо-шотландских войн XI–XIII вв. иммунитеты оказывались то в составе Англии, то Шотландии и только к концу XIII в. окончательно стали английскими³. С началом шотландских войн за независимость Тайндейл и Риддесдейл оказались в самом центре конфликта. Их владельцы были непосредственно вовлечены в борьбу за независимость Шотландии и даже шотландский трон⁴. Следствием этого стало то, что иммунитеты, как и остальное пограничье, превратились в арену как постоянных набегов и грабежей отдельных мелких групп шотландцев, так и вторжений крупных шотландских армий. В результате социальная организация жителей изменилась – они перешли к клановой системе организации. К концу XV в. появление политического вакуума на севере в результате гибели 4-го графа Нортумберленда и несовершеннолетия его наследника, специфическая демографическая ситуация в иммунитетах привели к тому, что кланы Тайндейла и Риддесдейла превратились в головную боль для английской администрации. Нападая то на шотландские пограничные земли, то на английские (причем часто вместе с шотландцами), жители Тайндейла и Риддесдейла внесли немалый вклад в создание той атмосферы хаоса, которая стала маркером не только английского

пограничья, но и всех северных земель в тюдоровскую эпоху.

Семья Дакр известна как землевладельцы в Камберленде с 1317 г. На протяжении XIV–XV вв. Дакры неоднократно приобретали и теряли владения в разных частях Англии. В разное время они владели землями в Южной Шотландии, захваченной англичанами, в Линкольншире и Ланкашире⁵. В 1458 г. род разделился на две ветви: Дакры Юга и Дакры Севера. Первый лорд Дакр Севера сражался при Таутоне за Ланкастеров. Результатом столь неудачного выбора стала конфискация владений. При втором бароне Дакр владения семьи были постепенно восстановлены. Третий барон Дакр удачно женился на наследнице рода Грейсток, похитив ее из рук Клиффордов, одной и знатных камберлендских семей. Наследство Грейстоков превратило Томаса Дакра в одного из богатейших северных баронов. Владения 3-го лорда Дакр теперь простирались не только в Камберленде, но и в Нортумберленде, Дареме, Йоркшире и Шропшире⁶.

Дакры издавна время от времени занимали посты в пограничной администрации. Так, Хамфри, 2-й лорд Дакр, был стражем Западной марки, губернатором Карлайла при Ричарде III⁷. Генрих VII сначала сделал Томаса Дакра наместником Западной марки, в 1504 г. – стражем все той же Западной марки⁸. Генрих VIII сохранил за ним этот пост. Более того, власть Дакра была распространена и на другие марки. В течение 1511–1525 гг. стражем всех трех марок являлся Томас, 3-й лорд Дакр.

Отношения Дакра и хайлендеров завязались, вполне возможно, в 1494 г., когда барон вошел в состав комиссии, разбирающей дело по нападению на приорат Кэнонби. В этом деле оказались замешаны жители Тайндейла⁹. В 1502 г. Дакр стал наместником Средней марки. Джордж Тайлбойс, лорд иммунитета Риддесдейл, отдал свои владения вместе с замком Харботтл под опеку барона¹⁰. Чуть позже под контроль Дакра попал и Тайндейл. Помимо того что он как страж Средней и Восточной марки отвечал в том числе и за порядок на подконтрольной территории, по некоторым сообщениям барон стал и хранителем Тайндейла, то есть главным должностным лицом на этой территории¹¹.

Управление людьми, особенно людьми вооруженными, в Тюдоровской Англии было невозможно без предоставления им стола, угощения и вознаграждения. Так, в конце 1524 г. Уильям Херон жаловался кардиналу Уолси на денежные сложности, связанных с исполнением должности хранителя Риддесдейла. Херон просил помочь его хаусхолду, ибо без основательного гостеприимства с едой, питьем и кормом для лошадей этими людьми нельзя повелевать¹². Соответственно власть конкретного должностного лица зависела во многом от наличия у него на подвластной территории владений и вассальных связей. У Дакра

с владениями и связями в Восточной и Средней марке как раз были сложности. Центром владений и влияния барона была Западная марка, графство Камберленд, где по его словам, сказанным на закате карьеры, у него «много друзей и родственников». В Нортумберленде земли, принадлежащие Дакрам, не были настолько обширными. Кроме того, они были не очень удобно расположены для предотвращения набегов хайлендеров. География вообще в данном случае играла против стража Средней марки. Горные проходы с северо-запада на юго-восток предоставляли кланам возможности легкого доступа в равнинные Нортумберленд и Дарем. Владения Дакра в Нортумберленде с центром в Морпете находились достаточно далеко от Тайндейла. Зато земли на северо-востоке Камберленда – рядом¹³. Таким образом, в отношениях с клансменами Дакр вынужден был отталкиваться преимущественно от Западной марки.

Одним из традиционных способов предотвращения набегов горцев было установление вассальных связей как с самими кланами и их вождями, так и с теми из числа дворян Нортумберленда, кто их прикрывал. Именно эта политика приносила успех семейству Перси. Графы Нортумберленд обладали обширными владениями в Нортумберленде, в том числе и на территории иммунитетов, огромным числом вассалов, в том числе и из числа горцев. Дакр решил пойти по тому же пути. Обвинения, выдвинутые против барона, включали пункт о покровительстве клану Армстронгов: «Есть некие люди, проживающие на границе, называемые Армстронги, числом три сотни и более, великие разбойники обоих королевств. Лорд Дакр установил такой порядок, что если какое преступление произойдет в Западной марке..., то они должны вернуть награбленное и не понести никакого наказания. В других же местах за любое преступление они не несут никакого наказания и ничего не возмещают»¹⁴. Другой семьей, в покровительстве которой обвиняли Дакра, были Карлтоны.

Главной задачей стража марок была защита границы от шотландских набегов и вторжений и организация ответных действий. Данная деятельность опиралась на помощь населения марок и соседних графств. В случае необходимости страж собирал армию не только из своих людей, но и из числа местной знати и дворянства. В этом вопросе у Дакра тоже были сложности. Барон сравнительно недавно стал землевладельцем в Нортумберленде, влиянием и связями обзавестись не успел. Кроме того, в Нортумберленде продолжали господствовать Перси. Граф Нортумберленд, хотя и не получил официального признания своего влияния в виде должности стража, продолжал оставаться крупнейшим землевладельцем в графстве и обладателем наибольшего числа вассалов. Попытки Дакра расширить как свои владения, так и круг приверженцев в Нортумберленде встретили сопротивление в графстве и не получили поддерж-

ки в Вестминстере. В результате барон оставался в регионе «чужаком» и проблемы с исполнением приказов и набором войска стали его постоянной головной болью. Так, 13 ноября 1513 г. Дакр, докладывая Генриху VIII о проведенном набеге на шотландское пограничье, сообщил о том, что не видит готовности джентльменов региона защищать границу – из тех, за кем он посылал, никто не пришел, включая барона Огла и констебля замка Олнвик. В этом же письме Дакр просил монарха приказать графу Нортумберленду и барону Клиффорду отправлять своих держателей в помощь стражу¹⁵. В 1522 и 1524 гг. Дакр в письмах к Уолси опять жаловался на то, что многие знатные люди не привели к нему свои отряды¹⁶. В этих обстоятельствах барон практически полностью зависел от своих людей из Западной марки.

Горцы были еще одной серьезной военной силой в пограничье. Тайндейл и Риддесдейл могли выставить до пятисот человек каждый. Дакр их в этом качестве активно использовал. Например, в 1515 г. Дакр предлагал королю и Уолси поддерживать лорда Хьюма в борьбе с герцогом Олбани, спровоцировав выступление в его пользу жителей Тайндейла, Риддесдейла и Тевиотдейла. Дакр писал, что лучшая помощь Хьюму – позволить ему воспользоваться поддержкой жителей Тайндейла, Риддесдейла, Бьюкаслдейла и Гилсленда¹⁷. Жители Тайндейла и Риддесдейла во главе с людьми Дакра принимали участие в походах в Шотландию в составе армий под командованием маркиза Дорсета и графа Сарри¹⁸.

Активное использование кланов для нападений на Шотландию преследовало еще одну цель. Как отмечают исследователи, Дакр, натравливая горцев на шотландское пограничье, хотел отвлечь их от рейдов по английским графствам¹⁹. Если такие планы действительно были в наличии у генерального стража, то они потерпели полную неудачу. На протяжении десятилетия с 1513 по 1523 г. шотландское пограничье было подвержено постоянным нападениям англичан. Эти рейды сопровождалась большими разрушениями. В результате Южная Шотландия была сильно разорена. Она не могла удовлетворить жажду добычи горцев. Английские графства были значительно более богаты и давали возможность обогатиться в гораздо большей степени, чем шотландские. Поэтому набеги жителей Тайндейла и Риддесдейла на Нортумберленд, Дарем и Гексам не прекращались. Епископ Карлайла Джон Кайт в 1523 г. писал: «Больше разбоя, больше грабежа от английских разбойников, нежели от всех шотландцев Шотландии. Нет никого, кто мог бы быть спокоен за свой скот или движимое имущество по всему епископству, а также в Нортумберленде и Гексаме... В результате вся округа приходит в запустение²⁰».

Какие же меры мог предпринять и предпринимал Дакр? В первую очередь необходимо было задержать и наказать разбойников. Барону не-

однократно приходилось отчитываться как перед Уолси, так и перед королевскими заместителями о поимке и наказании жителей Тайндейла и Риддесдейла, преступивших закон. 23 декабря 1518 г. Дакр писал Уолси: «Что касается горцев и людей из Риддесдейла, то я арестовал 10 человек из числа наиболее известных и злокозненных вождей и поместил их под охрану в замок Харботтл»²¹. 20 мая 1524 г. Дакр отчитывался о поимке «трех главных капитанов» Тайндейла: Уильяма Карлтона, Томаса Карлтона и Роджера Карлтона²².

Однако мало было поймать преступников, надо было еще и предать их суду. У Дакра было три возможности это сделать. В первую очередь он как страж обязан был проводить суд стража марки. Существовал суд ассиз – периодически в Нортумберленд, который входил в Северный судебный округ, являлись судьи ассиз, назначаемые монархом для разбора наиболее сложных и важных дел. Наконец, третьим судом была квартальная сессия мирового суда. Дакр регулярно входил в состав мировой комиссии в Камберленде и Нортумберленде. Кроме того, в составе мировых судей Камберленда было много его вассалов, да и шериф графства часто был его человек. В Нортумберленде ситуация была сложнее, но, по некоторым данным, Дакру удалось сделать свой замок Морпет местом, где проводились квартальные сессии²³.

Судя по документам, для наказания преступников из Тайндейла и Риддесдейла использовались в первую очередь сессии суда ассиз. 17 августа 1513 г. Дакр писал епископу Дарема Томасу Руталу, что отправил на суд ассиз в Ньюкасл различных преступников, которые и были там казнены²⁴. Точно так же в 1524 г. на августовском заседании суда ассиз в Ньюкасле должны были предстать пойманные в мае Карлтоны²⁵. О возможности судить разбойников на квартальных сессиях и использовать свои полномочия мирового судьи Дакру чаще напоминали из Вестминстера. Подобные указания давал барону, в первую очередь, кардинал Уолси²⁶. Сам Дакр, судя по всему, этой возможностью пользовался не очень охотно. Не случайно среди обвинений выдвинутых против него были и срывы подобных сессий. Еще одним обвинением, связанным с проведением судебных заседаний было обвинение в переквалификации преступления на более мягкое, что позволяло смягчить наказание разбойникам. По заявлениям истцов подобные дела происходили на заседаниях суда в замке Аскартон, одной из резиденций Дакра в Западной марке²⁷.

Кроме наказания преступников очень важно было предупредить подобные правонарушения в будущем. Для достижения этой цели тюдоровские должностные лица (в том числе и Дакр) обычно заставляли приносить клансменов присягу в верности и отказе от грабежей в будущем и брали в качестве гарантии заложников. О том, что жители Риддесдейла появились перед ним, и он удов-

летворен ответом, который они ему дали, Дакр сообщал Сарри в июле 1523 г.²⁸ В начале декабря 1523 г. уже жители Тайндейла принесли присягу верности и пообещали в числе прочего вести себя хорошо по отношению ко всем королевским подданным и помогать королевским должностным лицам в отправлении правосудия²⁹. В начале января следующего года Дакр писал графу Сарри, что заключил соглашение между жителями Тайндейла и Ральфом Фенвиком, хранителем этой области. Это соглашение было закреплено клятвой в верности и теперь в случае ее нарушения не только можно будет арестовать их в любом количестве, но и обвинить в клятвопреступлении, «из-за чего ни они, ни их жены и дети не смогут зайти в любой храм послушать службу, ни получить ничего из того, что приличествует христианину получать от церкви³⁰». В мае 1524 г. Дакр докладывал Уолси, что распространил прокламацию в Тайндейле, приказывающую всем жителям явиться перед ним, дать гарантии хорошего поведения и дать заложников. Такая практика признавалась и поощрялась Уолси. 11 июня 1524 г. кардинал писал Дакру, что он должен взять заложников с остальных частей региона, как с Тайндейла и наказать тех, кто не дает заложников. Таким способом, по мнению Уолси, Дакр, несомненно, приведет эти части к доброму порядку, как и в других частях королевских владений³¹.

Все мероприятия по снижению количества преступлений, совершаемых жителями Тайндейла и Риддесдейла, успеха не имели. К королю и Уолси постоянно шли жалобы на бесчинства горцев и обвинения в адрес Дакра в покрывательстве их преступлений. Король и кардинал в ответ требовали от генерального стража результатов в борьбе с преступностью, писали, что только поимкой наиболее опасных разбойников может он снять с себя подозрения. Но дополнительных средств Дакру не давали, периодически он вообще содержал на свои деньги пограничную администрацию. Найти адекватную замену горцам как военной силе он тоже не смог, да это и, видимо, было в тех условиях невозможно. В результате излишнее рвение в борьбе с жителями Тайндейла и Риддесдейла могло ослабить обороноспособность пограничья, а именно это и было главной заботой Дакра как стража. В результате возникал замкнутый круг: жители Нортумберленда и Дарема по разным причинам служить Дакру не хотели. Барон вместо них вынужден был выстраивать отношения с горцами и более терпимо относиться к их разбойной деятельности. Это, в свою очередь, еще больше раздражало местное дворянство. У меня не сложилось впечатления, что Генрих VIII и Уолси как-то негативно относились к Томасу, барону Дакру. Наоборот, как мне показалось, они ценили его опыт и таланты и, несмотря на поток жалоб, долго не предпринимали каких-то особых мер. Но вечно так продолжаться не могло. Дакр был все-таки смещен. Вот только его преемникам решить

проблему с горцами так и не удалось. Английское пограничье вплоть до Унии 1603 г. продолжало оставаться «диким» местом, населенном «дики-ми» людьми, которых еще надо было привести к «цивилизации».

Примечания

- ¹ Articles of Accusation preferred against Lord Dacre, Warden of the East and Middle Marches between England and Scotland, by the inhabitants of Northumberland // Hodgson J. History of Northumberland. Newcastle, 1828. Vol. III (i). P. 31–40.
- ² Reid R. King's Council of the North. L., 1921; Ellis S. G. A Border baron and the Tudor State: The rise and fall of lord Dacre of the North // Historical journal. 1992. Vol. 35, № 2; Idem. Frontiers and Power in the Early Tudor State // History Today. April, 1995; Idem. Tudor Frontiers and Noble Power: The Making of British State. Oxford, 1995; Ety C. Tudor Revolution? Royal Control of the Anglo-Scottish Border, 1483–1530. Unpublished PhD thesis. Durham, 2006.
- ³ Robson R. The Rise and Fall of the English Highland clans. Tudor response to a Mediaeval Problem. Edinburgh, 1989. P. 2–7.
- ⁴ Ibid. P. 22–29.
- ⁵ Ellis S. G. A Border baron and the Tudor State... P. 258; Idem. Tudor Frontiers and Noble Power. P. 81.
- ⁶ Ibid. P. 84.
- ⁷ Ety C. «Noo man indented for the keeping of the Borders»: Royal Administration of the Marches, 1483–1509 // England and Scotland at War, 1296–1513. Leiden, 2012. P. 329–330.
- ⁸ Ibid. P. 340.

- ⁹ Ety C. Neighbours from Hell? Living with Tynedale and Redesdale, 1489–1547 // Liberties and Identities in Medieval British Isles / ed. by M. Prestwick. L., 2008. P. 122.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Letters & papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England. 21 vols. L., 1862–1921. Vol. 4 (I). № 731 (далее – LP).
- ¹³ Ellis S. G. Tudor Frontiers and Noble Power... P. 153.
- ¹⁴ Articles of Accusation... P. 34.
- ¹⁵ Original letters illustrative English History / ed. by H. Ellis. 1st series. 3 vols. L., 1825. Vol. 1. P. 96.
- ¹⁶ LP 3(II) № 2536, 4(I) № 278.
- ¹⁷ LP 2(1) № 850.
- ¹⁸ LP3(II) № 2955, 2960.
- ¹⁹ Ellis S. G. A Border baron and the Tudor State... P. 265–266; Idem. Tudor Frontiers and Noble Power... P. 153.
- ²⁰ LP 3(II) № 2328.
- ²¹ Charleton E. Memorials of North Tynedale and its Four Surnames. Newcastle, 1871. P. 37.
- ²² LP 4(I) № 346.
- ²³ Ety C. Neighbours from Hell? Living with Tynedale and Redesdale, 1489–1547... P. 128.
- ²⁴ LP 1 № 4403.
- ²⁵ LP 4 (I) № 482.
- ²⁶ Charleton E. Memorials... P. 44.
- ²⁷ Articles of Accusation... P. 34–35.
- ²⁸ LP 3 (II) № 3173.
- ²⁹ LP 3 (II) № 3598.
- ³⁰ LP 4 (I) № 10.
- ³¹ LP 4 (I) № 405.

УДК 946.06/08

ИСПАНСКИЙ ЖЕНСКИЙ СПРАВОЧНИК XVI ВЕКА

М. В. Третьякова

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета
E-mail: marinatretyakova@mail.ru

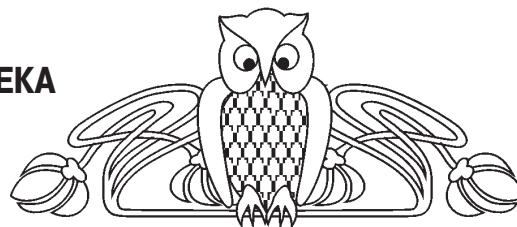
В статье рассматривается справочник для женщин, вышедший в Испании в XVI в. Справочник содержит 145 рецептов по косметике, медицине, кулинарии. Автор приходит к выводу о том, что данный справочник предназначался для дам из состоятельных слоев населения Испании, помогая им овладеть азами составления косметических и медицинских средств.

Ключевые слова: Испания, XVI век, женский справочник, косметика, медицина.

Spanish Women's Manual of the 16th Century

M. V. Tretyakova

The article deals with the Women's Manual published in the 16th century in Spain. The Manual contains 145 recipes. The author of the article thinks that this receptary was intended for rich Spanish women

and helped them to become proficient in the basics of cosmetology and medicine.

Key words: Spain, 16th century, Women's Manual, cosmetology, medicine.

Внешности, особенно женской, в Средние века придавали немаловажное значение¹. Можно вспомнить пропагандируемый средневековой беллетристикой эталон женской красоты – белая кожа, черные брови, алые пухлые губы, голубые глаза, белокурые волосы, тонкая талия, длинные ноги, маленькие руки, высокая грудь и т. д.² Поэтому неудивительно, что дамы разных сословий стремились быть красивыми, чтобы произвести неизгладимое впечатление на лиц противоположного пола. Причем часто прибегая для этого

к ухищрениям, крайне вредным для здоровья, и периодически подвергаясь осуждению со стороны государства (т.н. сумтуарные законы), церкви, общества.

Наше внимание привлекло испанское руководство для женщин анонимного автора XVI века³. Возможно, и в других странах есть подобные сборники советов для женщин⁴. Попробуем выяснить, что предлагалось дамам в этом сборнике и что значит, с точки зрения автора, видимо, мужчины, быть красивой, что полезно знать дамам.

Испанский анонимный справочник для дам состоит в общей сложности из 145 рецептов⁵. Условно рецепты делятся на 4 группы, 1-я группа – это косметические рецепты (их 87), 2-я группа – медицинские средства (26 рецептов), 3-я группа – кулинарные рецепты (29 рецептов)⁶, 4-я – разное (3 рецепта). Если говорить более конкретно, то из этого числа гигиене лица посвящено 25 рецептов; уходу за руками – 10; 2 рецепта – и для лица и для рук; уходу за зубами – 6, полости рта – 3; средствам для глаз – 3; уходу за волосами – 10, из них 3 – советы как убрать волосы; рецептов от разной боли и недугов – 24, из них зубной боли и десен – 5; различным благовониям и ароматизаторам – 30; 3 рецепта можно обозначить как разное, или как советы по бытовой химии – первый содержит совет о веществе – битуме для склейки стекла, второй – о краске, которая может окрасить ток монахинь в светло-коричневый цвет; третий – средство от удаления пятен с ткани.

Как видим, автор женского справочника большое внимание уделял красоте лица, его отбеливанию, увлажнению, убиранию с него пятен. Среди предлагаемых средств достойно упоминания снадобье, которым советовали пользоваться во время путешествия, причем его также можно было наносить на ночь и утром смывать водой⁷. В его состав входили овес, очищенные косточки персика, сахар, благовония, масло неочищенного винного камня⁸. С научной точки зрения входящие в его состав компоненты действительно способствовали защите кожи от обезвоживания и помогали ее увлажнению в жарком климате.

Автор также предлагал некую желто-зеленую мазь, состоявшую из тинкаля, камфоры, белого коралла, крахмала, белой смолы кустарниковой полыни⁹, селитры, алебаstra, серпентина¹⁰, свинцовых белил, жира свиньи, жира яичников курицы, жира козы или овцы. По его мнению, она была хороша для отбеливания лица и его освежения, это же средство можно было использовать для избавления от розовых точек и неподтвержденной проказы¹¹. Но, анализируя состав данного рецепта, следует отметить, что средство достаточно сложное по составу и включает опасные ингредиенты, например, свинцовые белила.

Хотя, как известно, в этот период времени лучшими средствами по отбеливанию лица считались именно свинцовые белила и сулиман.

В сборнике особо следует выделить рецепт по изготовлению сулимана, или сулемы, – главного тренда средневековых красавиц. Считалось, что применение сулимана способно решить все проблемы кожи лица¹². Его делали из ртути, белого хлеба, молока женщины, недавно родившей мальчика, мяса черной курицы, корицы, баранины, воды¹³. Сулиман использовался как современный пилинг. С его помощью удаляли пятна и прыщи, но после него оставались следы и были побочные эффекты в виде конвульсий, черных зубов и болезни десен¹⁴.

В сборнике также были приведены рецепты различных вод и вин с добавлением пряностей¹⁵ и благовоний для умывания лица. В их состав входили мыло, мастика¹⁶, камедь, боракс, сахар¹⁷, смола каламуса¹⁸, вода, мука, козье и коровье молоко, красное и белое вино, черные фиги¹⁹, изюм, сезам, мед, желтки и белки яиц, семена бутылочной тыквы, сулиман, камфора, ярь-медянка²⁰, речная вода, тинкаль, свинцовые белила, хитин каракатицы, мирра, белая и красная фасоль, нут, люпин, сердцевидки, белые семена редиса, сок белого редиса, имбирь, головки и корни белых лилий, дрожжи, мускатный орех, золото, говяжья желчь, сок сладких лимонов, вода от грязного руна, корни арума кукушечного, опийный мак, благовония, трагант, сырые порезанные лапки уток, мясо говяжье, виноград, винегар, корни ариземы драконовой, толченное стекло, экскременты собаки, смола трилистников, камедь кустарниковой полыни, бобы, миндаль, терпентин²¹. Как видим, несмотря на использование, несомненно, полезных компонентов, есть токсичные вещества и вещества-аллергены, которые вредны для организма.

В состав мазей от прыщей входили сладкий лимон, имбирь, горчица, руккола, мед, говяжья желчь, корица, мускатный орех, мацис, гвоздика, стиракс²², копаловое дерево²³.

Кремы для лица делали из горячей воды, мирры²⁴, буры, несоленого свиного жира, розовой воды, яблока, гвоздики, масла сладкого и горького миндаля, персикового масла, растительного масла, опиума, белого воска, жира козленка, сулимана, мозгов благородного оленя, жира цапли, масла мате²⁵, терпентина, семян тыквы и их масла, мозгов овцы, тинкаля, камфоры, коралла, гипса, крахмала, белой смолы кустарниковой полыни, селитры, алебаstra, серпентина, свинцовых белил, жира свиньи, жира яичников курицы, жира козы или овцы, корней ариземы драконовой, семян опийного мака²⁶. Большая часть перечисленных компонентов обладает ценными и полезными свойствами, приносящими положительный эффект, но есть и некоторые, которые либо совсем бесполезны, либо опасны для здоровья.

Правда, избавиться от веснушек с помощью смеси, приготовленной по рецепту «как убрать веснушки с лица»²⁷, представляется весьма проблематичным, так как мало веществ, которые обладали бы отбеливающими свойствами.

Невозможно было и освежить лицо по рецепту, предназначенному для освежения лица²⁸, главным составляющим которого была сода, потому что сода обладает обезвоживающим и гидролизирующим действием, особенно для жирной кожи. Но, может быть, автор как раз и хотел предложить убрать жирный блеск.

Еще одна группа рецептов была посвящена тому, как приготовить средства для гигиены полости рта, и особенно зубов. По мнению автора, именно эти препараты и полоскания помогут сохранить зубы здоровыми.

В состав этих полосканий входили камедь, мастика, смола каламуса, шалфей, квасцы, горный окопник, коралл, галангал, корица, гвоздика, жженые косточки фиников, цветы дикого граната, пемза, трагантовая камедь²⁹, белое и красное вино, розмарин, кустарниковая полынь, листья и сок подорожника, вода из подорожника, мирра, розовая вода, винегар, листья оливы, кипрское яблоко, пережженный добела рог благородного оленя, морская соль, сало³⁰. Многие из этих компонентов бесполезны, но большинство из них являются антисептиками, обладают ранозаживляющим действием и до сих пор применяются в стоматологии.

В состав порошков для чистки зубов входили алебастр, порцеллан, сахар, коралл, корица, жемчуг, мускус, сердцевидки, водоросли, морская пенка. Отметим, что большинство этих веществ в настоящее время входит в состав современных зубных паст. Автор сборника рекомендовал после чистки зубов ополаскивать рот теплым белым вином, которое, как известно, обладает антисептическим и антибактериальным действием. Кроме того, нужно было протирать зубы и десны тканью³¹.

Анонимный автор сборника привел рецепты средств для глаз, представлявших собой порошки, которые могли осушать слезы и обладали эффектом улучшения зрения. В состав этих рецептов входили обожженные раковины, жемчуг, крахмал, алкоголь, розовая вода, очанка лекарственная³², камфора, сахар, обожженный нефрит, *atutia*³³, миробалан³⁴, ящерица³⁵. Действительно, многие ингредиенты помогают убрать излишнюю слезливость, воспаление слезных мешков. Составитель сборника пишет, что порошком нужно было пользоваться курсом – два раза в день, утром за 2 часа до еды и вечером за 2 часа до ужина³⁶.

Кроме того, в сборнике есть совет, как подкрашивать (чернить) глаза. Для этого нужно было оксид цинка и другие компоненты, входившие в состав *atutia*, пережечь в тигеле 9 раз, погасить в розовой воде, размолоть, процедить через густое сито³⁷, получившимся порошком следовало подвести глаза. Здесь сложно определить назначение этого средства, с одной стороны, его можно рассматривать как декоративно-косметическое, с другой стороны, можно и как лечебное, считая, что полоска этого вещества на веке могла выполнять и защитную функцию.

Для ухода за руками автор испанского рецептария предлагал способы изготовления различных мазей, увлажнителей, жирных кремов (масел) и т. п. В состав средств для рук входили семена тыквы, дыни, редиса, кипрское и валенсийское мыло, мед, жир козленка, розовая вода, мастиковое дерево, терпентин, камедь, пена воска, апельсин, белое вино, черные фиги, перья черной курицы, белые экскременты собаки, коровья желчь, сок лилии, винегар, мозги овец, сок лимона, винный камень, масло миндальное и опиного мака³⁸.

Есть рецепт отшелушивающего средства для рук, для него брали хорошо очищенные отруби, французское мыло, мед. Мази для рук советовали наносить на ночь и не мыть их³⁹. В одном рецепте на намазанные средством из сока корней лилии кардинальской, французского мыла, свежего несоленого сливочного масла руки рекомендовали надевать перчатки, эту мазь следовало наносить дважды в день, 1 раз утром и 1 раз вечером в течение 15 дней⁴⁰.

Некоторая толика рецептов отведена уходу за волосами – чем мыть, чтобы они росли быстрее, были красивыми и хорошо пахли; есть рецепт, как стать блондинкой; есть рецепты, как убрать волосы там, где их быть не должно. Мыли волосы с мылом или щелоком⁴¹. Волосы следовало расчесывать маслом сезама и специальными средствами для расчесывания волос из жира, бекона, щелока, морской грязи, льняного семени, барбариса, камеди ротанговой пальмы, сафлора, кумина, ящериц, лимона. С современной точки зрения все ингредиенты вполне приемлемы для бальзамов для волос, за исключением бекона и ящериц. Укажем, что ящерица в Средневековье считалась средством укрепления волос⁴².

Полагаем, что состав рецепта «как стать блондинкой» мог позволить даме превратиться в светловолосую красавицу, поскольку в осветляющую смесь входили золы виноградной лозы, ильма, осадков белого вина, дождевая вода, щелок, солодка, французское мыло⁴³. Кроме того, автор советовал, чтобы волосы хорошо росли, в эти золы – виноградной лозы, осадков белого вина, ильма – нужно было добавить золу корней плюща⁴⁴. Правда, другой его совет, расчесывать волосы с жиром грифа на солнце⁴⁵, никак не мог способствовать росту волос.

Средства избавления от волос действительно могли этому помочь, потому что в их состав входили камедь, медовая паста, терпентин, воск, мастика. Хотя было одно исключение. Рецепт – «лекарство, чтобы предотвратить рост волос», в состав которого входили сок сладкого лимона с взбитыми белками яиц, которые следовало намазать на волосы и посыпать молотым имбирем, скорее был средством, чтобы волосы не были жирными.

Огромное внимание уделялось созданию ароматических палочек, шариков, смесей, которые можно было сжигать, добавлять в воду, в подушки,

и просто ароматных вод, которыми можно было пользоваться. Ароматы могли использовать для окуривания помещения, умащения тела, но чаще все-таки предлагалось ароматические благовония использовать для тела.

Ароматические палочки делали из бензоина⁴⁶, стиракса, амбры, угля ивы, камеди, мускуса, цибета⁴⁷, алоэ, мускусной воды, сахара, трагантовой камеди, розовой воды, черной и белой морской грязи, боры, опийной настойки, желтого сандала⁴⁸, корицы. Причем тесто палочек следовало сушить на солнце или в тени⁴⁹.

Похожий состав был и у ароматических шариков⁵⁰.

В справочнике есть рецепт «шариков ароматических и вселяющих энергию»⁵¹, их делали из настойки опия, стиракса, бензоина, алоэ, желтого сандалового дерева, мускуса, амбры, цибета. Все компоненты содержат эфирные масла, которые тонизируют, опий же является наркотиком. Возможно, именно этот ингредиент и создавал энергетический эффект.

Ароматизированные воды могли быть из роз, клевера, померанца, чтобы получить такую воду, в обычную, не указано какую – из реки, фонтана, или дождевую, добавляли мускус, цветы померанца, роз – белых и красных, клевер и его семена, мирт, амбру, цибет, бутоны/почки лавра, корни лилии, гвоздику, лаванду, камфору, сахар, мед (когда речь шла о масле померанца, чтобы его можно было растворять в воде)⁵². Иногда ароматизированную воду можно было сделать из сочетания нескольких вод – воды цветов померанца, розовой воды, клеверной воды, воды из мирта, воды из дикого шиповника с добавлением благовоний, после того как все составляющие были соединены, воду следовало поставить на солнце на несколько дней, помешивая каждый день⁵³.

В состав ароматических смесей входили те же ингредиенты⁵⁴.

Есть средство, которое автор сборника позиционировал как «прекрасный цибет»⁵⁵, он состоял из амбры, мускуса, масла мускателя, масла специй, французского мускатного ореха, алоэ, и его следовало хранить в золотом или серебряном сосуде. Снадобье, которое в сборнике именуется как «удобные таблетки для духов»⁵⁶, состоявшее из копалового дерева, алоэ, розового сахара, жира, камеди, стиракса, можно расценить с точки зрения современности как афродизиак.

В сборнике приведено несколько рецептов по приготовлению пудр. Для этих средств брали цветы белой лилии, воду померанца, мускусную, розовую, мускус, цибет, листья дуба, порошок каменного дуба, кардинальский ирис, бензоин, стиракс⁵⁷. Такие пудры получались ароматическими и дезинфицирующими за счет компонентов, которые туда входили, например, дуба, благовоний.

Еще одна группа рецептов ароматических средств – это рецепты ароматических масел⁵⁸, которые, чтобы приготовить, нужно было взять

сладкий миндаль, цветы померанца, амбру, мускус, цибет, корни кардинальской лилии, желтый сандал, розовую воду, стиракс. Эти масла вполне могли выполнить функцию общеукрепляющего и тонизирующего средства.

Отдельно можно упомянуть рецепты бальзама⁵⁹, мускусного мыла⁶⁰, подушки из роз⁶¹. Укажем, что бальзам имел хороший состав, насыщенный запах, мыло обладало бактерицидным, антисептическим, противовоспалительным эффектом, подушка же имела приятный запах.

Автор руководства для женщин привел рецепты по приготовлению средств/лекарств – от болезней горла, уха (с использованием урины), от различных болей в боку (колик), от астмы, от чумы, есть три рецепта для рожениц, дал состав мазей от воспалений, рекомендовал различные притирания⁶². В составе этих рецептов есть полезные компоненты, которые используются и в современной медицине. Например, в состав рецепта от кашля входит солодка⁶³, сахар, фенхель, душица. Полезен для больного сердца и куриный отвар, который предлагал давать автор сборника «при слабости сердца»⁶⁴. В этот отвар входили грецкие орехи, корица, гвоздика и имбирь. Другое дело, что некоторые составляющие никакой пользы больному не приносили, например, та же урина, с помощью которой пытались лечить глухоту. А вот сок плюща второго рецепта для больных ушей, мог принести пользу, но использовать его нужно с осторожностью, так как сок плюща ядовит⁶⁵.

Можно привести еще один пример рецептуры «лекарства от астмы»⁶⁶. В соответствии с рекомендациями автора справочника нужно было тушить яйца в кошачьем жире и давать их тому, кто болен астмой, или все, что обычно тушилось на сливочном масле, тушить на этом жире⁶⁷. В народной медицине обычно используют барсучий или бараний жир при этом заболевании.

В средствах от колик применялась мокрица⁶⁸, которая действительно используется для лечения холецистита, цирроза печени, желчнокаменной болезни, т. е. вполне пригодна для снятия колик. Второй же рецепт средства избавления от колик более сомнителен, потому что там ставили клизму с маслом из растертых говяжьих почек с оливковым маслом, говяжьим жиром, розовым маслом и желтками яиц⁶⁹.

Есть рецепт «очень хорошей клизмы»⁷⁰. Состав ее – масло фиалки и ромашки, говяжий жир, ставили ее теплой, но с точки зрения современной медицины лучше вместо говяжьего жира брать растительное масло.

Несколько рецептов представляли собой средства от зубной боли. В их состав входили семена маленького лука, сало, желтый воск, семена мяты, спорынья, сухие розы, миробалан, зеленые части кипрского грецкого ореха, квасцы, камедь, мед, белое вино, имбирь, грецкий орех, гвоздика, семена пинии, чернильный орех, мастиковое дерево, шалфей, розмарин, горный чеснок⁷¹. С точки

зрения современной науки эти рецепты – не столько обезболивающие, сколько профилактические и противовоспалительные. Кроме того, в некоторых рецептах есть рекомендации: чтобы избавиться от боли, нужно вдыхать дым от их ингредиентов. Эти советы напоминают народные средства, когда с помощью табачного дыма купируют зубную боль. Правда, в одном рецепте применялся лист, пораженный спорыньей, который нужно положить в дупло больного зуба⁷², но, напомним, что спорынья опасна для здоровья.

Как уверял автор сборника, исцеление должно было наступить при регулярном использовании мазей и лекарств и через определенное время, т. е. речь шла о том, что препараты должны были применяться систематически, и больному должен был быть проведен курс лечения. Большую роль в изготовлении средств играли срок и определенное число операций при процедуре их составления. Например, снадобье должно настаиваться 9, 15, 30, 40 дней, лекарство нужно давать 9, 15 дней, соответственно и эффект должен был наступить через этот промежуток времени. Все числа относятся к сакральным⁷³, что, возможно, также должно было усилить действие средства. Такими же магическим действием обладали ящерицы, черные курицы, мясо кошки, молоко женщины, родившей сына, экскременты собаки. Возможно, что и растительные компоненты средств тоже подбирались не только с учетом их полезных, лекарственных свойств, но и их символическим значением⁷⁴.

Обращает внимание на себя тот факт, что многие компоненты косметических и медицинских средств стоили дорого, считались пафосными ингредиентами, что позволяет предположить, что этот женский справочник предназначался для состоятельных слоев населения Пиренейского полуострова. Как несомненно и то, что он несет на себе следы многих заимствований из арабской культуры.

Анализируя все вышесказанное, нужно отметить, что многие среди предложенных рецептов имели правильную научную биохимическую и медицинскую основу, были грамотно рекомендованы для использования и до сих пор могут применяться в современной косметологии, в том числе и в домашних условиях.

Часть рецептов, которые предложил автор сборника, не всегда были полезны для здоровья, но должны были быть необходимы дамам, чтобы те имели ухоженные лицо и руки, благоухали разными ароматами, иногда умели при случае оказать первую медицинскую помощь.

Примечания

¹ См.: Паке Д. История красоты. М., 2001; Бартон Э. Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира. М., 2005. С. 211; Эко У. История красоты. М., 2007. URL: webreading.ru/...umberto-eko-istoriya-krasoty.html;

Горелов Н. С. Косметика средневековья // Закуска для короля, румяна для королевы : Энциклопедия средневековой кухни и косметики / пер. с лат. Н. С. Горелова. СПб., 2008.

² Эко У. Указ. соч.

³ Manual de mujeres en el cual se contienen muchas y diversas recetas muy buenas. URL: <http://www.cervantesvirtual.com>. (далее – Manual de mujeres); Manual of Women in which is contained many and diverse very good recipes. URL: <http://www.larsdatter.com/manual.htm>; Третьякова М. В. Руководство для женщин, или к вопросу о том, что полезно знать испанским дамам XVI в. // Женщины и мир в контексте исторических перемен: материалы Пятой междунар. нац. конф. РАИЖИ и ИЭЛ РАН, 4–7 окт. 2012 г. : в 2 т. Тверь; М., 2012. Т. 1. С. 236–238.

⁴ Green M. De Ornatu Mulierum / On Women's Cosmetics // The Trotula : a medieval compendium of women's medicine / ed. and transl. by M. Green. Philadelphia, 2001. P. 45–48.

⁵ Manual de mujeres...

⁶ На них мы в данной статье останавливаться не будем.

⁷ Manual de mujeres...

⁸ Ibidem.

⁹ Рыбак Г. М., Романенко Л. Р., Кораблева О. А. Пряности. Киев, 1989. С. 81–82.

¹⁰ Минерал известен как аптекарский камень, помогает при головной боли, неврозах, благотворно влияет на сердечно-сосудистую систему.

¹¹ Manual de mujeres...

¹² Бартон Э. Указ. соч. С. 218; Дефурно М. Повседневная жизнь Испании золотого века. М., 2004. С. 201.

¹³ Manual de mujeres...

¹⁴ Бартон Э. Указ. соч. С. 218.

¹⁵ Похлёбкин В. В. Все о пряностях. М., 1975.

¹⁶ Муравьёва Д. А. Тропические и субтропические лекарственные растения. М., 1983. С. 134.

¹⁷ Mintz S. W. Sweetness and Power. The place of sugar in Modern History. Harmondsworth, 1985. P. 30, 78–79.

¹⁸ Имханицкая Н. Н. Пальмы. Л., 1985.

¹⁹ Муравьёва Д. А. Указ. соч. С. 25.

²⁰ Она считалась медицинским талисманом. См.: Райан В. Ф. Баня в полночь : Исторический обзор магии и гаданий в России. М., 2006. С. 408.

²¹ Manual de mujeres...

²² Муравьёва Д. А. Указ. соч. С. 132.

²³ Manual de mujeres...

²⁴ Муравьёва Д. А. Указ. соч. С. 144.

²⁵ Там же. С. 220.

²⁶ Manual de mujeres...; Горелов Н. С. Указ. соч. С. 216–219.

²⁷ В ее состав входили яйцо, мирра, тинкал, горный сахар. См.: Manual de mujeres...

²⁸ Manual de mujeres...

²⁹ Муравьёва Д. А. Указ. соч. С. 38.

³⁰ Manual de mujeres...

³¹ Ibidem; Бартон Э. Указ. соч. С. 219.

³² Очанка лекарственная. URL: <http://www.u-lekar.ru>

³³ Это средство в арабской медицине считалось лекар-

- ством от болезни глаз, позже панацеей и от других заболеваний, с течением времени термин стал обозначать просто средство.
- 34 Считался панацеей в восточной медицине. См. также: *Муравьёва Д. А.* Указ. соч. С. 283.
- 35 Manual de mujeres...
- 36 Ibidem.
- 37 Ibidem.
- 38 Ibidem.
- 39 Ibidem.
- 40 Ibidem.
- 41 Мыло и щелок для мытья волос делали из мыла, коровьей желчи, меда, щелока, кумина, сафлора красильного, аурипигмента (сульфида мышьяка), золотого имбиря, барбариса, золы виноградной лозы, золы испанского ракушечника, золы дуба, золы костей, речной воды или воды из фонтана, белого пережженного винного неочищенного камня, валенсийского мыла. См.: Manual de mujeres...
- 42 *Cavallo P., Proto M. C., Patrino C., Sorbo A. D., Bifulco M.* The first cosmetic treatise of history. A female point of view // Intern. J. of Cosmetic Science. April. 2008. Vol. 30, iss. 2. P. 79–86. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com>.
- 43 Manual de mujeres...
- 44 Ibidem.
- 45 Ibidem.
- 46 Бензоин – смола стираксового дерева, в древности считался мощным целительным средством, способным изгонять дьявола.
- 47 Мускус азиатской или африканской циветты.
- 48 *Муравьёва Д. А.* Тропические и субтропические лекарственные растения... С. 106.
- 49 Manual de mujeres...
- 50 Ароматические шарики делали из роз, бензоина, воды, ароматизированной мускусом, амбры, цибета, розовой воды, воды цветов померанца, стиракса, галангала, морской грязи, замоченной в белом уксусе, благовоний, настойки опия, лаванды, углей ивы, приготовленных в белом уксусе. См.: Manual de mujeres...
- 51 Manual de mujeres...
- 52 Manual de mujeres...
- 53 Ibidem.
- 54 Ароматические смеси изготавливали из бензоина, стиракса, амбры, мускуса, мускусной воды, цибета, масла мускателя и специй, французского мускатного ореха, алоэ, копалового дерева, розового сахара, жира, камеди. См.: Manual de mujeres...
- 55 Ibidem.
- 56 Ibidem.
- 57 Ibidem.
- 58 Ibidem.
- 59 Бальзам состоял из оливкового масла, терпентина, корок граната, мастики, шафрана, дробленных семян фруктов бальзама дерева галаада. См.: Manual de mujeres... Бальзам дерева галаада имел еще другое название – бальзам из Мекки, в его состав входила мирра местного происхождения и другие ингредиенты.
- 60 Мыло изготавливалось из стиракса, бензоина, желтого сандала, мускусной воды, мускуса, белого мыла, мозгов оленя, амбры. См.: Manual de mujeres...
- 61 Внутри подушки клали лепестки роз, сбрызнутых мускусной водой, бензоином, алоэ, мускус, гвоздику, цибет. См.: Manual de mujeres...
- 62 Manual de mujeres...
- 63 *Райан В. Ф.* Указ. соч. С. 245; Энциклопедический словарь лекарственных растений и продуктов животного происхождения / под ред. Г. П. Яковлева, К. Ф. Блиновой. СПб., 2002.
- 64 Manual de mujeres...
- 65 Ibidem.
- 66 Ibidem.
- 67 Ibidem.
- 68 *Пастушенков Л. В., Пастушенков А. Л., Пастушенков В. Л.* Лекарственные растения. Л., 1990. С. 91.
- 69 Manual de mujeres...
- 70 Ibidem.
- 71 Ibidem.
- 72 Ibidem.
- 73 *Райан В. Ф.* Указ. соч. С. 384, 447.
- 74 *Фолл Дж.* Энциклопедия знаков и символов. М., 1997. С. 381–406.

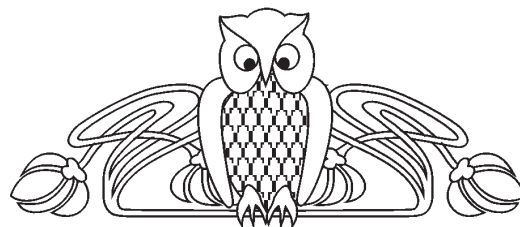
УДК 008(450)(09)+929Уолпол

ИТАЛЬЯНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ Х. УОЛПОЛА

Н. С. Креленко

Саратовский государственный университет
E-mail: krelenko@mail.ru

Статья посвящена анализу событий, относящихся к итальянскому путешествию, предпринятому Х. Уолполом в 1739–1741 гг. Английские молодые аристократы отправлялись в «большое путешествие» на континент для завершения образования. Хорас Уолпол является типичным представителем английской культуры

XVIII в. Его интересы были разносторонними, но в статье внимание сосредоточено на воздействии итальянской повседневной культуры на взгляды молодого Уолпола.

Ключевые слова: Англия, Италия, «большое путешествие», Х. Уолпол, культура повседневности, карнавал, маскарад.

Italian Impressions of H. Walpole

N. S. Krelenko

The article is devoted to the analysis of events concerning the Italian Tour undertaken by H. Walpole in 1739–1741. Young English aristocrats set off for a Grand Tour to the continent to complete their education. Horace Walpole was a representative of the mid-18th century English culture. He was active in many fields, but the article focuses on the impact of the everyday Italian culture on the views of young Walpole.

Key words: England, Italy, «Grand Tour», H. Walpole, everyday culture, Carnival, masquerade.

Путешествующие британцы – характерные персонажи XVIII в. В числе таких путешественников, конечно, кроме тех, кто вынужден был разъезжать по делам, можно выделить несколько категорий. Наиболее бросающаяся в глаза категория молодых людей, совершающих «большое путешествие», завершающее образование. Особую группу составляли те, кто вынужден был покинуть свой туманный остров по причине нездоровья. И уже тогда были скитальцы по натуре, вполне обеспеченные материально, занимающие достаточно высокое общественное положение, но не желающие приспособляться к требованиям общества и ищущие возможности самореализации в чужих землях. Основным местом притяжения для британских искателей впечатлений в этот период, да и позднее, была Италия, куда привлекал искателей впечатлений благодатный климат, но в огромной степени влияло и стремление побывать на родине классической древности.

Хорас Уолпол (1717–1797) в силу своего происхождения, положения и разносторонности интересов оставил о себе память в разных сферах общественной и культурной жизни своего времени. О нем много писали и пишут¹, давая ему зачастую противоречивые оценки. Младший сын премьер-министра Р. Уолпола, парламентарий-виг, знаток искусств, историк, писатель, работавший в разных жанрах, – его имя упоминается в работах, посвященных истории архитектуры, историографии, литературы. Вообще он много писал в самых разных жанрах (от подражаний классической римской поэзии до готического романа), но главным в своем литературном наследии считал письма, которые позаботился подготовить для публикации. Они затем многократно переиздавались². Он вел обширную переписку с многочисленными корреспондентами в разных странах и оставил богатое эпистолярное наследие, включающее более трех тысяч писем.

Вот как отзывался об эпистолярном наследии Х. Уолпола И. Д'Израэлли (дед знаменитого политика Б. Дизраэли): «... Самый приятный, если не самый совершенный талант его состоял в умении писать письма; здесь он не находил себе соперника. Переписка его отличается литературными достоинствами, критицизмом, умом, самым оригинальным и блестящим изложением»³.

Принимая во внимание, что в XVIII в. переписка играла существенную роль в жизни общества⁴ и культура письма находилась на очень высоком уровне, данная оценка свидетельствует об исключительности эпистолярного наследия Х. Уолпола.

Итальянская тема занимает значительное место в его письмах, сначала в письмах из Италии, а потом в письмах в Италию, адресованных британскому консулу во Флоренции Х. Манну. Особое место в письмах периода «большого путешествия» занимает переписка между двумя «путешественниками» (Х. Уолполом и Т. Греем) и двумя их друзьями Р. Уэстом и Т. Эштоном. Собственно, эта переписка сама по себе вполне может стать основой «романа в письмах»⁵.

Хорас появился на свет, когда его родители фактически жили раздельно и оба имели любовные связи, что не помешало Р. Уолполу признать, принять и содержать мальчика, назвав в честь своего брата⁶. Учился сначала в Итоне, потом в Кембридже, а весной 1739 г. отправился в «большое путешествие» на континент. В попутчики он взял своего одноклассника по Итону Томаса Грея. Оба юноши были большими поклонниками античной культуры, и особенно древнеримской литературы, оба пытались писать стихи в духе классической традиции. Около полугода Уолпол и Грей провели во Франции, где должны были совершенствоваться в освоении языка. Надо заметить, что наряду с посещениями местных достопримечательностей, знакомством с французскими знаменитостями, такими как литераторы Мариво, аббат Прево, Кребийон-младший, огромную часть своего времени молодые люди проводили в обществе своих сверстников-соотечественников, также путешествовавших по странам континента.

Пребывание во Франции было прервано письмом Р. Уолпола, в котором тот рекомендовал сыну поскорее отправиться в Италию. Из Рима доходили слухи о болезни папы, британскому премьеру казалось не лишним иметь в такой ситуации лишнюю пару надежных глаз. Дело было поздней осенью, но пришлось отправляться в путь через опасные альпийские перевалы.

Ко времени прибытия в Италию знакомство Х. Уолпола с памятниками итальянской культуры не ограничивалось основательным изучением древнеримской литературы в годы пребывания в Итоне, а затем в Кембридже. В 1737 г., еще в годы обучения в Кембридже, он впервые посетил только что отстроенную загородную резиденцию сэра Роберта Уолпола Хоутон-холл (Хактон-холл), возведенную в традициях палладианства⁷ британскими архитекторами К. Кэмбеллом (ум. 1729), Д. Гиббсом (1682–1754) и У. Кентом (1686–1748).

Хоутон-холл «проектировался как чрезвычайно пышный и величественный дом для самого важного политика той эпохи...»⁸ Эта краткая характеристика хорошо соответствует впечатлению, которое производит здание: торжественно-праздничное и строго-репрезентативное одновременно.

Построено это здание было с расчетом на то, чтобы сэр Роберт мог разместить там свою коллекцию произведений искусства, прежде всего, живописных произведений⁹. Тогда в Англии ни у кого не было подобной коллекции¹⁰. Юный Хорас был покорен обстановкой Хоутон-холла и на всю жизнь остался почитателем «большого стиля» искусства XVII в., объединившего строгость классицизма и пышность барокко. Между тем гордость Флоренции составляли работы архитекторов и художников более раннего времени, собственно эпохи Возрождения. Для Уолпола (как и для всех его современников) это был «канун» того, что представлялось высочайшим достижением в искусстве. Показательно, что несколько позднее в письме Уэсту он писал: «Из Флоренции я имею мало намерения что-нибудь посылать»¹¹.

Свое впечатление о переезде через Альпы Х. Уолпол в письме к другу оценил достаточно определенно: «Мой дорогой Уэст! Я надеюсь, что никогда не увижу этого снова!»¹² Это было первое итальянское впечатление. И он постарался его не повторять: домой он предпочел возвращаться морским путем, хотя и шутил в одном из писем, что из-за сложностей международной обстановки, возможно, придется добираться в Англию через Мексику¹³.

Оказавшись на полуострове, путешественники сначала посетили Геную, а 16 декабря 1739 г. прибыли во Флоренцию, ставшую своего рода «базой» пребывания в Италии. Там находился британский консул Хорас Манн, бывший доверенным лицом премьер-министра Роберта Уолпола. Х. Манн – одно из самых больших флорентийских «впечатлений» Х. Уолпола и не только его. Прибывший во Флоренцию в 1739 г., он на несколько десятилетий (вплоть до смерти в 1786 г.) был заботливым и доброжелательным «Вергилием» для многих путешествующих соотечественников. Этому свидетельством служит одна реплика из письма лорда Честерфилда, отправившего своего сына, совершить «большой вояж»¹⁴.

Для Флоренции это были годы рубежные, годы, завершавшие многовековую эпоху славной истории. Как раз в это время город-государство переходил под власть австрийского дома Габсбургов. Последняя представительница семьи Медичи, вдовствующая курфюрстрина Анна Мария Луиза, сестра умершего в 1737 г. великого герцога Джан Гастона, не имела никакого официального статуса, но владела весьма заметной и значимой собственностью в городе Флоренция. Выданная в свое время замуж из недружественных дипломатических соображений, вернувшаяся после смерти мужа в родной город, она старалась поддержать престиж семьи, поэтому упорно следовала нормам чопорного испанского этикета, установившегося при дворе Медичи в XVI в., нормам, которыми столь демонстративно пренебрегал ее несчастный брат. Хорас Уолпол посетил Анну Марию Луизу, он был обязан это сделать как сын британского

премьера. Старая дама приняла посетителя, стоя под черным балдахином, произнесла несколько церемонных фраз, и на этом прием заканчивался¹⁵.

Этот визит не произвел никакого впечатления на молодого человека, его интерес сосредоточился на других сторонах городской жизни. Начавшийся карнавал вызвал у него восхищение. Необходимо оговориться, что речь в данном случае идет не о том явлении, которое в свое время было блестяще проанализировано М. Бахтиным¹⁶. В итальянских городах XVIII в. буйство народного средневекового карнавала было изрядно «облагорожено» приемами праздничных театрализованных шествий периода Возрождения, главным отличием которых были роскошные фантазийные костюмы (часто на античную тему), музыкальное сопровождение, декламация. В таких карнавалах упор делался не на смехачестве, предполагающем осмеивание всего и вся, создающем иллюзию временного отказа от привычных социальных ограничений, а на организованном театрализованном действе, пышном, красочном, отредактированном и отрепетированном.

Исследователи отмечают особую роль маскарэдов этого времени: «Маскарэды XVIII в. характеризуются очевидной противоположностью ежегодному и очистительному взрыву карнаваль-ной безудержности...»¹⁷ Именно такие театрализованные увеселения отвечали капризному вкусу Хораса Уолпола. Карнавал – еще одно большое «впечатление» Хораса Уолпола, ставшее увлечением его на все молодые годы.

От флорентийских развлечений английских путешественников отвлекло масштабное политическое событие: смерть понтифика Климента XII. В начале весны 1740 г. Уолпол и Грей поехали посмотреть, как избирают папу. В Риме Уолпол чувствовал себя не очень уютно, потому что там находились представители изгнанной династии Стюартов. Папу избирали долго, заглянув в Неаполь и Помпеи, где велась раскопки, приятели вернулись во Флоренцию к большому огорчению Т. Грея, которому пребывание в «вечном городе» сулило столько открытий в изучении древностей.

По возвращении во Флоренцию Х. Манн поселил их в гостевом доме британской миссии на Каса Амброджи. Томас погрузился в свои интеллектуальные упражнения, Хорас включился в приятную суету летних увеселений, включавших не только балы и музыкальные вечера в освещенных лунным светом садах, но и посещение галереи, старинных церквей, знакомство с частными коллекциями предметов искусства.

Приобщился Хорас и к своеобразной практике «*чичисбеатуры*», галантного ухаживания за замужней дамой, предполагающего постоянное сопровождение предмета внимания на все развлекательные мероприятия. Уолпол стал чичисбеом флорентийской красавицы Елизаветы Каппони, супруги маркиза Гриффони. Для Уолпола это был еще один вариант театрализованного маскарада.

Подобно другим своим соотечественникам, находившимся тогда во Флоренции, он увлеченно играл свою роль пылкого обожателя все оставшиеся летние месяцы и начало осени 1740 г. Покидая Флоренцию, в память об этом театрализованном романе он увез любимую собачку своей повелительницы и ее портрет. Впоследствии этот портрет украшал кабинет Уолпола, а вот на письма сеньоры Каппони он не отвечал, полагая, по-видимому, что спектакль закончен, а послесловие только испортит общее впечатление.

Блестящее ничегонеделание завершилось в октябре, когда пришло известие о смерти императора Карла VI. Флоренцию, ставшую частью владений Габсбургов, это близко затронуло. Был объявлен траур, и зимний карнавал, которого так ждал Хорас, не мог состояться. Развлечения свелись к домашним концертам и игре в карты. В обратный путь отправились через Реджио, где проходила большая ярмарка, сопровождаемая «сплошными развлечениями»¹⁸, как писал Уолпол Р. Уэсту в письме от 10 мая 1741 г. Уолпол отмечает, что в таком «грязном маленьком местечке, как Реджио ярмарка была прекрасная»¹⁹. Прогулки в каретах, посещение оперы, балов, общение с герцогом и его семейством, маски, домино... В течение всей недели одни увеселения сменялись другими в обществе многолюдного собрания, представлявшего нобилитет Ломбардии, Генуи, Милана, Венеции, Болоньи. В этой суеде случилась крупная ссора с Т. Греем, который, обидевшись, уехал с двумя знакомыми в Венецию, а Уолпол тяжело заболел, и только помощь Х. Мэнна, приславшего к больному надежного доктора, помогла ему подняться.

В Венеции, куда приехал выздоровевший Хорас, ему было уже не до маскарада. А ведь венецианские маскарады считались самыми блестящими. Маскарад был важной составной частью культурной жизни весело беднеющей республики на Адриатике. Это подтверждают визуальные источники. Жанровые сценки венецианца П. Лонги заполняют участники гуляний, танцев, карточных игр, многие из которых представлены в карнавальных масках²⁰. «Все наряжаются, танцуют, отвешивают поклоны, пьют кофе, как будто в мире нет ничего более важного»²¹. Так выглядят обитатели венецианских площадей и каналов на многочисленных пейзажах художника Каналетто²².

Эта веселая суеда не увлекла собой Х. Уолпола. Во всяком случае, в письме леди Поумфрит описан такой эпизод. Она со своими дочерьми и друзьями сидела на площади около собора Сан Марко в карнавальных домино и масках и увидела Х. Уолпола, поспешно пересекающего площадь без маски²³. Подсев к ним, он начал рассказывать длинную мрачно-мистическую историю, предвосхищавшую сюжет «Замка Отранто».

В эти недели пребывания в Венеции был создан пастельный портрет Хораса Уолпола известной портретисткой Р. Каррьерой²⁴. Художница

использовала для этого погрудного изображения излюбленный холодноватый жемчужно-серебристый колорит. На зрителя внимательно смотрит бледный молодой человек, пепельные (вероятно, припудренные) волосы которого уложены в модную прическу «а-ля катоган (узел)», светло-голубой камзол украшен богатой золотой вышивкой. Лицо кажется напряженным, только уголки губ обозначают вежливую улыбку. Стоит сравнить эту работу художницы с другими ее портретами английских путешественников, где персонажи представлены в сдвинутых на затылок масках или в причудливых маскарадных костюмах. Например, портреты Ч. Сэквила и Г. Гамильтона.

Пребывание в Италии оказало огромное влияние на формирование художественных вкусов молодого Х. Уолпола, познакомило его с особой атмосферой маскарадной культурной среды. Тогда же он пережил ситуации, не свойственные игровой культуре: тяжелую болезнь и серьезный конфликт с близким другом, Т. Греем. По возвращении в Англию Уолпол вел жизнь «танцующего сенатора», деля свое время между суедой светских забот, постоянно меняющимися интеллектуальными увлечениями и необременительными обязанностями рядового парламентария-вига. Все это нашло отражение в его письмах (около 3 000) к разным корреспондентам, тщательно хранимых автором и подготовленных им к публикации. Видимо, эту составляющую своей разнообразной и внешне бессистемной деятельности он считал наиболее важной. В ходе последующих десятилетий своей долгой жизни Уолпол успел построить стилизованную «под готику» загородную резиденцию Струберри-хилл, которую он приспособил для хранения своих коллекций древностей. Помимо того, он написал «готический» роман «Замок Отранто», сборник так называемых «Иероглифических сказок», а также несколько работ по истории («Правление короля Георга II», «Воспоминания о правлении короля Георга III») и сочинение, в котором взялся реабилитировать память короля Ричарда III, издал четырехтомную работу об английских художниках. В ходе дальнейшей его творческой деятельности заметно проникновение новых, свойственных эпохе романтизма, точнее, предромантизма тенденций.

Примечания

- ¹ Например: *Маколей Гораций Вальполь* // Маколей. Полное собр. соч. : в 16 т. Т. II. СПб. ; М., 1866 ; *Ketton-Cremer R. W. Horace Walpole. L., 1946 ; Horace Walpole. Writer, Politician, connoisseur. L., 1967.*
- ² Например: *Walpole H. Memoirs and portraits / ed. by M. Hodgait. N. Y., 1963 ; Selected letters of H. Walpole / ed. by W. S. Levis. New Haven, 1973.*
- ³ *Д'Израэли И. Литературный характер или история гения, заимствованная из его собственных чувств и признаний. Дубна, 2000. С. 269.*

- ⁴ Достаточно вспомнить, что многие знаковые литературные произведения той поры представляют собой «романы в письмах»: «Персидские письма» Ш. Монтескье, «Кларисса Гарлоу» С. Ричардсона.
- ⁵ *The Correspondence of Grey, Walpole, West and Aston (1734–1771)*: in 2 vols / ed. by P. Toynby. Oxford, 1915.
- ⁶ См. Ketton-Cremer R. W. *Horace Walpole, L.*, 1946. P. 27–28.
- ⁷ Андреа Палладио (1508–1580) – итальянский архитектор и теоретик искусства, заложивший основы классицизма.
- ⁸ Кидсон П., Мюррей П., Томпсон П. История английской архитектуры. М., 2003. С. 251.
- ⁹ Собрание картин включало около 400 полотен, наиболее почитаемых в ту пору итальянских, фламандских, французских, голландских, испанских художников XVII века. Позднее, в 1778 г., сын старшего сына Р. Уолпола продал часть коллекции деда (204 полотна) русскому посланнику в Лондоне А. С. Мусину-Пушкину для создаваемой Екатериной II галереи Эрмитажа. Х. Уолпол был очень огорчен этой утратой. Летом 2013 г. часть коллекции Р. Уолпола выставлялась в стенах Хоултон-холла.
- ¹⁰ Коллекции, собранные большим любителем искусств королем Карлом I, были распроданы в период гражданской войны середины XVII в.
- ¹¹ Цит. по: Ketton-Cremer R. W. *Op. cit.* P. 58.
- ¹² *Ibid.* P. 56.
- ¹³ *The Correspondence of Grey, Walpole, West and Ashton. Vol. 2.* P. 10.
- ¹⁴ Летом 1750 г. Честерфилд писал сыну: «Я мог бы прислать тебе во Флоренцию кое-какие рекомендательные письма, но знаю, что общение с м-ром Манном будет для тебя полезнее всего остального. Пожалуйста, кланяйся ему от меня». См.: Честерфилд. Письма к сыну. Максимумы. Характеры. М., 1978. С. 153.
- ¹⁵ Стоит отметить, что эта женщина с нескладной судьбой сумела оставить после себя заметный след в истории Флоренции, обеспечив сохранность бесценных художественных сокровищ, собранных поколениями ее предков. Согласно ее завещанию (умерла она в 1742 г.) после перечисления принадлежащих Медичи палатцо, картин, скульптур, библиотек, ювелирных изделий, утверждалось, что «во благо народа и для привлечения интереса иностранцев ничего из вышеперечисленного не должно вывозиться из столицы и вообще с территории великого герцогства». (Цит. по: *Стратерн П. Медичи. Крестные отцы Ренессанса.* М., 2010. С. 510).
- ¹⁶ Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. См. Введение.
- ¹⁷ *Barker-Benfield G. J. The culture of Sensibility. Sex and Society in XVIII century Britain.* Chicago; L., 1992. P. 182.
- ¹⁸ *The Correspondence of Grey, Walpole, West and Ashton. Vol. 2.* P. 10.
- ¹⁹ *Ibidem.*
- ²⁰ Лонги Пьетро (1702–1785) – венецианский художник-жанрист, воспевавший праздничную сторону жизни Венецианской республики.
- ²¹ Бернсон Б. Живописцы итальянского Возрождения. М., 1965. С. 56.
- ²² Каналетто (Каналь Джованни Антонио 1697–1768) – художник, писавший городские, преимущественно венецианские, панорамные пейзажи, так называемые ведуты, оживляемые человеческими фигурами.
- ²³ Ketton-Cremer R. W. *Op. cit.* P. 76.
- ²⁴ Каррьера (иногда Каррера) Розальба (1675–1757) – венецианская портретистка, одна из родоначальниц стиля рококо, прославившаяся своими работами в технике пастели.

УДК 94 (410) |18|

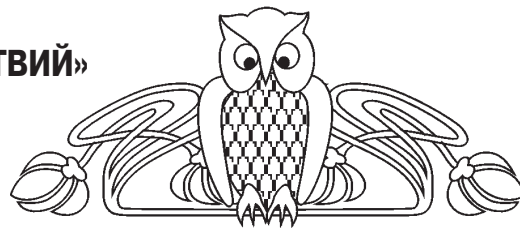
РАННИЕ ОБЗОРЫ «ЛИТЕРАТУРЫ ПУТЕШЕСТВИЙ» НА СТРАНИЦАХ «THE EDINBURGH REVIEW»: ОБРАЗЫ ВОСТОКА

В. С. Ерёмин

Саратовский государственный университет
E-mail: fuzzstone@gmail.com

В статье рассматриваются образы Востока в обзорах на литературу о путешествиях в первом номере периодического печатного издания «The Edinburgh Review», вышедшего в свет в 1802 г. Особое внимание уделено образу Турции в обзоре на сочинение Г. А. Оливье «Путешествие по Османской империи, Египту и Персии» (1801 г.).

Ключевые слова: история Великобритании, образ Востока, литература о путешествиях, историческая память, «The Edinburgh Review».

Early Reviews of Travel Literature on the Pages of «The Edinburgh Review»: Images of the East

V. S. Eremin

The author of this article studies the images of the East in the reviews of the travel literature in the first edition of the British periodical «The Edinburgh Review», which was published in 1802. Particular attention is paid to the image of Turkey in the review of the work by G. A. Olivier

«Travel in the Ottoman Empire, Egypt, and Persia, undertaken by order of the Government of France, during the first six years of the Republic» (1801).

Key words: UK history, Images of the East in Western public thought, Travel Literature, Collective memory, «The Edinburgh Review».

С первого же номера «The Edinburgh Review» литература о путешествиях заняла заметное место на страницах этого издания. В обзоре на произведение Уильяма Хантера «Путешествие в 1792 г. через Францию, Турцию и Венгрию в Венну» обозреватель ежеквартальника Генри Броэм высказался по поводу путевых заметок таким образом: «Мы придерживаемся мнения, что книги о путешествиях заслуживают большей степени внимания, пропорционально их достоинству, чем другие произведения более заурядной и простой композиции»¹.

Причин для такого внимания к литературе о путешествиях было несколько. Свой путь издание начало в эпоху Наполеоновских войн, когда возможности британцев путешествовать за границу, в первую очередь в Европу, были весьма ограничены. Неудивительно, что «The Edinburgh Review» пыталось удовлетворить (как романтический, так и чисто прагматический) интерес читателей к чужим странам.

Помимо желаний дать аудитории то, чего она хочет, авторы, будучи приверженцами вигского взгляда на политику, использовали литературу путешествий в качестве предлога для обсуждения актуальных внешнеполитических вопросов. Редакция издания транслирует в общество свой взгляд на взаимоотношения Британской империи с другими государствами.

Другой причиной повышенного внимания к литературе о путешествиях является связь авторов обзоров с творчеством деятелей шотландского просвещения. В свое время такие мыслители, как Д. Юм, А. Смит, А. Фергюсон и другие, искали в заметках путешественников иллюстрации и дополнения к своим исследованиям о человеке и обществе². Безусловно, столь мощное идейное движение не могло пройти бесследно для нового поколения шотландских интеллектуалов.

В своих обзорах авторы издания старались охватить как можно большее число стран, не замыкаясь на отдельно взятом регионе. На страницах «The Edinburgh Review» читатель мог ознакомиться со статьями, посвященными таким книгам, как «Путешествие по департаментам Франции», «Дневник путешествия из Каира в Мурзук» Фридриха Конрада Хорнеманна, «Плавание из Монреаля, по реке Святого Лаврентия через Североамериканский континент» Александра Макензи или «Путешествие через Швецию, Финляндию и Лапландию до мыса Нордкап» Джузеппе Ачерби. Некоторые очерки нельзя определенно классифицировать, как литературу о путешествиях – это шестой том «Азиатских исследований» и «Политические размышления от-

носительно Египта» Джорджа Болдуина, которые служат маркером степени интереса к территориям, обладающим колониальным потенциалом для британской короны³.

Что касается «Азиатских исследований»⁴, ставших первым обзором подобного рода, то здесь повествование идет об отдаленных, экзотических частях Азии. Авторов привлекала идея рассказа об плодородных землях Бирмы, населенной расой предприимчивых воинов, выносливых и воинственных племенах Бутана, возделывающих участки земли в горах и разводящих стада на девственных равнинах высокого Тибета. Авторы без сомнений говорят о «трех различных расах – татарской, арабской и индийской, от которых произошли все другие народы Азии – об их манерах, истории и языке»⁵. С одной стороны, мы видим романтизированное описание гордого «дикаря», живущего на лоне природы вдали от «громыхающей машины промышленной революции». С другой, что Юго-Восточная Азия притягивала взоры британских политиков. Читатель из обзора мог узнать, что буддизм значительно более распространен среди народов Азии, «нежели религия Мухаммеда». Политическую подоплеку данного обзора можно разглядеть без труда.

С внешнеполитическими коллизиями связаны и обзоры, посвященные Османской империи и роли Великобритании в «Восточном вопросе». К концу XVIII в. книги о Порте пользовались невероятной популярностью. Стоит отметить, что эдинбургский ежеквартальник был не высокого мнения об учреждениях и жителях этой восточной империи: Турция рассматривалась как «менее развитая цивилизация», но занимающая исключительное историческое пространство – территории Греции, Египта и Палестины, являющиеся колыбелью европейской цивилизации⁶. Главный редактор Джеффри «The Edinburgh Review» и его авторы полагали, что некогда блистательная Порта, полностью удаленная из европейской политики и морали, ныне является пережитком феодального прошлого, укоренившегося в её территориально-административных органах⁷. При обсуждении политического будущего региона звучала надежда, что народы, находящиеся под гнетом султана, могли бы подняться и вырваться из рамок примитивной цивилизации, в которой они пребывали. Единственный выход для развития некогда великой империи виделся авторам лишь в европеизации этого государства, причем через военное завоевание, ибо шансов для самостоятельной модернизации у него нет⁸.

Одним из самых заметных обзоров литературы, посвященной Османской империи, на страницах «The Edinburgh Review» служит анонимный обзор книги Гийома Антуана Оливье «Путешествие по Османской империи, Египту и Персии»⁹, опубликованной в первом номере издания. Между 1792 и 1797 гг. натуралисты Г.А. Оливье и Ж.Г. Брюгьер путешествовали по Средизем-

ному морю и Ближнему Востоку, выполняя по поручению французского правительства дипломатическую и научную миссию¹⁰. После своего возвращения во Францию Оливье приступил к изданию своего шеститомного сочинения, первый том которого увидел свет в 1801 г., а второй вышел в следующем году. Уже в начале статьи авторы удивляются тому факту, что несмотря на «ужасы революционного кризиса», французское правительство нашло время, чтобы составить для Оливье подробные инструкции. Ему предназначено собирать информацию в области «торговли, агрокультуры, естественной истории, общей физики, медицинского искусства и даже политических отношений Франции с Турцией»¹¹. Казалось бы, налицо явный соперник, стремящийся первым укрепить свои позиции при дворе турецкого султана. Но авторы подчеркивают, что мотивы для путешествия, предписанные революционным правительством Франции, не выходили за круг обозначенных, так как «вряд ли бы правительство выбрало трудолюбивого энтомолога (коим являлся Оливье) для более сомнительных устремлений»¹². Тем более, отмечается в обзоре, что сам автор книги строго очерчивает границу своего повествования, которое «будет лишено различного рода анекдотов или юмористических историй, перемежающихся с красочными описаниями пейзажей»¹³. Именно поэтому основное внимание уделено политическим, экономическим и социальным вопросам.

По мнению автора обзора, столица империи Османов в книге Оливье предстает не в лучшем свете. Улицы города, население которого оценивается в 500 тысяч жителей, узкие и плохо проложены, наполнены невысокими домами из земли и дерева. Порта монополизировала распределение зерна, и каждый житель довольствуется нормой в полтора фунта муки в день, что, впрочем, кажется обозревателю более чем достаточным. Существование населения всецело зависит от своего государя, а Константинополь видится сосредоточением власти и национальных учреждений. А вот провинции, лишённые армии, флота, арсеналов и укреплений, содержатся за свой счет. Богатство, которое поступает из них в столицу, автор оценил в два миллиона ливров¹⁴.

Картина использования земель должна, по всей видимости, произвести на европейского читателя сильное впечатление. Несмотря на высокую плодородность полей в окрестностях Константинополя, ими пренебрегают. В обозрении подчеркивается, что есть полностью опустевшие деревни. А вот холмы, огибающие Босфор, поражают воображение своими цветущими деревьями. На берегах пролива расположено множество замков для обороны, которые могут быть с легкостью демонтированы¹⁵.

Отмечается, что «нечестность не является турецким пороком и на их слово можно положиться»¹⁶. Главная проблема турецкого обще-

ства – его деспотичность во всех сферах: как в распределении ресурсов, так и в управлении своими подчиненными. Именно этот факт не дает причислить Османскую империю к числу «почтенных наций»¹⁷.

На обширной части, всего в шести милях от Черного моря, в Бююкдере, стоят романтические вилы, главным образом населенные европейцами, греками и армянами. Французский энтомолог не без иронии замечает здесь, что «греческие женщины менее падкие на деньги»¹⁸. Именно в этом живописном месте европейским послам предоставлены резиденции, «совершенно приемлемые и приятные». По мнению Оливье, очень важно, чтобы европейские дипломаты были менее окружены различными церемониями¹⁹.

Оливье, а вслед за ним авторы обзора, намеренно подчеркивают любопытную деталь: местные правители не рвутся в политический центр страны, чтобы «потратить свой доход в изнеженности и праздности или промотать его в азартных играх, в радостях или за роскошным столом. Повелители остаются в своих поместьях, защищая их и делая для них больше. Местных чиновников во избежание интриг не переводят в столицу без особого разрешения Государя».

Восторгает Оливье и порт Константинополя. Он хорошо укреплен, содержится в чистоте и имеет внушительный флот, но который по качеству уступает европейскому. Дело в том, что Хусейн Паша, повышенный Селимом до верховного адмирала, продолжал укомплектовывать его «греками, несведущими в навигации». Из этого делается резонный вывод, что их морская сила должна быть подсчитана по другим критериям, нежели просто числом судов²⁰.

Образ армии Порты подтверждает общую мысль об упадке империи. В обзоре приводится большой отрывок из книги Г. Оливье, в котором повествуется об отправке султаном разношерстных отрядов против мятежника Пасвана-Оглу, к которому примкнули янычары. «... У одних мушкеты были разных форм и калибров, всадники не имели регулярной формы, многие из них были одеты в лохмотья и плохо вооружены, в то время, как другие были лучше одеты и имели лучшее оружие. Офицеры отличались красотой своих лошадей, богатством украшений конской сбруи и идущими впереди слугами»²¹. Небезынтересны и размышления о причинах восстания. В частности, упоминается военная реформа Мустафы III, стремившегося модернизировать армию по европейскому образцу, которая и вызвала недовольства в среде янычар²². Сил восстанию предала инициатива Пасвана-Оглу по отмене введения новых налогов, поддержанная греками и другими зависимыми от турецкого султана народами. Успехи мятежника были настолько велики, что испуганный двор Османской империи был готов на любые уступки. Что и отмечают авторы, подчеркивая слабость центральной власти. Часть

янычар, оставшаяся верной султану, отказывалась идти в поход против «мусульман, чьим единственным преступлением было отстаивание своих привилегий»²³.

Диван, который возглавлял великий Визирь, являясь совещательным органом, не приносил продуктивности из-за разногласий. Попытка султана увеличить число советников в нем не привела к ощутимым результатам. Но если Оливье видит в нем источник для измены государственным интересам, то авторы обзора утверждают обратное, считая «содействие замыслам Пасвана-Оглу и петербургскому двору вульгарным слухом»²⁴.

Событий и образов, описывающих столицу, а также административного устройства, военного и экономического потенциала достаточно, чтобы заключить вывод о нежизнеспособности Османской империи.

Но образа Константинополя не достаточно, и обойти стороной провинции Османской империи для завершения общей картины нельзя. Другой подробно описанный город – Скутари, расположенный в азиатской части и служащий торговым центром, через который проходят азиатские караваны. Оливье восторгается кладбище с роскошными гробницами. Момент с погребальными традициями особенно подчеркивают и авторы «The Edinburgh Review». «Турки предпочитают быть погребенными в Азии, которую они считают принадлежат истинным верующим; в то время как земли Европы, как они ожидают, в один день вернутся под власть неверных; этот прогноз, как и большинство других, несомненно, ускорит собственное достижение»²⁵.

Оливье смог побывать и в доме турецкого офицера Капиджи. В этом ему помогли его медицинские навыки. «Мы получили прием в щедром киоске, в своего рода салоне открытого по бокам, орнаментированном картинками, позолотой и азиатскими выражениями, взятыми из Корана. В середине фонтан из белого мрамора. Часть дома Капиджи построена с большим изяществом. После привычных комплиментов нам были принесены трубки и кофе и после часовой беседы мы отправились к пациентке. Нам не приставили слугу. Капиджи провел нас через различные апартаменты, двери которых он лично открывал и закрывал. Мы прибыли в довольно просторный зал, в центре стояла софа, покрытая прекрасным малиновым сукном, обшитая золотой бахромой. На полу был расстелен превосходный египетский коврик и несколько маленьких персидских ковров. Большая женщина лежала в середине комнаты на светлых матрацах и больших подушках, окруженная заботой двух молодых рабынь»²⁶. Несмотря на общее плачевное положение государства, налицо стремление к роскоши турок, вызывающее непонимание и негодование у обозревателей «The Edinburgh Review».

Одной из волнующих Оливье тем, а вместе с ним и авторов обзора, был семейный вопрос, а

именно полигамия. Он полагает, что многоженство пагубно сказывается на населении империи, так как количество женщин примерно равно количеству мужчин. Но здесь в полемику с ним вступает обозреватель ежеквартальника, утверждая, что «будь этот факт справедливым, ни о какой полигамии не могло быть и речи. Но как известно в южном климате Азии число родившихся женщин значительно превышает число мужчин»²⁷.

В обзоре отмечается, что бешенство и мятеж – сходные по своей природе болезни. Оливье полагает, что для обоих «заболеваний» необходим факт контакта с зараженным индивидуумом, в то время как авторы «The Edinburgh Review» уверены, что «пронзительные ветра Малой Азии и египетская жара искореняют пищу для этих недугов»²⁸. «Мятеж», по мнению обозревателей, – заболевание другого рода. Оно имеет совсем другую природу, которую не искоренить прижиганием каленым железом. Но в одном литераторы сходятся: и чума, и склонность к восстаниям – это недуги, которыми можно заразиться и которые следует лечить»²⁹.

Небезынтересным является и образ греческих островов, находящихся под гнетом султана. Оливье, по мнению обозревателей «The Edinburgh Review», не уделил должного внимания «древним монументам». Авторы не скупаются на цифры, описывая приблизительные размеры островов, их численность и род занятий греков. Часть из них является более благородной по отношению к своим «лживым, грубым, суеверным и бедным»³⁰ континентальным собратьям. Они сохранили вкус к искусству, занимаются ремеслом, торговлей и земледелием, а многие из них процветают. Лейтмотивом части обзора, посвященного островам, является постоянные отсылки к античному наследию Греции. Так, остров Лесбос, родина Саффо и Теофрастата, по-прежнему славится своими выдающимися поэтами и музыкантами. Слушая «юного поэта и исполнителя Моливу, наш автор (Оливье. – В. Е.) мог представить себе, что он созерцал потомка Ариона или Терпандра, подавившего призывы к мятежу чарами своего голоса»³¹. На Лесбосе сохранился «претерпевающий изменения» древний обычай, по которому старшая дочь наследует имущество родителей. Необитаемый Делос «все еще недвижим со времен рождения Аполлона и Артемиды»³². На Наксосе, родине Бахуса, сохранились ворота и фундамент его храма рядом с фонтаном Ариадны»³³. В описании острова Тира авторы ссылаются, вслед за Оливье, на сообщения Плиния»³⁴. В описании островов они стремятся разглядеть или приписать былые расцвет и величие Древней Греции. Каждый остров имеет особое значение, особенно если он становится местом действия одного из многочисленных греческих мифов. На их восприятие местного уклада и культуры давит груз античного наследия, которое формирует вокруг обозначенных выше островов романтический ореол.

Подводя итог, автор обзора вновь ставит вопрос о жизнеспособности империи, описав в красках её внутренние противоречия. Некогда цветущее государство, основанное на руинах империи античной Греции, само разрушается до основания. Повсеместно распространены «свирепость и военные привычки татарской расы, не отказывающей себе в роскоши»³⁵. Её падение усугубляется восстаниями, недовольством янычар и стремительным развитием соседних европейских государств. «Турецкий полумесяц находится в упадке, но будет ли его исчезновение ускорено иностранным вторжением или внутренним мятежом, время покажет»³⁶.

Примечания

- ¹ Hunter W. Travels in the Year 1792 through France, Turkey, and Hungary, to Vienna // The Edinburgh Review. 1810. Vol. IV. P. 207.
- ² Demata M. Prejudiced Knowledge : Travel Literature in the Edinburgh Review // British Romanticism and the Edinburgh Review. Hampshire, 2002. P. 87.
- ³ Demata M. Op. cit. P. 87.
- ⁴ Asiatic Researches : or, Transactions of Society instituted in Bengal, for inquiring into the History and Antiquities, the Arts, Sciences, and Literature of Asia. Vol. VI // The Edinburgh Review. 1802. Vol. I. P. 26.
- ⁵ Asiatic Researches. Op. cit. P. 26.
- ⁶ Demata M. Op. cit. P. 94.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Olivier G. A. Travel in the Ottoman Empire, Egypt, and

Persia, undertaken by order of the Government of France, during the first six years of the Republic // The Edinburgh Review. 1802. Vol. I. P. 44–59.

- ¹⁰ См.: Relations savants : voyages et discours scientifiques / S. Linon-Chipon, D. Vaj (dir.). Paris, 2006.
- ¹¹ Olivier G. A. Op. cit. P. 44
- ¹² Ibid.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ Ibid. P. 45.
- ¹⁵ Ibid. P. 46.
- ¹⁶ Ibid. P. 54.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid. P. 47.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid. P. 46.
- ²¹ Ibid. P. 48.
- ²² Ibid. P. 49.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Ibid. P. 54.
- ²⁵ Ibid. P. 46.
- ²⁶ Ibid. P. 47.
- ²⁷ Ibid. P. 48.
- ²⁸ Ibid. P. 51.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Ibid. P. 57.
- ³¹ Ibid. P. 56.
- ³² Ibid. P. 57.
- ³³ Ibid. P. 58.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid. P. 59.
- ³⁶ Ibid.

УДК 327

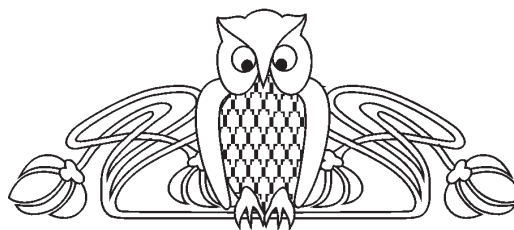
ДВОЙНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ОТНОШЕНИИ АЛЖИРА В КОНЦЕ XX ВЕКА

А. А. Лобашева

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: alena.lobasheva@gmail.com

В статье рассматриваются франко-алжирские отношения в период политического кризиса и вооруженного конфликта в Алжире в 1990-х гг. Автор анализирует основные тенденции взаимоотношений Алжира и Франции через двойственность французской дипломатии в политической и экономической сферах, а также соотношение двустороннего и многостороннего подходов внешней политики Франции к Алжиру.

Ключевые слова: франко-алжирские отношения, борьба с исламизмом, политический и экономический кризис в Алжире, внешняя политика Франции, международное положение Алжира.

Dual Dimension of the French Diplomacy Concerning Algeria at the Close of the 20th Century

A. A. Lobasheva

The present article considers French-Algerian relations during the political crisis and armed conflict in Algeria in the 1990s. The author analyses the main tendencies of interrelations between France and Algeria through duality of the French diplomacy in political and economic fields and also through the balance between bilateral and international approaches of the French foreign policy to Algeria.

Key words: French-Algerian relations, fight against Islamism, political and economic crisis in Algeria, foreign policy of France, international position of Algeria.

Разразившийся в конце 1980-х гг. политический и социально-экономический кризис в Алжире сильно повлиял на его внутреннее и внешнее положение и несет свой отпечаток до сих пор. Именно в тот период в странах Магриба исламистские движения всерьез заявили о себе на политической арене, сформировав собственные партии и открыв для себя новые возможности после демократических реформ в Алжире, Марокко и Тунисе. Вопрос политического фундаментализма остается актуальным в этих странах и в современный период, отличаясь лишь градусом напряженности.

В Алжире исламистское движение сформировалось в 1989 г. в Исламский фронт спасения (ИФС), а политический кризис перерос в вооруженное противостояние, растянувшееся на десятилетие. Борьба с исламизмом стала испытанием не только для Алжира, но и для его ближайших партнеров и, прежде всего, Франции.

Однако, несмотря на то что бывшая метрополия более остальных стран Европы была заинтересована в поддержании стабильности в Алжире, Франция несколько раз на протяжении 1990-х гг. меняла свой подход к двусторонним отношениям, которые осложнились колониальным прошлым.

Доминирующая позиция ИФС после первого тура парламентских выборов в декабре 1991 г. и последовавший государственный переворот перед вторым туром голосования стали шоком для французского политического эстаблишмента. Официальная реакция в Париже на развитие событий была неопределенной и отражала замешательство и раскол внутри правительства. С одной стороны, Франция как демократическая страна должна была поддержать открытый избирательный процесс в Алжире вне зависимости от результата, с другой стороны, приход к власти политического движения, идеологически враждебного Франции, был крайне нежелателен и даже опасен для нее, но это означало прерывание демократического процесса.

Сторонники обоих вариантов не предполагали, что политический кризис в Алжире перерастет через несколько месяцев в гражданскую войну. Мнения разделились между теми, кто верил, что твердая поддержка алжирского режима против того, что представлялось как нарастающий фанатичный бунт будет верной политикой, и теми, кто видел диалог и включение элементов исламистской оппозиции основным средством окончания кровопролития. В результате официальная французская политика регулярно изменялась в течение 1990-х гг. не только в ответ на события в Алжире, но и на политические перемены в самой Франции, где ситуация осложнялась соперничеством министерств внутри одного правительства и политическим союзом между президентом и премьер-министром¹.

Нежелание Франции принять более последовательную и предупредительную политику в от-

ношении алжирского кризиса также усиливалось огромной восприимчивостью внутри Алжира к любому ощутимому вмешательству бывшей метрополии в его внутренние дела. Это относится и к оппозиции, и к правительству страны. Руководство Алжира нуждалось в открытой поддержке Парижа, чтобы заблокировать ИФС дорогу к власти в 1992 г., потому оно агрессивно отвечало на критику Франции по вопросам демократии и прав человека, которые ухудшались по мере эскалации насилия. Некоторые высказывания высших французских чинов в адрес Алжира вызвали столь сильный гнев, что могли вылиться в физическую расправу, а газеты печатали крупным шрифтом заголовки типа «ИФС = Франция – Иран – Судан»², причисляя, таким образом, Францию к числу исламистских государств. Для некоторых элементов алжирской политической оппозиции французская пассивность была равна одобрению государственного переворота и последующих репрессий.

Однако неуверенная, колеблющаяся позиция Франции в политической сфере никак не влияла на финансово-экономические отношения с Алжиром даже в период острой вооруженной конфронтации. Несмотря на то что Франция не одобрила военный переворот и отмену результатов выборов в 1992 г., она постоянно оказывала финансовую помощь правительству Алжира, а также способствовала продвижению его экономических интересов в Европе. Париж не мог определиться в своей оценке к происходящему, однако причиной он безоговорочно называл социально-экономический кризис, в чем сумел убедить и партнеров в европейском содружестве. Франция заявила в 1991 г. о реактивации кредитной линии на 1,7 млрд фр. франков и об увеличении другой кредитной линии с 3 до 4 млрд фр. франков. Кроме того, начиная с 1992 г. Франция предоставляла Алжиру до 6 млрд франков (1,1 млрд долларов), предназначенных на обеспечение закупок товаров в бывшей метрополии³.

По мере эскалации вооруженного конфликта и участившихся террористических актов в Алжире Париж все настойчивее высказывался в поддержку режима без каких-либо условий. Особое беспокойство во французском правительстве вызывали увеличившиеся потоки мигрантов, что подрывало внутреннюю безопасность страны. Потому алжирский вопрос был поднят в министерстве внутренних дел Франции. Глава МВД настаивал на оказании французским правительством безоговорочной помощи алжирскому режиму, так как «выбор стоял между способностью действующего руководства управлять ситуацией и приходом к власти фундаменталистов»⁴. Летом 1993 г. в Национальную ассамблею был внесен «закон Паскуа» об изменении условий въезда и пребывания иностранцев во Франции. Шарль Паскуа, французский министр внутренних дел, влиятельный политик наравне с МИДом Фран-

ции высказывал свою позицию по алжирскому кризису. Его скептицизм в отношении диалога с исламистами был настолько непоколебим, что даже в самые напряженные моменты конфликта он всегда оставался на стороне официального правительства Алжира, что, в конце концов, повлияло на общую линию французской политики.

Впервые позиция Франции в поддержку алжирского правительства была открыто представлена в январе 1992 г. министром иностранных дел Роланом Дюма, однако она содержала ряд принципиальных требований в адрес военного режима. Дальнейшие изменения дипломатия Франции претерпевала под руководством Алэна Жюпе. В интервью 11 августа 1993 г. министр иностранных дел добавил новый элемент во французскую политическую линию, определив некоторую иерархию своих предпочтений. По-прежнему МИД Франции считал первоочередной мерой в достижении стабильности проведение экономической реформы, а затем политический диалог со всеми демократическими силами Алжира. Однако на данном этапе взаимодействие с религиозными партиями не входило в намерения французской дипломатии. Кадровые изменения в Высшем Государственном Совете Алжира и, прежде всего, назначение на пост премьер-министра Реда Малека, а значит, поворот к большему сотрудничеству с европейскими странами, подняли вопрос о внешнем долге Алжира. В связи с чем Жюпе обратился к международному сообществу кредиторов с предложением совместно решить эту многостороннюю проблему и помочь Алжиру. Следующим катализатором к дополнению французской линии стало убийство двух французских и похищение трех французских госслужащих в Алжире, после чего МИД Франции заявил о готовности вести мирный диалог со всеми демократическими силами, отвергающими насилие.

Таким образом, теперь в политическое взаимодействие предполагалось включить и религиозные партии, которые отказались от применения силы. Как более наглядно выразился сам Жюпе, диалог может быть налажен с теми, кто «готов оставить свои автоматы “Калашников” в гардеробе и искать путь к мирному демократическому процессу»⁵.

Постепенно Франция становилась выразителем экономических и финансовых интересов Алжира перед крупными индустриальными державами и ЕС. Кроме того, А. Жюпе пытался убедить своих коллег в ЕС о необходимости оказывать помощь Алжиру, чтобы политический кризис не перекинулся по эффекту домино на соседние страны. Французский министр иностранных дел проводил переговоры о пересмотре алжирского долга также в США и Японии. Последняя, являясь вторым после Франции кредитором Алжира, была крайне заинтересована в достижении стабильности АНДР.

Навстречу алжирскому правительству пошел и Международный валютный фонд, который раз-

блокировал в июне 1991 г. выданный Алжиру ранее кредит в размере 285 млн долларов и предоставил новый кредит на 300 млн долларов. Находясь в Алжире 27 июля 1991 г., генеральный директор МВФ Мишель Камдессю заявил, что «Фонд берет на себя все риски, связанные с Алжиром», так как они «верят в эту страну, которая имеет большое будущее»⁶. Европарламент также одобрил в январе 1992 г. принятие новых финансовых договоров на 1992–1996 гг. по Алжиру, Египту, Ливии, Иордании и Израилю. Однако в резолюции Европарламент просил еврокомиссию не начинать исполнение договора с Алжиром «пока политическая ситуация в этой стране не прояснится»⁷.

Два основных события в 1994 г. повлияли на окончательное определение позиции Франции – это встреча противоборствующих в Алжире сторон в Сан-Эгидио и захват самолета Эйр Франс, совершавшего рейс из г. Алжира в Париж. 8 марта 1995 г. спикер французского правительства Филипп Дуст-Блэзи сформулировал эту позицию следующим образом: «Франция желает, чтобы алжирская экономика и, следовательно, население страны получили международную помощь, на которую они имеют право, и продолжит оказывать свою помощь вместе с Европейским союзом. Во-вторых, Франция не допустит, чтобы нелегальные действия совершались на ее земле и угрожали безопасности. Наконец, она надеется, что Алжир сможет найти выход из нынешней ситуации благодаря политическому диалогу между всеми сторонами, которые отрицают насилие и терроризм. Франция поддержит усилия в этом направлении. Но, естественно, основы политического решения должны быть достигнуты алжирцами самостоятельно»⁸.

С середины 1990-х гг. Франция все более активно старается вывести отношения с Алжиром в многосторонний формат. Как становится понятно из высказывания Ф. Дуст-Блэзи, финансовая помощь Алжиру должна стать заботой всего Европейского союза. Однако Париж, несмотря на громкие заявления о сокращении финансовых вливаний в Алжир и «оказании финансовой помощи Алжиру в соответствии с ритмом его демократических реформ»⁹, снижать уровень поддержки не торопился. Вовлечение в решение финансовых проблем Алжира ЕС позволило бы Франции разделить с европейскими партнерами бремя ответственности за судьбу бывшей колонии. Тем не менее уступать первенство в алжирском вопросе Париж не собирался. Именно поэтому Франция стремилась быть во главе всех акций ЕС по сближению с югом и востоком Средиземноморья.

Новый многосторонний формат средиземноморского диалога открывал Франции широкое поле для дипломатических маневров в отношении всех стран Магриба, потому она способствовала участию Алжира в этом процессе. В 1995 г. на Барселонской конференции министров иностранных дел 27 стран региона Алжир был включен в средиземноморский диалог¹⁰.

Однако французское правительство сделало ставку на восстановление отношений со всеми магрибскими странами, если в Тунисе и Марокко подтверждением тому стали визиты президента Ширака, то в Алжир с визитом направился глава МИД Франции Эрве де Шаретт. Визит Шаретта не случайно состоялся почти сразу после Барселонской конференции, министр иностранных дел Франции не затрагивал вопрос условий предоставления Алжиру финансовой помощи, но четко определил новый подход французской внешней политики к Алжиру как части Магриба, указывая на то, что политический диалог на региональном и евросредиземноморском уровне поможет разгрузить двусторонние отношения.

Такое отстранение нового французского правительства с Жаком Шираком во главе от алжирского вопроса объяснялось осторожностью после пережитых терактов со стороны исламистов во Франции и нового витка насилия в Алжире в 1997 г. Хотя к этому времени уже было понятно, что исламские экстремисты в Алжире были разобщены и не могли вести планомерных боевых действий против правительственных сил. Тем не менее Франция ощутила на себе жестокость алжирского конфликта, к тому же и общественное мнение не поддерживало активного вмешательства Парижа во «вторую войну в Алжире». Согласно опросу, проведенному «L'Événement du jeudi» через неделю после резни в пригородах г. Алжира 28–29 августа 1997 г. (300 жертв), большинство французов высказалось против военного вмешательства Франции в алжирский конфликт, считая, что он представляет серьезную угрозу (74% опрошенных), 50% высказались также против дипломатического вмешательства Франции (45% высказались «за») ¹¹.

Для французов происходящий в Алжире вооруженный конфликт напоминал войну за независимость в бывшей колонии, которую они не хотели пережить еще раз. «Вторая война в Алжире» – этот термин закрепился в исследованиях французских специалистов. Так, известный историк и алжировед Бенжамин Стора даже находит некоторые сходства этих двух войн.

Очевидно, что в 1990-х гг. французское правительство не собиралось вмешиваться в решение внутренних проблем Алжира и решать их военным путем, однако остаться безразличной Франция не могла. Балансируя между своей внутренней безопасностью и моральным долгом перед бывшей колонией, своими демократическими принципами и экономическими интересами, Парижу пришлось вести очень гибкую и осторожную внешнюю политику.

Если в политических вопросах МИД Франции часто проявлял уклончивость и неопределенность, то стержнем французской политической линии стала экономика. Франция на протяжении всего алжирского конфликта активно решала его экономические трудности, оказывая финансовую

помощь в виде новых займов и убеждая основных кредиторов Алжира в необходимости облегчить его долговые обязательства. Однако вывести Алжир из экономического кризиса в одиночку Франция была не в состоянии, потому французская дипломатия направила свои усилия на привлечение ЕС сначала в качестве дополнительного источника финансирования для спасения Алжира, а затем стала рассматривать его и как альтернативный вариант.

В Алжире сложившийся военный режим болезненно реагировал на нестабильную позицию Франции, на обвинения в несоблюдении прав человека, ужесточение миграционной политики. Возможно, более определенная и своевременная реакция французского правительства на события в Алжире помогла бы избежать жестокой вооруженной борьбы и кровопролития мирных алжирцев. Экономические усилия Франции облегчили долговые обязательства Алжира, способствовали привлечению внимания западных стран к алжирскому вопросу, но выход из финансового кризиса был найден только к концу 1990-х гг. благодаря доходам от экспорта углеводородов.

Во второй половине 1990-х гг., когда ситуация в Алжире несколько стабилизировалась, Франция переносит не только экономические, но и политические вопросы в многосторонний формат: в частности, в рамки евросредиземноморского диалога, что позволяет французскому правительству скрыть свою нерешительность и безынициативность.

Таким образом, во французской дипломатии четко прослеживается дихотомия политики и экономики в отношениях с Алжиром, что объясняется как внутренними, так и внешними факторами. Осмотрительность и атлантизм французского правительства компенсировались твердой экономической поддержкой на национальном и международном уровне. Кроме того, Франция активно использовала возможность многостороннего диалога, делая из него подобие ширмы, за которую можно было спрятаться в случае промаха в двусторонних отношениях.

Примечания

- ¹ Willis M. J. Politics and power in the Maghreb : Algeria, Tunisia, Morocco from independence to the Arab spring. Hurt Publishers, 2012. P. 307–308.
- ² Исламский фронт спасения (ИФС) на французском языке имеет аббревиатуру «FIS», что в печатных изданиях было расшифровано «France-Iran-Soudan». См.: Chenal A. La France rattrapée par le drame algérien // Politique étrangère. 1995. № 2. P. 418.
- ³ Бабкин С. Э., Миронова Е. И. Алжир : поиск гражданского согласия. М. : Ин-т Африки РАН, 1999. С. 19.
- ⁴ Après l'attentat contre 5 français à Alger M. Pasqua invite les pays occidentaux à réprimer l'activité des militants islamistes // Le Monde. 1994. 6 aout.

- 5 Un entretien avec le ministre français des affaires étrangères Alain Juppé // *Le Monde*. 1994. 6 septembre.
- 6 *Богучарский Е. М.* Дипломатия и дипломатическая служба Алжира (1961–2006 гг.). М. : Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. С. 150.
- 7 Résolution du Parlement européen du 15 janvier 1992. Service de documentation № B3-0034/92.
- 8 *Chenal A.* La France rattrapée par le drame algérien // *Politique étrangère*. 1995. № 2. 1995. P. 421.
- 9 *Morisse-Schilbach M.* L'Europe et la question algérienne : vers une européanisation de la politique algérienne en France? Presses Universitaires de France, 1999. 152 p.
- 10 *Ланда Р. Г.* Алжир и проблема безопасности Средиземноморья // *Ближний Восток : проблемы региональной безопасности : сб. статей / под ред. Л. Н. Клепацкого*. М. : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. С. 153–162.
- 11 *Stora B.* Ce que dévoile une guerre. Algérie, 1997 // *Politique étrangère*. 1997. № 4. P. 487–497.

УДК 94(4/5+574)

ОПЫТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОЛГОСРОЧНЫХ ПРОГРАММ

М. В. Лапенко

Саратовский государственный университет
E-mail: lapenkomv@mail.ru

В статье рассматривается опыт стратегического планирования на постсоветском пространстве. Посредством сравнительного анализа определены две группы стран СНГ с различным набором долгосрочных программ. Особое внимание уделяется новой стратегии Казахстана – «Стратегия «Казахстан-2050»: Новый политический курс состоявшегося государства».

Ключевые слова: постсоветское пространство, долгосрочное планирование, СНГ, стратегия «Казахстан-2050».

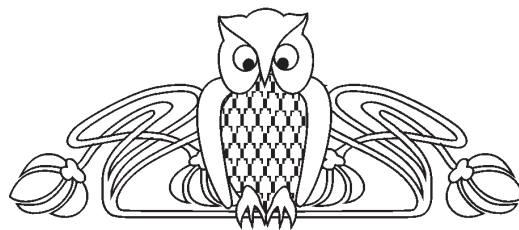
Strategic Planning in Post-Soviet Space: a Comparative Analysis of Long-term Programmes

М. V. Lapenko

The article analyzes the process of strategic planning in the post-Soviet space. Using comparative analysis the author singles out two groups of the CIS countries with different long-term strategies. Special attention is given to the consideration of a new long-term Kazakhstan Strategy known as «Strategy of Kazakhstan-2050: A new political course for Kazakhstan in the fast changing world».

Key words: post-soviet space, long-term strategy, CIS, «Kazakhstan-2050 strategy».

Тенденции развития современной мировой экономической системы в условиях глобализации и необходимость включения новых независимых государств в мирохозяйственные связи вызвали необходимость переосмысления и выработки новых подходов к экономическому развитию. После глубокого социально-экономического кризиса и трансформации экономических систем на первый план выдвинулись проблемы преодоления экономического отставания, конкурентоспособности, модернизации национальных экономик и перехода к инновационной модели развития.

Уровень развития и стартовые возможности стран СНГ в значительной степени отличались друг от друга, что в конечном итоге предопределило набор приоритетных задач. Первые годы существования постсоветских стран характеризовались полной дезинтеграцией и разрывом экономических связей. В настоящее время усилия, предпринимаемые в рамках СНГ (а также более тесных экономических объединений – ЕврАзЭС и ЕЭП), зависят от целого комплекса факторов – таких как экономический потенциал стран-участниц, политическая ситуация и внешнеполитические ориентиры. В этой связи большинство долгосрочных стратегий и программ, принимаемых в рамках интеграционных объединений (более 40 межправительственных соглашений, связанных с инновационной деятельностью в рамках СНГ и ЕврАзЭС), носят декларативный характер и до настоящего момента полностью не реализованы.

Поэтому более важную роль играют национальные стратегии (концепции, программы) модернизации и перехода к инновационному развитию, большинство из них имеют долгосрочный характер и являются своего рода выражением стратегического управления и планирования. Стратегическое управление – это управление с ориентацией на долгосрочные цели и действия и достижение конкретных результатов при наличии способностей своевременного и гибкого реагирования на процессы во внешней среде и проведения необходимых изменений. Стратегическое планирование – это составная часть стратегического управления, которая представляет собой процесс выбора целей и путей их достижения.

В процессе стратегического планирования можно выделить несколько основных составляющих:

- определение миссии и целей;

- анализ среды, включающий в себя сбор информации, анализ сильных и слабых сторон, потенциальных возможностей и т. д.;
- выбор (разработка) стратегии;
- реализация стратегии;
- оценка и контроль выполнения.

Эффективное стратегическое планирование способно обеспечить получение государством на международной политической арене стратегической инициативы, что в современных условиях крайне важно для участия в управлении процессами глобализации, для того чтобы стать реальным субъектом системы мировой политики¹.

Для постсоветского пространства характерно стратегическое планирование, однако можно выделить две группы стран постсоветского пространства, которые принципиально отличаются набором долгосрочных стратегий.

К первой группе можно отнести страны с низкими темпами развития и небольшим экономическим потенциалом, такие, например, как Молдова, Таджикистан и Кыргызстан. Для этих стран наиболее актуальными задачами являются модернизация, преодоление экономического спада, борьба с бедностью, повышение уровня жизни.

Так, в Молдове приняты «Стратегия экономического роста и снижения уровня бедности (2005–2007 гг.)», «Стратегия развития промышленности до 2015 г.», «Стратегия привлечения иностранных инвестиций и продвижения экспорта (2006–2015 гг.)», «Молдавское село», «Стратегия развития аграрного сектора до 2015 г.»². Главная задача реализации данных документов – достижение устойчивого экономического развития.

Вторая группа стран – это страны, которые в своем стратегическом планировании ориентируются на долгосрочные инновационные программы – это такие страны СНГ, как Украина, Беларусь, Россия, Казахстан и Азербайджан. Эта группа стран имеет долгосрочные программы, направленные на структурную модернизацию экономики, повышение ее технологического уровня, переход к инновационному развитию и формированию национальных инновационных систем. При этом долгосрочные стратегии стран СНГ не являются чисто экономическими программами, а включают и военно-политический контекст, политический контекст, государственный контекст и общий контекст. Чем объясняется столь широкий подход к долгосрочному планированию. Во многом это можно объяснить незавершенностью политических реформ, отсутствием гарантий безопасности, потребностью в нахождении своего места в системе международных отношений, все эти аспекты, по мнению авторов долгосрочных программ, по-прежнему влияют на экономическое развитие и определяют успешность реализации подобного рода программ.

Вот лишь несколько примеров документов подобного рода: «Стратегия экономического и социального развития Украины на 2004–2015 гг.»³,

«Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г.»⁴, «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»⁵, Стратегия «Казахстан-2030»⁶.

Главная цель, обозначенная в стратегиях России, Украины и Беларуси, – создание высокоразвитого, высокотехнологичного конкурентоспособного социально-ориентированного государства. В качестве задач называются: необходимость политической стабилизации и достижение политического консенсуса, завершение экономических преобразований, необходимость создания инновационной системы, трансферта технологий, изменение системы финансирования науки и образования, повышение заинтересованности частного бизнеса в инновационной деятельности, формирование законодательства, регламентирующего инновации, необходимость развития человеческого капитала, повышение доходности и общего уровня жизни населения, снижение уровня неравенства и региональной дифференциации.

Безусловным лидером в долгосрочном стратегическом планировании является Республика Казахстан. Стратегия «Казахстан-2030» была принята еще в 1997 г., в конце 2012 г. был разработан новый долгосрочный ориентир – Стратегия «Казахстан-2050», который одновременно является и политическим и экономическим документом⁷.

Главная цель реализации новой стратегии заключается в том, что к 2050 г. Казахстан должен войти в число тридцати самых развитых государств мира. Задача весьма амбициозная и некоторыми воспринимается как декларация в духе «догоним и перегоним», однако, учитывая предшествующий опыт реализации «Стратегии-2030», для многих казахстанцев этот документ может действительно стать жизненным ориентиром.

Программа предусматривает дальнейшее реформирование экономической и политической системы Казахстана с целью перехода к инновационному развитию. Много внимания уделяется необходимости повышения социальной ответственности государства и бизнес элиты, привлечению инвестиций, преодолению сырьевой направленности и активному участию в третьей индустриальной революции.

Как сказал Президент РК Н. А. Назарбаев: «Стратегическое планирование в XXI веке является правилом номер один. Ибо никакой ветер не будет попутным, если страна не знает маршрута и гавани прибытия. «Стратегия-2050», как путеводный маяк, позволяет нам решать вопросы ежедневной жизни людей, не теряя из виду нашей главной цели. Это означает, что мы ежегодно, а не через 30–50 лет, будем улучшать жизнь людей. Стратегия – это программа конкретных практических дел, которые день за днем, из года в год будут делать лучше страну и жизнь казахстанцев»⁸.

В «Стратегии-2050» провозглашается «Новая политика развития инновационных исследований», основанная на трансферте технологий, кооперации науки и бизнеса, создании системы специализированных учебных заведений научно-исследовательского и прикладного образования, развитии ведущих инновационных кластеров.

В сфере науки и образования предусмотрено дальнейшее реформирование с целью подготовки специалистов, востребованных на рынке труда, имеющих необходимые знания и навыки. Среди основных задач: создание сети государственно-частного партнерства для развития системы высшего и среднего образования, разработка много-ступенчатой системы грантов на обучение, создание по всей стране системы специализированных учебных заведений научно-исследовательского и прикладного образования, учитывающих региональную специализацию, введение обязательной производственной практики на предприятиях, модернизация методик преподавания и развитие онлайн-системы образования.

В программе также подчеркивается необходимость участия в масштабных международных научно-исследовательских проектах и развитии транзитного потенциала Казахстана в сфере информационных технологий.

В целом контекст Стратегии свидетельствует о наличии серьезных социально-политических проблем в развитии Казахстана, которые негативным образом отражаются на экономике – сохранение региональных диспропорций, языковая проблема, межэтнический состав, психологическая неподготовленность общества, бизнеса и элиты к внедрению инноваций.

Таким образом, общее состояние модернизационного процесса в странах СНГ находится на начальном уровне и затрагивает только отдельные отрасли экономики, а переход к инновационной модели не осуществлен. Долгосрочные стратегии (программы) носят обобщенный и декларативный характер, отражают степень незавершенности политических и экономических преобразований в постсоветских странах. Стратегии, принятые в начале первого десятилетия XXI века, уже не отвечают реальностям современной ситуации.

Сотрудничество в сфере инноваций развивается, однако в рамках интеграционных объединений оно находится только на начальном уровне, заметные успехи наблюдаются пока лишь на двустороннем уровне и то только в отдельных отраслях, например нефтедобывающей или космической.

В современных условиях вклад науки и техники, инноваций и новых технологий стал решающим фактором социально-экономического развития. Именно поэтому необходима акти-

визация процесса перехода к инновационному развитию и завершение модернизации всей экономической системы не только на национальном уровне, но и в рамках интеграционных объединений (СНГ, ЕЭП, в перспективе Евразийского союза). Долгосрочное планирование должно учитывать необходимость проведения согласованной политики перехода к инновационному развитию, интернационализации науки, интенсификации международного научно-технического сотрудничества и внедрения результатов, создание объединенных инновационных сетей и кластерных структур, формирование единого списка новых технологий и законодательной базы, защиту авторских прав и обеспечение информационной составляющей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-00842 а).

Примечания

- 1 Кокوشي А. А. О стратегическом планировании в политике. М., 2007. С. 21–22.
- 2 Постсоветское пространство в глобализирующемся мире. Проблемы модернизации / отв. ред. Л. З. Зевин. СПб., 2008. С. 132–145.
- 3 Про Стратегію економічного та соціального розвитку України «Шляхом європейської інтеграції» на 2004–2015 роки : указ Президента України від 28.04.2004 р. № 493/2004 // Офіційний Вісник України. 2004. 21 травня.
- 4 Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. URL: <http://www.economy.gov.by/ru/masgoeconomy/nacionalnaya-strategiya> (дата обращения: 05.09.2014).
- 5 О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.
- 6 Стратегия развития Республики Казахстан до 2030 года. URL: http://www.akorda.kz/ru/category/gos_programmi_gazvitiya (дата обращения: 05.09.2014).
- 7 Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н. А. Назарбаева народу Казахстана от 14 декабря 2012 г. «Стратегия «Казахстан-2050» новый политический курс состоявшегося государства» // Казахстанская правда. 2012. 15 дек.
- 8 Нурсултан Назарбаев, президент РК, Послание народу Казахстана «Единая цель, единые интересы, единое будущее», 17.01.2014 г. URL: http://www.akorda.kz/ru/page/page_215750_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-nazarbaeva-narodu-kazakhstan-17-yanvarya-2014-g (дата обращения: 05.09.2014).

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(470.44 – 25) |1837|+929 Александр II

ПОСЕЩЕНИЕ САРАТОВА НАСЛЕДНИКОМ ЦЕСАРЕВИЧЕМ АЛЕКСАНДРОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ В 1837 Г. В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ СТОЛИЧНЫХ И ГУБЕРНСКИХ ГОРОДОВ РОССИИ

А. С. Майорова

Саратовский государственный университет
E-mail: majorova-as@mail.ru

В XIX в. путешествия царственных особ по России становятся элементом подготовки наследника престола к исполнению функций императора. Цесаревич Александр Николаевич в 1837 г., путешествуя по стране, посетил Саратов. Контакты наследника и членов его свиты в губернском городе были ограничены верхушкой местного дворянства, чиновничества и офицерства. Для саратовского дворянства возможность воочию увидеть будущего императора была очень важным событием. Вояж наследника престола был одним из мероприятий, которые реализовывали культурные связи между столичными и губернскими городами России.

Ключевые слова: путешествие наследника престола, культурные связи, воспитатели наследника, саратовские соборы, выставка изделий художеств и промышленности Саратовской губернии 1837 года.

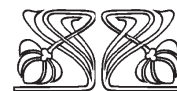
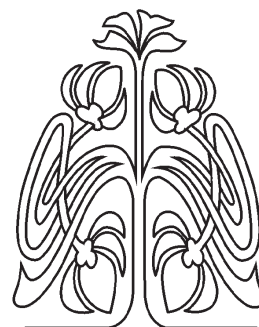
Crown Prince Alexander Nikolayevich's Visit to Saratov in 1837 in the Context of Cultural Communications Between the Capital and Provincial Cities of Russia

A. S. Mayorova

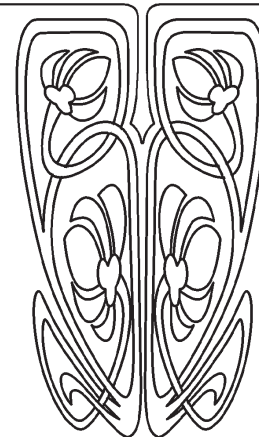
The 19th century saw the royalty's travel around Russia as part of Crown Prince preparation to the Emperor's functions. In 1837, Crown Prince Alexander Nikolayevich came to Saratov during his travel across the country. Crown Prince and his retinue met with the local establishment: gentry, officials and officers. Seeing the future Emperor was a very important event for Saratov gentry. The Crown Prince voyage promoted cultural ties between the capital and provincial cities of Russia.

Key words: Crown Prince travel, cultural ties, Crown Prince educators, Saratov churches, exhibition of arts and industry products in the Saratov province in 1837.

Путешествия правителей Русского государства по территории своих владений – интересная тема для исследований. Формат этих путешествий на протяжении веков менялся, что было связано с изменениями в статусе правителей, с расширением территории государства и со многими другими обстоятельствами. Наибольший интерес у историков вызывали и продолжают вызывать путешествия Екатерины II. Современная исследовательница Н. В. Бессарабова в специальной монографии, посвященной этим масштабным мероприятиям, останавливается на вопросе о том, какие цели стояли перед императрицей при их осуществлении. По ее мнению, это были, в первую очередь, пропагандистские акции – Екатерина хотела «добиться восприятия себя как идеальной царицы, ... источника просвещения и справедливости для всех россиян»¹. Второй целью путешествий Бессарабова называет стремление императрицы принести пользу России – она надеялась, что, узнав свою страну, будет лучше управлять ею, а ее личное присутствие на местах может изменить там что-то к лучшему². Кроме того, совершая

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

поездки по разным регионам России, и особенно в старые русские города, императрица «как будто подчеркивала свою связь с новой родиной»³.

В XIX в. появилась новая форма путешествий царственных особ по России. Подобный вояж становится элементом подготовки наследника престола к исполнению функций императора. Наследник цесаревич Александр Николаевич в 1837 г. отправился в путешествие по стране согласно распоряжению Николая I. Интересные подробности о его подготовке приведены в книге уральского писателя-краеведа Ю. М. Курочкина. В центре внимания автора – личность, дневниковые заметки и рисунки русского поэта В. А. Жуковского, который являлся воспитателем наследника и принимал участие в путешествии⁴. Повествование беллетризировано, в то же время это произведение имеет научную ценность, поскольку в его основу положены разнообразные источники. В частности, Курочкин указывает на содержание программы, составленной императором для этого путешествия. Его маршрут был опубликован в виде брошюры, которая предназначалась для памяти путешественникам и для руководства местным властям, по выражению исследователя⁵. Наследнику предстояло обозреть территории государства от Урала и Сибири на востоке до Смоленска на западе и до Елисаветграда на юге.

В инструкции, которую император составил собственноручно для наследника, было указано: «Путешествие имеет двоякую цель: узнать Россию, сколько сие возможно, и дать себя видеть будущим подданным»⁶. Таким образом, обозначенные цели отчасти сходны с целями аналогичных мероприятий Екатерины II. Однако здесь была и существенная разница, обусловленная тем, что в вояж по России в 1837 г. отправлялся не правящий монарх, а наследник престола. Автор анонимных «Воспоминаний о посещении святыни московской государем наследником» приводит высказывание Жуковского по этому поводу, которое носит романтически-апологетический характер: «... Это было как бы всенародное обручение наследника с Россиею»⁷.

Можно заметить, что подобные путешествия имели еще один аспект, помимо тех, которые осознавались их организаторами и участниками. Николая I волновал, говоря современным языком, вопрос взаимной репрезентации будущего носителя верховной власти – с одной стороны, и тех кругов общества, которые обеспечивали функционирование государственного аппарата на местах, – с другой. В то же время вояж наследника престола можно назвать одним из путей реализации культурных связей между столичными и губернскими городами России. Цесаревич Александр Николаевич и члены его свиты, принадлежавшие к столичной культурной среде, во время посещения губернских городов демонстрировали определенные стороны столичной культуры. Одновременно им предоставлялась возможность

ознакомиться с местными достопримечательностями, которые являлись элементами культурного наследия в регионах России, и с особенностями культурной жизни губернских городов. Курочкин указывает, что перед поездкой Александра Николаевича по России была напечатана книжка под заглавием: «Указание важнейших примечательностей на пути его императорского высочества государя наследника цесаревича»⁸.

Посещение Саратова входило в программу путешествия. Для того, чтобы понять, почему город был удостоен этой чести, следует изучить материалы, касающиеся подготовки маршрута. В настоящее время можно только высказать на этот счет предположения. С одной стороны, возможно, что Николай I считал Саратов городом значительным, достойным внимания. Однако причиной остановки наследника в нем могла быть просто необходимость короткого отдыха цесаревича и его свиты после утомительных переездов. Рассмотрение пребывания Александра Николаевича в Саратове позволяет выяснить, какие достопримечательности осматривал наследник в городе, кто из местных должностных лиц (или знаменитостей) был удостоен его внимания, какие учреждения он посещал. На основании этого можно составить представление о том, что было известно о Саратове в правительственных сферах, какие стороны жизни города казались интересными императору Николаю, который составлял программу путешествия для наследника престола.

Для саратовцев в первой половине XIX в. визит царственной особы представлялся редким событием. По этому поводу можно привести рассуждения священника А. Росницкого, автора очерка о посещении Александром Николаевичем церковью Саратовской епархии. Он пишет, что Саратов, удаленный от столиц, «редко имел счастье зреть на своих стогнах кого-либо из особ царского дома»⁹. Росницкий напоминает читателю о посещении города Петром I и подчеркивает, что только через 115 лет после этого «Саратовский край посетил венценосный потомок Петра Великого»¹⁰ (император побывал в Саратове во время следования в Персидский поход в 1722 г.). В 20-е годы XIX века саратовцы надеялись увидеть на своей земле царствующую особу, но ожидания не оправдались. Этот эпизод освещен в «Записках о Саратове» местного чиновника К. И. Попова, составленных в 50-е годы XIX века¹¹. В 1824 г. император Александр I посетил Пензу, предполагали, что он приедет и в Саратов. Попов рассказывает о действиях губернской администрации, связанных с ожиданием его прибытия в город. А. Д. Панчулидзе, который был тогда саратовским губернатором, «принял все меры для приведения Саратова в должную опрятность и чистоту»¹². По словам мемуариста, в течение двух месяцев, мая и июня, в городе была «ужасная суета». Полицейские чины «перебегали из дома в дом, побуждая владельцев к исполнению приказаний». Возле домов и на

крышах «рабочий народ суетился ... с судомойками, мочальными кистями, с разными посудами, наполненными красками»¹³.

Всем домовладельцам пришлось красить не только дома и ворота, но и надворные строения. «Даже избушки и лачужки заставляли красить мелом и сажею», а крыши покрывали красной краской, изготовленной из пережженной в печах красной глины, разведенной на воде. В результате, по словам Попова, «Саратов преобразился, нарядился в какую-то разнообразную пестроту»¹⁴. Если учесть, что в городской застройке преобладали бедные домики, окраска которых представляла сочетание белого, черного и красного, то впечатление пестроты от внешнего вида города не удивительно. Можно думать, что в течение двух месяцев «рабочий народ» вынужден был постоянно подновлять эту «красоту», потому что создавалась она красками, разведенными на воде. В случае дождя она смывалась, но зато все обходилось очень дешево.

Интересна еще одна подробность внешнего облика Саратова, о которой сообщает Попов в связи с описанием подготовки к приезду императора. Были приняты меры к «очистке самих улиц и площадей»: «грязные и заросшие травой улицы и площади чистили и все свозили в овраг». В период ожидания царственной особы их подметали «почти каждый день»¹⁵. Названные Поповым мероприятия позволяют сделать вывод о том, что в повседневной жизни Саратова очистка улиц и даже площадей от травы (скорее всего и от навоза) не практиковалась и подметание улиц считалось ненужной роскошью. О том, как готовились саратовцы к приезду наследника цесаревича в 1837 г., мы можем только предполагать, поскольку Попов довел свое повествование до 1835 г. Не исключено, что встреча Александра Николаевича а Саратове имела в качестве прелюдии «ужасную суету», наподобие той, которая наблюдалась в ожидании Александра I.

Саратовские краеведы обращались к сюжетам, связанным с пребыванием наследника цесаревича на территории губернии. Первой работой на эту тему был очерк А. Росницкого, опубликованный в «Прибавлениях к Саратовским губернским ведомостям» в 1843 г. Основное внимание в очерке уделено посещению Александром Николаевичем церквей и монастырей в Саратове¹⁶. А. Ф. Леопольдов в «Историческом очерке Саратовского края» вкратце перечислил мероприятия, о которых писал его предшественник, и привел дополнительные сведения о визите цесаревича¹⁷. Он упоминает о денежных пожертвованиях наследника престола в пользу бедного населения в Саратове и в селе Широкий Буерак и называет их суммы. Кроме того, Леопольдов достаточно подробно описывает состав экспонатов выставки «произведений здешнего края», которая была подготовлена в Саратове к приезду высокого гостя¹⁸.

В «Саратовской летописи», составленной Ф. В. Духовниковым и Н. Ф. Хованским для сборника «Саратовский край», отмечено пребывание в губернском городе наследника престола. Однако составители летописи называют другие даты этого события, нежели их предшественники. Здесь встречаем заметку: «26 и 27 июня. Посещение Саратова наследником цесаревичем в Бозе почившим императором Александром Николаевичем». К заметке добавлена информация об открытии первой публичной выставки произведений Саратовского края¹⁹. Вновь к этому сюжету саратовские историки стали обращаться в конце XX века. Краткая информация о ряде мероприятий, связанных с данным событием, содержится в статье С. А. Мальшкина и В. П. Тотфалушина, посвященной биографии начальника конно-артиллерийского резерва генерал-лейтенанта И. К. Арнольди²⁰. Авторы статьи приводят сведения из дневников Жуковского о смотре артиллерии в Саратове, присутствии наследника престола на учениях и о визите высокопоставленного гостя к Арнольди. В статье И. А. Жуковой «Августейшие визиты» пребывание наследника престола в Саратове в 1837 г. рассмотрено в контексте сведений о посещении города представителями царствующего дома в течение XIX–начала XX в.²¹ Следует подчеркнуть, что Жукова, в отличие от своих предшественников, останавливается на вопросе об источниках, которые служат основанием для освещения пребывания Александра Николаевича в Саратове.

Количество источников по данной теме к настоящему времени остается немногочисленным. Затруднение вызывает вопрос о том, какими материалами пользовались А. Росницкий и А. Ф. Леопольдов – авторы, которые первыми описали эти события. Можно предполагать, что они обращались к публикациям в столичных газетах. Во время путешествия наследника престола заметки о нем публиковались в «Северной пчеле» и в «Санкт-Петербургских ведомостях». Как общал в одном из своих писем С. А. Юрьевич, находившийся в числе сопровождавших цесаревича лиц, им было предписано делать записи об увиденном и отправлять их в столицу. Эти заметки служили основанием для газетных сообщений о путешествии²².

События, связанные с пребыванием Александра Николаевича в Саратове, отражены также в неофициальных источниках: дневниках В. А. Жуковского²³ и в письмах С. А. Юрьевича²⁴, которые сопровождали наследника престола в его поездке. Оба автора входили в состав свиты наследника, оба они были воспитателями цесаревича. Имя Жуковского, крупнейшего русского поэта первой половины XIX века, не нуждается в комментариях. Юрьевич в 1837 г. после завершения трудов по воспитанию Александра Николаевича был назначен флигель-адъютантом к императору и оставлен при особе наследника. Находясь в его

свите, Юрьевич вел его переписку. Для саратовцев его личность интересна тем, что он был женат на Е. А. Ниротморцевой²⁵, которая получила в качестве приданого имение в Саратовской губернии. Письма Юрьевича, написанные во время путешествия наследника, были адресованы жене. Правда, она жила тогда не в саратовском имении, а в Царском Селе.

Дневники Жуковского и письма Юрьевича отражают эмоциональное восприятие событий, происходивших в городах, где останавливался наследник. В них нет перечисления всех объектов, которые входили в программу посещения. При этом они содержат подробности, которые отсутствуют в официозном описании пребывания наследника в Саратове. Так, из письма Юрьевича от 30 июня мы узнаем о том, что в первый день его пребывания в городе лил проливной дождь и что саратовские дамы столпились при выходе из церкви, когда из нее выходил Александр Николаевич. (Подобное повторилось и в Пензе, даже с большим размахом – автор письма назвал это «настоящим сражением».)²⁶ Юрьевич сравнивает этот слишком горячий прием, оказанный саратовскими и пензенскими дамами наследнику, с тем, что было в других городах. Оказывается, что обычно сопровождавшие наследника престола лица «терпели давку от мужчин», а в Саратове и в Пензе отличились представительницы слабого пола. Как Юрьевич, так и Жуковский достаточно подробно пишут о бале, на котором был наследник в губернском городе, называют фамилии дам, с которыми он танцевал, и высказывают некоторые замечания относительно их наружности и поведения. О посещении гражданских и благотворительных учреждений, учебных заведений, военных подразделений, церковных служб и т. п. оба названных автора упоминают только вскользь.

Росницкий при описании посещения цесаревичем церкви и монастырей Саратовской епархии наиболее подробно повествует о том, что происходило в Саратове. Он рассказывает также о присутствии Александра Николаевича на богослужениях в церквях Хвалынска и Вольска²⁷. В очерке есть упоминание о посещении им церковей в Петровске и в селе Широком Буераке²⁸. Относительно Петровска в официальных отчетах, которыми пользовался Росницкий, возможно, была допущена неточность. В дневниковых записях Жуковского сказано: «Петровск мы проехали, не останавливаясь»²⁹. Описывая посещение наследником саратовских церковей, Росницкий называет также и другие объекты в губернском городе, которые удостоились его внимания. При рассмотрении событий, связанных с пребыванием наследника цесаревича в Саратове, следует иметь в виду, что все его передвижения в городе и практически все его действия были регламентированы императором.

Курочкин подчеркивает, что в инструкции, составленной для путешественника, были даны

указания, где следует побывать (а где – нет), что и как смотреть, когда ложиться спать и когда вставать, когда и с кем обедать и ужинать, какие балы и приемы посещать, с кем из дам танцевать и что именно танцевать. (С «некоторыми из “почетных дам” – польский... с молодыми же знакомыми и лучше воспитанными – французские кадрили две или три»)³⁰. Таким образом, у наследника престола не было возможности для проявления собственной инициативы в выборе объектов посещения во время путешествия. И даже участие в увеселениях для Александра Николаевича было ограничено не только рамками этикета, но и заранее предписанной программой.

Находясь в пути, цесаревич мог останавливаться для осмотра «любопытных предметов». Однако при этом он не должен был «принимать» ни обедов, ни завтраков. Указания, данные в инструкции путешественнику, показывают, что наследник должен был демонстрировать приверженность православной вере. В губернских городах ему полагалось, прежде всего, посетить собор «или даже в уездах те места, где хранятся предметы особого богомолья»³¹. Предписание императора исполнялось. Росницкий, ссылаясь на газеты, которые освещали вояж цесаревича, пишет, что везде «первоначально он посещал храмы божии»³².

Представители светских и духовных властей на местах оповещались заранее о прибытии наследника со свитой. Росницкий пишет, что епископ Иаков, который возглавлял Саратовскую епархию, получил «предварительное уведомление» из Синода от 9 апреля 1837 г. (наследник отбыл в путешествие из Царского Села 2 мая³³). Саратовский генерал-губернатор И. М. Бибииков со своей стороны также обратился к епископу с подобным сообщением. О необходимости приготовления к «торжественной приличной встрече высокого путешественника» получили указания настоятели монастырей, соборов, благочинных церковей, «состоящих на тракте путешествия его высочества по Саратовской губернии»³⁴. Вероятно, во всех губерниях, по которым проследовал цесаревич, тоже были получены предварительные уведомления и сделаны соответствующие распоряжения.

На основании газетных сообщений Росницкий писал, что Александр Николаевич посещал по пути своего следования «заведения общественные, учебные, гражданские, военные»³⁵. Как видно из писем Юрьевича, во всех губернских городах цесаревич обязательно осматривал «богоугодные и училищные заведения». В Саратове он 27 июня посетил губернскую гимназию, Александровскую больницу и богадельню. 28 июня – выставку изделий художеств и промышленности губернии. Саратовская выставка не была результатом инициативы местных властей. Судя по тому, что писал Юрьевич, каждый губернский город показывал цесаревичу и его свите «выставку

местных произведений». Вероятно, в период подготовки этого путешествия на места были разосланы циркуляры об их организации. В дневниковых записях Жуковского названы некоторые «местные произведения», представленные на саратовской выставке. Он называет кожи (очевидно, имеются в виду выделанные кожи), «изделия» колонистов, особо отмечая при этом табак и «серпянку» (сарпинку), и шали³⁶.

Довольно подробно рассказывает о составе экспонатов выставки А. Ф. Леопольдов. Можно предположить, что в его распоряжении были документы, в которых фиксировались подробности создания выставки. Леопольдов перечисляет продукты земледелия, животноводства, промыслов и продукцию, которая была результатом их переработки. Довольно значительное место на выставке занимали изделия местных ремесленников, в том числе ювелиров и мебельщиков. Среди саратовцев были и мастера по изготовлению музыкальных инструментов, иконописцы. Интересно упоминание о том, что на выставке наследник престола купил шаль фабрики Колокольцева и два ковра фабрики Сивериной. При этом Леопольдов указывает сумму, которую заплатил цесаревич за покупки – тысячу рублей³⁷. Информация о покупках на выставке требует подтверждения, поскольку Леопольдов относится к числу авторов, которые стремились украсить свое повествование эффектными подробностями, не заботясь об их соответствии действительности. Однако сам факт экспонирования на выставке шалей, как мы уже видели, находит подтверждение в дневниках Жуковского.

К числу объектов, которые входили, так сказать, в обязательную программу для посещения наследником, относились «военные заведения». В Саратове цесаревич обозревал 9 батарей конно-артиллерийского резерва, он побывал и в лазарете этого воинского формирования³⁸. В дневниках Жуковского упоминается также, что у великого князя 28 июня состоялся «обед с артиллеристами»³⁹ (скорее всего, к обеду были приглашены офицеры конно-артиллерийского резерва). В тот же день Александр Николаевич посетил тюремный замок⁴⁰.

Официальный характер имело присутствие цесаревича на богослужении в саратовском Александро-Невском соборе в первый день его пребывания в городе. 27 июня совершался молебен в память Полтавской победы. Вероятно, прибытие цесаревича к этому торжественному дню в губернский город и присутствие на молебне были заранее предусмотрены. Росницкий подробно описывает порядок совершения молебна и литургии с указанием имен церковнослужителей, места, которое занимал в соборе царственный гость и его свита, расположения всех присутствующих. Кроме посещения собора, в тот же день цесаревич принимал саратовского епископа Иакова, который представил ему архимандритов саратовского Спа-

со-Преображенского монастыря и николаевского Воскресенского. Епископ Иаков был приглашен к обеду наследника⁴¹. Все эти мероприятия входили в круг предусмотренных программой путешествия. На следующий день цесаревич посетил саратовские монастыри, вначале – женский Крестовоздвиженский, а позднее – мужской Спасо-Преображенский. В соборах обоих монастырей он выслушал многолетие и принял подарки. Подарок от мужского монастыря представлял собой икону Преображения, а монахини женского монастыря постарались порадовать царственного гостя своим рукоделием. Поднесенная ими икона Смоленской Богоматери была работой сестер, так же, как расшитый золотом портфель малинового бархата с вензелем наследника⁴². Особый интерес имеет эта информация для изучения истории изобразительного искусства в Саратовской губернии. Ведь о том, что в женском монастыре были монахини, занимавшиеся иконописью, пока нет других сообщений, кроме очерка Росницкого.

Упоминания о некоторых лицах, оказавшихся в поле зрения наследника и его свиты в Саратове, встречаются в дневниковых заметках Жуковского. Они интересны для изучения круга представителей местного «высшего общества». Чаще всего автор дневника просто называет фамилии тех, с кем общался, иногда упоминает темы разговоров. Встречаются и краткие характеристики. Директора саратовской гимназии Я. Э. Миллера Жуковский назвал «замечательным человеком»⁴³. О епископе Иакове он высказался довольно резко: «...фанатик умный, но грубообразованный». Несколько загадочной представляется заметка: «Доморацкая дева-поэт». Публикатор дневников Жуковского высказал предположение о возможности отождествления этой личности с Анной Петровной Домогацкой, чье стихотворение было опубликовано в 1843 г. в журнале «Библиотека для чтения»⁴⁴.

Сведения о пребывании наследника престола в Саратове в 1837 г. показывают, что все посещения и встречи, которые состоялись в течение двух дней в губернском городе, осуществлялись по предписаниям императора. Круг общения Александра Николаевича был ограничен представителями местного высшего чиновничества, офицеров, архиерея и настоятелей монастырей. Единственным массовым по своему характеру мероприятием был бал, данный в губернском собрании. О нем пишут Жуковский и Юрьевич. Здесь саратовские дворяне могли вблизи увидеть наследника престола, а некоторые дамы удостоились чести поганцевать с ним. Саратовские жители, не принадлежавшие к дворянскому сословию, могли увидеть цесаревича во время церковной службы в соборе, а если хотели подойти поближе, то нужно было занять удачное место в толпе при выходе из храма. Росницкий упоминает о том, что полиция вынуждена была сдерживать напор толпы у дверей собора и что наследник «удосто-

ил» народ «воззрением самым благосклонным»⁴⁵. Однако, как мы знаем из писем Юрьевича, в первых рядах этой толпы были не простолюдины, а местные дамы. На следующий день, после выхода Александра Николаевича из Крестовоздвиженского монастыря, он увидел, что вокруг собрался народ, и наградил толпу «приятным взглядом»⁴⁶.

Контакты наследника императора и членов его свиты, которые принадлежали к высшему культурному слою российского общества, в губернском городе были ограничены в основном верхушкой местного дворянства, чиновничества и офицерства. Для цесаревича это был все тот же культурный круг, в котором он находился с самого рождения. Однако для саратовского дворянства возможность воочию увидеть будущего носителя верховной власти была событием очень значительным. Вояж наследника престола в определенном смысле являлся одним из мероприятий, которые реализовывали культурные связи между столичными и губернскими городами России. Если говорить точнее, речь идет о культурных связях между высшими кругами дворянства во главе с императором, которые пребывали в столицах, и основной массой дворянства, для которой губернские города были своими маленькими столицами.

Примечания

- 1 Бессарабова Н. В. Путешествия Екатерины II по России. М., 2005. С. 103.
- 2 Там же. С. 104.
- 3 Там же.
- 4 Курочкин Ю. М. Уральский вояж поэта. Челябинск, 1988.
- 5 Там же. С. 7.
- 6 Там же.
- 7 Воспоминание о посещении святыни московской государем наследником. СПб., 1848. С. 3.
- 8 Курочкин Ю. М. Указ. соч. С. 7.
- 9 Росницкий А. Посещение церковью Саратовской епархии государем наследником цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 году // Прибавления к Саратовским губернским ведомостям. 1843. № 36.
- 10 Там же.
- 11 [Попов К. И.] Записки о Саратове К. И. Попова // Саратовский край : исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 155–236.
- 12 Там же. С. 175.
- 13 Там же. С. 176.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 Росницкий А. Указ. соч. // Прибавления к Саратовским губернским ведомостям. 1843. № 36, 37, 38.
- 17 [Леопольдов А. Ф.] Исторический очерк Саратовского края. Соч. А. Леопольдова. М., 1848. С. 147–152.
- 18 Там же. С. 149–152.
- 19 Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край : Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 69.
- 20 Мальшикин С. А., Тотфалушин В. П. Письмо из Саратова // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 1997. С. 42–43.
- 21 Жукова И. А. Августейшие визиты // Памятники Отечества. 1998. № 39 (1–2). Сердце Поволжья. С. 22–29.
- 22 Дорожные письма С. А. Юрьевича во время путешествия по России наследника цесаревича Александра Николаевича в 1837 году // Русский архив. 1887. Кн. 1, вып. 1–4. С. 449.
- 23 [Жуковский В. А.] Дневники В. А. Жуковского. СПб., 1903. С. 333–334.
- 24 Дорожные письма С. А. Юрьевича ... // Русский архив. 1887. Кн. 2, вып. 5–8. С. 56–57.
- 25 Там же. Кн. 1, вып. 1–4. С. 441.
- 26 Там же. С. 56.
- 27 Росницкий А. Указ. соч. // Прибавления к Саратовским губернским ведомостям. 1843. № 37.
- 28 Росницкий А. Указ. соч. // Прибавления к Саратовским губернским ведомостям. 1943. № 36.
- 29 [Жуковский В. А.] Дневники В. А. Жуковского ... С. 334.
- 30 Курочкин Ю. М. Указ. соч. С. 7.
- 31 Там же. С. 8.
- 32 Росницкий А. Указ. соч. // Прибавления к Саратовским губернским ведомостям. 1843. № 36.
- 33 [Жуковский В. А.] Дневники В. А. Жуковского ... С. 314.
- 34 Росницкий А. Указ. соч. // Прибавления к Саратовским губернским ведомостям. 1843. № 36.
- 35 Там же.
- 36 [Жуковский В. А.] Дневники В. А. Жуковского ... С. 333.
- 37 [Леопольдов А. Ф.] Указ. соч. С. 149–152.
- 38 Росницкий А. Указ. соч. // Прибавления к Саратовским губернским ведомостям. 1843. № 38.
- 39 [Жуковский В. А.] Дневники В. А. Жуковского ... С. 334.
- 40 Росницкий А. Указ. соч. // Прибавления к Саратовским губернским ведомостям. 1843. № 38.
- 41 Там же.
- 42 Там же.
- 43 [Жуковский В. А.] Дневники В. А. Жуковского ... С. 333.
- 44 Там же. С. 334.
- 45 Росницкий А. Указ. соч. // Прибавления к Саратовским губернским ведомостям. 1843. № 38.
- 46 Там же.

УДК 902(470.44/47)+929Баллод

ПРОФЕССОР ФРАНЦ БАЛЛОД (к 95-летию первой археологической экспедиции Саратовского университета)

Н. М. Малов

Саратовский государственный университет
E-mail: malovnm@mail.ru

В статье рассматривается научная, педагогическая и музейная деятельность Ф. В. Баллода, проработавшего профессором Саратовского государственного университета почти 5 лет (1918–1923). Статья приурочена к 95-летию организации и проведения Саратовским университетом первой археологической экспедиции, состоявшейся в июне 1919 г. на Увекском городище под руководством Баллода. В Саратовском университете Баллод является автором первой публикации и монографии по археологии Нижнего Поволжья. Франц Вальдемарович проводил полевые исследования в годы Гражданской войны, голода и эпидемий. Профессор Ф. В. Баллод внес заметный вклад в становление гуманитарного образования и археологической науки в Саратовском университете, а также в изучение древностей Нижнего Поволжья и городищ – бывших столиц Золотой Орды. Ключевые слова: Франц Баллод, Саратовский университет, археология, Нижнее Поволжье.

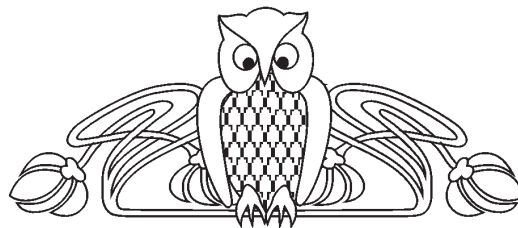
Professor Franz Ballod (to the 95th anniversary of Saratov University first archaeological expedition)

N. M. Malov

The paper deals with scientific, pedagogical and museum activities of F. V. Ballod who was a professor at Saratov State University for nearly five years (1918–1923). The paper is dedicated to the 95th anniversary of the first archaeological expedition organized and accomplished by Saratov State University in June 1919 at the Uvek settlement. The expedition was led by professor Ballod. Among Saratov University scholars, Ballod was the first one to produce a published paper and a monograph on archaeology of the Lower Volga Region. Franz Voldemarovich went on with field research during the years of the civil war, famine and epidemics. Professor F. V. Ballod has contributed greatly to the development of studies in the Humanities and archaeology at Saratov University, as well as to antiquity studies of the Lower Volga Region and settlements that once used to be the Golden Horde capitals.

Key words: Franz Ballod, Saratov University, archaeology, Lower Volga Region.

По распоряжению Временного правительства в начале 1917/18 учебного года в Саратовском университете (СГУ) открылся историко-филологический факультет. Вскоре произошла Октябрьская революция, положившая начало коренному переустройству всей системы вузовского образования в России. Осенью 1918 г. «перед коллективом университета была поставлена задача – изменить идейно-политическое содержание лекций и создать для пролетарского студенчества такие

условия, при которых оно имело бы неограниченный доступ во все библиотеки и архивы для самостоятельной работы по овладению наукой»¹. Выполнять эту задачу и была призвана группа московских преподавателей, в которую входил археолог и египтолог, латыш по национальности Франц Баллод, прибывшая в Саратов для организации историко-филологического факультета². Ф. В. Баллод (08.07.1882, Вальмиер – 08.08.1947, Стокгольм) принадлежал к числу преподавателей, стоявших у истоков историко-филологического, археологического и искусствоведческого образования в СГУ³.

Франц-Александр Вальдемарович Баллод (Францис Александрс Балодис) родился в небольшом старинном городе Вальмиере (Вольмар) Лифляндской губернии⁴. Интерес к археологии закладывался у Франца с детских лет в семье. Дело в том, что его отец Вальдемарс Балодис, преподававший Закон Божий и пение в Вальмиерском приходском училище, был известным местным краеведом, занимавшимся археологией. Вальдемарс дослужился до должности губернского секретаря, что давало возможность его детям бесплатно учиться в гимназии.

После окончания рижской гимназии Франц поступил на теологический факультет Дерптского (Тартуского) университета, где по собственной инициативе интересовался археологией, историей Древнего Египта и Ближнего Востока, изучал древнееврейский язык. После успешного окончания университета, чтобы не идти служить в армию, работал с осени 1906 г. учителем немецкого языка в семиклассном техническом училище уездного города Клинцы бывшей Черниговской губернии⁵. Однако здесь он пробыл недолго.

Франца пригласили в Москву, где он с осени 1907 г. работал учителем немецкого языка и классным наблюдателем в Коммерческом училище имени Цесаревича Алексея. Одновременно Баллод также преподавал немецкий язык в Торговых классах Московского общества по распространению коммерческого образования, в женской гимназии Е. Е. Констант и с 1908 г. – в Московском сельскохозяйственном институте. В этом институте и Алексеевском училище Франц преподавал до 1917 г. В Москве Баллод женился летом 1908 г. на Александре Ивановне Кубаревой – дочери клинцовского мещанина, работавшей домашней учительницей. Супруга происходила из старообрядческой семьи, жених – лютеранин⁶. Летом 1909 г. Франца командировали на раскопки

в Прибалтийский край, отчёт о которых опубликован в трудах Московского предварительного комитета по устройству Археологического съезда.

Занимаясь педагогической деятельностью, Баллод параллельно закончил Археологический институт с защитой диссертации, а в 1911 г. – сокращённый курс историко-филологического факультета Московского университета, куда потом поступил в магистратуру. Московский Археологический институт командировал Франца Владимировича как оставленного для подготовки к профессуре в Мюнхенский университет. Профессор Московского университета и Археологического института В. К. Мальмберг рекомендовал Баллода для продолжения дальнейшей учебы германскому египтологу профессору Ф. В фон Биссингу. В Мюнхенском университете Франц прослушал курс египтологии и защитил под руководством барона Биссинга магистерскую диссертацию по этому научному направлению.

Вернувшись в Московский археологический институт, Баллод работает здесь с 1912 по 1918 г. приват-доцентом кафедры теории и истории искусства, где читает курс египтологии. Перед приездом в Саратов Баллод был профессором Московского Археологического института, а с 1914 г. – приват-доцентом Московского университета⁷. При царском режиме Франц Владимирович дослужился до чина коллежского советника – награждён орденами св. Станислава III и св. Анны II степени⁸.

Баллод проработал профессором СГУ 5 лет (1918–1923). В Саратове он проживал в доме № 48 на углу Гимназической (ул. Н. А. Некрасова) и Введенской (ул. Революционная), это территория современного Волжского района. На новом факультете предоставлялась возможность получить звание профессора без защиты диссертации, поскольку по декрету СНК от 1 октября 1918 г. оно было оставлено только в высшей школе. В соответствии с этим декретом к концу учебного года как специалист по восточному искусству – египтолог, магистр теории и истории искусств, доцент Московского университета – Франц Владимирович избирается 27 мая 1918 г. профессором кафедры теории и истории искусств СГУ.

Здесь он читает курсы по истории искусств и археологии, заведует кабинетом аналогичного названия. При Баллоде в кабинете кафедры истории искусств и археологии имелось более 1000 наименований книг, числом томов 1860. Он обращается с просьбой к Б. А. Тураеву прислать книги для научной библиотеки СГУ⁹. Под руководством Франца Владимировича и С. В. Меликовой для 15–20 студентов велись три семинара по классической филологии, египетским и греческим текстам. Таким образом эти дисциплины в университете впервые стал преподавать именно профессор Баллод, продолжавший достаточно плодотворно заниматься египтологией. В августе 1922 г. он выступил с интересным докладом по искусству

эпохи Эхнатона на Первом Всероссийском съезде египтологов, в дискуссии по которому выступили: И. Г. Франк-Каменецкий, А. В. Шмидт, А. А. Захаров, Н. Д. Флиттнер, Т. Н. Козьмина-Бороздина, А. В. Живаго, В. В. Струве¹⁰. В Саратове была опубликована статья Баллода «Мистические действия в древнем Египте» и книга «Очерки истории древнеегипетского искусства»¹¹.

Вскоре на историко-филологическом факультете Саратовского педагогического института, деканом которого был Баллод с апреля 1919 по май 1921 г., открывается отделение истории искусств и археологии. В последующем ряд выпускников этого отделения работали научными сотрудниками в саратовских музеях и в СГУ. Некоторые из них, как, например, К. Папа-Афанасопуло, А. Н. Кушева-Грозевская, занимались изучением золото-ордынских и сарматских древностей¹². Будущая сотрудница Радищевского музея Н. И. Оболенская в 1920 г. поступила, а в 1924 г. закончила это отделение педфака СГУ. В начале 1920-х гг. предпринимаются попытки организовать историко-краеведческие и археологические научные институты в Москве, Санкт-Петербурге, Одессе, Киеве, Саратове и других городах. В 1920 г. такой институт создается при СГУ и первым его директором становится Баллод, которого в 1924 г. на этой должности сменил профессор П. С. Рыков¹³.

В первые годы советской власти Баллод участвовал в реорганизации музея СУАК и курировал вопросы охраны памятников Саратова и Саратовской губернии. Профессор вступил в СУАК (27. 10.1918), потом – в преобразованную в общество Истархэт при СГУ. Вскоре именно Францу Владимировичу пришлось начинать процедуру регистрации вещей музея СУАК¹⁴. В 1919 г. он руководил научной секцией Подотдела музеев и охраны памятников искусства и старины при Губотнаробе Саратовского ГубОНО. В 1920–1921 гг. Франц Владимирович на общественных началах заведовал историко-археологическим и историко-художественным отделами областного Саратовского музея и входил в состав правления Истархэт. Баллод дал показания в скандальном судебном процессе не в пользу А. Д. Скалдина, «обвиняемого» в присвоении ценностей Радищевского музея.

В СГУ Баллод возглавил первую археологическую экспедицию, он был автором первой публикации по Увеку и монографии по археологии Нижнего Поволжья. В 1919 г. историко-филологический факультет СГУ совместно с Подотделом Губернского отдела народного образования по делам музеев и охране памятников старины и Педагогическим институтом провёл первую археологическую экспедицию, которой руководил Франц Владимирович. Полевые исследования были осуществлены на золотоордынском Увекском городище¹⁵. Они носили охранный характер и были связаны с предполагаемым строительством железнодорожного моста через Волгу и сооружением

одного из форпостов Саратовского укрепленного района. В результате строительных работ могла быть разрушена часть сохранившихся на городище объектов золотоордынской архитектуры и культурного слоя. Расходы на раскопки составили 12976 рублей 7 копеек. В экспедиции СГУ, продолжавшейся на Уевке 12 дней (с 10 по 25 июня 1919 г.), участвовало 33 студента – рабочих.

Военный совет Саратовского укрепленного района выдал разрешение на раскопки, съёмку планов и фотографирование объектов полевых исследований. Рязано-Уральская железнодорожная администрация позволила выделить для археологов в безвозмездное ежедневное пользование вагон: утром – на Уевку, вечером обратно – в Саратов. Строители снабдили экспедицию инструментом: лопатами, кирками, ломками и топорами. Существенным подспорьем было то, что все участники экспедиции получали дополнительный паёк хлеба. В определенной степени благожелательное расположение советской власти к раскопкам на Уевке можно объяснить необходимостью возведения форпоста укрепленного района, поскольку летом 1919 г. губерния переживала один из опасных и трудных эпизодов Гражданской войны – Саратов стал прифронтовым городом. Вскоре после завершения раскопок на Уевке, в середине июля 1919 г., армия генерала А. И. Деникина близко подошла к «Красному Саратову». Баллод вместе с другими преподавателями СГУ участвовал в вырубке просеки на «Содомовских дачах» во время наступления на Саратов войск А. И. Деникина¹⁶.

Практические работы студентов СГУ в Уевской экспедиции дополнялись теоретическим курсом по археологии Восточной Европы, прочитанным Баллодом. По окончании раскопок профессор прочел публичную лекцию. Вещи, обнаруженные на Уевке, были сданы в музей университета, а из раскопок горнов – в бывший музей СУАК. Отчёт с рисунками о полевых исследованиях на Уевке оперативно издали в этом же году в виде брошюры. Баллод изложил сведения о исследованных «зданиях», погребениях, горнах, изразцах и других находках, а также осветил историю изучения памятника и историографию вопроса. Относительно увекской бокки профессор справедливо отметил, что она не совсем верно реставрирована А. А. Кротковым. В этой связи Баллод обратил внимание на рисунок головного убора такого типа, который сохранился на монастырской фреске Бецеклик близ Муртака из Берлинского музея¹⁷. Существенное значение для продолжения археологических исследований имело то, что М. П. Покровский, отмечая расцвет советской науки в РСФСР, привел в качестве примера раскопки Баллода на Уевке¹⁸.

В последующие годы профессор также проводил весной практические занятия для предварительной подготовки студентов до выезда в экспедицию. Летом 1920 г. историко-филологиче-

ский факультет СГУ провел три экспедиции при участии студентов отделения истории искусств и археологии: а) Уракова гора, Терновское городище; б) слободы Даниловка и Красный Яр, бугор Степана Разина, Дурман-гора; в) Царицын, Мечетное городище¹⁹. В 1921 г. было особенно сложно работать и невозможно полностью осуществить план археологической кампании, хотя в Царицыне экспедиции предоставили баркас «Сатурн» и некоторые продукты. Неожиданно наступили холода, ночевать приходилось в школе, а иногда и под открытым небом при слабом морозе, к курганам ездили также и на лошадях. Экспедиция смогла закончить исследования только благодаря доброму отношению и щедрым гостинцам крестьян²⁰.

За годы работы в Саратове археологические экспедиции СГУ, возглавляемые Баллодом, обследовали значительную часть правобережной саратовско-царицынской полосы Волги. Результаты этих исследований, которые поддержали М. Н. Покровский и В. А. Городцов, нашли отражение в первой монографии «Приволжские Помпеи», опубликованной археологом СГУ. Корректуру этой книги выполнил профессор А. А. Захаров. Кроме того, крупные раскопки были осуществлены Францем Владимировичем на заволжских городищах Старого и Нового Сарая – бывших столиц Золотой Орды, которые до сих пор представляют немалый научный интерес²¹.

В книге «Приволжские Помпеи» Баллод впервые опубликовал археологический профиль от Саратова до Добринки²². Археологические памятники региона профессор распределил по эпохам: палеолит, мезолит, эпохи бронзы и железа. При этом каждая из них подразделялась на раннюю и позднюю пору. Распределяя в археологическом профиле памятников эпохи бронзы, Баллод опирался на культурно-хронологическую схему В. А. Городцова, с работами которого он был давно и хорошо знаком, поскольку многие годы работал в Археологическом институте.

Исследователь попытался выделить в правобережной полосе бытовые и погребальные памятники ямной культуры ранней поры эпохи бронзы (пора медных орудий). Сюда были включены памятники и находки: Саратов, Голый Карамыш, Ураковка, Терновка, Песковатка и др. Поздняя пора бронзовой эпохи (пора бронзовых орудий) была представлена тремя культурами: катакомбной, срубной и культурой погребений в насыпях курганов. К катакомбным древностям он отнес Покровский и Царицынский курганы, а также ряд находок бронзовых тесел, каменных молотов и керамики в районе Рудни, Даниловки, Камышина, Ураковки, Шишкина Бугра, с Терновского городища и др. Культура срубных погребений характеризовалась керамикой с Ахматского городища и отдельными находками бронзовых вещей. Следует особо отметить, что Баллод обратил внимание на хвальинскую культуру, выделенную В. А. Городцовым и связанную с Сосново-Мазинским кладом.

Профессор Баллод много сделал для становления гуманитарного образования и археологической науки в Саратовском университете и изучения нижеволжских древностей различных эпох и городищ – бывших столиц Золотой Орды. Франц Владимирович, как и все университетские археологи и этнографы, проводил полевые исследования в годы Гражданской войны, бандитизма, ужасного голода 1921–1922 гг, эпидемий холеры, сыпного и брюшного тифа.

Возвратившись из Саратова в Москву, с осени 1923 г. Франц Владимирович недолго работает профессором кафедры теории и истории искусств факультета общественных наук Московского университета, был действительным членом НИИ искусствознания и археологии при этом же факультете²³. Тогда в Москве реорганизуются учебные заведения – происходит смена кадров, закрывается Археологический институт, и в 1924 г. Баллод покидает СССР. В Латвии его имя и фамилия стали произноситься в иной транскрипции – Францис Баллодис. В Риге он работает в Латвийском университете, ведет активную деятельность преимущественно на поприще археологии, охраны памятников культуры и культурных ценностей, получает степень доктора исторических наук. Профессор трудился будучи заведующим кафедрой археологии, деканом философско-филологического факультета и проректором университета. После присоединения Латвии к СССР Баллодис эмигрировал в Швецию. Вероятно, этому могло способствовать и то, что его старший брат Янис был известным военным и государственным деятелем Латвии (министр обороны, вице-президент страны)²⁴. Последние годы своей жизни профессор провел в Швеции, занимался археологией Латвии и египтологией. Скончался Францис Баллодис в возрасте 65 лет, похоронен в Стокгольме.

Примечания

- ¹ Саратовский университет 1909–1959. Саратов, 1959. С. 16.
- ² См.: *Малов Н. М.* Советская археология в Саратовском государственном университете (1918–1940 гг.) : организационное становление, развитие и репрессии // АВЕС. Саратов, 2006. Вып. 4. С. 7–9 ; *Назарова Е. Л.* Латышские педагоги в России // Интеллигенция в многонациональной империи : русские, латыши, немцы. XIX– начало XX в. М., 2009. С. 183.
- ³ См.: Саратовский университет... С. 22, 101 ; *Малов Н. М.* Поволжская региональная археология в Саратовском университете : страницы истории и персоналии // Саратовское Поволжье : история и современность. Саратов, 1999. С. 26–27 ; *Малов Н. М.* Советская археология... С. 7–26 ; *Малов Н. М.* Советская государственная музейная сеть в Саратове (1917–1930 гг.) : организационное становление, страницы истории и музейные деятели // Народы Саратовского Поволжья : этнология, этнография, духовная и материальная культура. Саратов, 2006. (Труды СОМК. Вып. 10). С. 192–279.
- ⁴ См.: *Малов Н. М.* Советская археология... С. 25 ; *Назарова Е. Л.* Указ. соч. С. 178–182; *Кулаков А. Е.* Франц Владимирович Баллод (Francis Balodis) (1882–1947) // Египтологический сборник. История русской египтологии. С. 1–4. www.egyptology.ru/history/Balodis.html.
- ⁵ См.: *Назарова Е. Л.* Указ. соч. С. 179.
- ⁶ Там же. С. 180–181.
- ⁷ См.: *Малов Н. М.* Советская археология... С. 11.
- ⁸ См.: *Назарова Е. Л.* Указ. соч. С. 183.
- ⁹ См.: *Кулаков А. Е.* Указ. соч. С. 2.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Труды научных работников Саратовского университета. Библиографический указатель. Саратов, 1959. С. 29. № 441, 442.
- ¹² Там же. С. 30. № 450, 456, 463, 467.
- ¹³ См.: *Малов Н. М.* Советская археология... С. 22.
- ¹⁴ *Малов Н. М.* Советская государственная музейная сеть в Саратове... С. 203, 205, 209, 266 (Приложение № 2).
- ¹⁵ См.: *Баллод Ф. В.* Отчет о раскопках на Увеке летом 1919 года. Саратов, 1919.
- ¹⁶ См.: *Зернов В. Д.* Записки русского интеллигента / подгот., вступ. ст., коммент. и указ., имен В. А. Соломонова. М., 2005. С. 224, 359.
- ¹⁷ См.: *Баллод Ф. В.* Отчет о раскопках на Увеке летом 1919 года. С. 30.
- ¹⁸ См.: *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историкографический очерк. М., 2006. С. 315.
- ¹⁹ См.: *Баллод Ф. В.* Приволжские Помпеи (Опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы). М. ; Пг., 1923. С. 7–9.
- ²⁰ Там же. С. 10–11.
- ²¹ См.: *Франс Баллод.* Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Результаты археологических работ летом 1922 года. Казань, 1923 // Татарская археология. № 1(2). Казань, 1998. С. 14–31.
- ²² См.: *Малов Н. М.* Изучение и интерпретация материалов Нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области в первой четверти XX века // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2007. С. 49.
- ²³ См.: Баллод Франц Владимирович // Летопись Московского университета. URL: www.letopis.msu.ru/peoples/1225.
- ²⁴ См.: *Кулаков А. Е.* Указ. соч. С. 2–3.

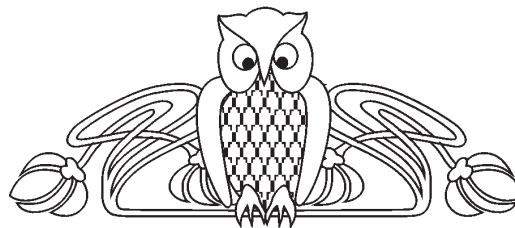
УДК 94 (470.44–25).084.3+343.9(470.44–25)(09)

ПРЕСТУПНОСТЬ В САРАТОВЕ В ГОДЫ НЭПА

А. А. Жукова

Саратовский государственный университет

E-mail: Perepolox09@mail.ru

В статье проанализирована преступность периода нэпа как социально-правовое явление, выявлены тенденции ее развития, количественные и качественные характеристики. Показано, что в первой половине 1920-х гг. преобладали насильственные действия в виде уголовного бандитизма и преступлений против личности.

Ключевые слова: преступность, динамика преступлений, тенденции, бандитизм, криминогенная ситуация, наказание, голод, милиция, город Саратов, новая экономическая политика.

Crime in Saratov during the New Economic Policy

A. A. Zhukova

Crime during the new economic policy as a social-legal phenomenon, tendencies of its development, quantitative and qualitative characteristics are analyzed in the article. It is shown that in the first half of the 1920s violent actions such as banditry and crime committed against the person dominated.

Key words: crime, dynamics of crime, trends, banditry, criminality, punishment, hunger, police, Saratov, new economic policy.

Социально-экономические потрясения в годы Гражданской войны, голод 1921–1922 гг., тяжёлые условия жизни, жилищная и материальная нужда – все эти факторы отражались на морально-психологическом состоянии советского общества. Кризис нравственности обусловил рост преступности.

В 1920-е гг. в городах сохранялась опасная криминогенная обстановка, обусловленная безработицей, низким уровнем благосостояния населения, нищенством, беспризорностью. К криминальным местам Саратова относилась ул. Цыганская, в силу чего там были усилены постоянные милицейские посты¹. Горожане отмечали, что давно «превратилась в кабак» ул. Малая Казачья². Возмущенные жители жаловались через местную газету, что прямо под окнами жилых домов «в кустах сидят пьянчужки, распивают водку и неистово ругаются», ночью же «ко всему этому присоединяются ещё и проститутки»³. «Саратовской Хитровкой» обыватели называли берег Волги около Бабушкиного взвоза, где в заброшенных домах проживали карманники, шулера и проститутки. На берегу большое распространение получили азартные игры, когда шулера обыгрывали в карты приезжих доверчивых крестьян⁴. Дегтярная площадь также относилась к небезопасным местам в городе. Шайка хулиганов промышляла там кражами. По Кооперативной улице около Глебушева оврага, хулиганы тоже «свили себе крепкое гнездо»⁵.

Охраной общественного порядка занималась милиция. От установки о создании «народной» милиции, слиянии её с армией и замене постоянной армии всеобщим вооружением народа советская власть отказалась постепенно в процессе реализации этой идеи⁶. В конце 1917 г. СНК опубликовал постановление «О рабочей милиции», предписывавшее её формирование на основе всеобщего вооружения народа⁷. Однако превращение милиции в общественную организацию негативно сказалось на борьбе с преступностью.

В Саратове весной 1918 г. все функции милиции перешли к отделу революционной охраны (негосударственной организации), но ввиду неэффективности данной меры отдел охраны был преобразован осенью того же года в рабоче-крестьянскую милицию⁸. Саратовский исполком в 1919 г. признал «желательным заменить мужчин-милиционеров женщинами на работах, кроме постовой»⁹. Однако на самом деле женщин на службу в милицию до 1926 г. не принимали¹⁰.

Функции милиции поначалу не были чётко определены. Кроме выполнения основных обязанностей по поддержанию внутреннего порядка и борьбе с преступностью, саратовская милиция в начале 1920-х гг. выполняла следующие задачи: руководство очисткой города и жилищ с целью предотвращения распространения эпидемий, борьба с незаконной торговлей и нарушениями продавцами санитарных постановлений, участие в проведении топливного трёхнедельника, борьба с бандитизмом, помощь в сборе продналога. Важной функцией стала и борьба с самогонварением. Сотрудники милиции устраивали обыски и обходы с целью выявления очагов производства самогона¹¹.

Новая экономическая политика (нэп) несла в себе не только положительные тенденции в виде восстановления экономики, роста уровня жизни населения, но и значительный отрицательный потенциал. Открыто проявились такие черты нэпа как бандитизм, коррупция и хищения, проституция, азартные игры, существенно осложнявшие социально-правовую обстановку во всех регионах России¹².

Особо значительные размеры приобрёл уголовный бандитизм. В октябре 1922 г. ВЦИК РСФСР предоставил ГПУ чрезвычайные полномочия по борьбе с бандитизмом, включая право внесудебной расправы над участниками бандитских налетов и вооруженных ограблений¹³. Несмотря на принятые меры, преступность продол-

жала расти. 29 января 1924 г. Ф. Э. Дзержинский направил в Политбюро ЦК РКП (б) письмо, в котором отмечал, что не удалось ликвидировать политического и уголовного бандитизма. Кроме того, отмечались регулярные вооруженные ограбления и кражи зерновых у крестьян и кооперативов¹⁴. По предложению Ф. Э. Дзержинского в мае 1924 г. ОГПУ вновь предоставили чрезвычайные полномочия по борьбе с бандитизмом, включая право внесудебной расправы в отношении бандитов и их пособников. ОГПУ и его местным органам в оперативное подчинение перешли органы милиции и уголовного розыска, которым также предоставлялось право направления в любую территорию СССР уполномоченных лиц для предварительной разработки, подготовки кампании по борьбе с бандитизмом и специальные вооруженные отряды для ликвидации бандитизма¹⁵.

Новый взлет бандитизма наметился во второй половине 1925 г. Об этом свидетельствует динамика роста преступлений как на всей территории СССР, так и в Саратовской губернии. В первом квартале 1925 г. рост преступности в регионе составлял 11 %, во втором – 39 %, в третьем – 72 %, в четвертом – 40 %¹⁶. Аналогичная ситуация складывалась не только в Саратовской, но и в соседних Пензенской, Воронежской, Тамбовской губерниях. В августе 1925 г. на совещании по борьбе с преступностью в Саратове отмечалось, что вышеперечисленные регионы стали угрожающими для безопасности населения и хозяйствующих субъектов¹⁷.

Главным объективным фактором, способствовавшим эскалации преступности, являлась сложная экономическая ситуация, сложившаяся в 1921–1922 гг. Неурожай 1921 г. привел к массовому голоду. Это вынуждало многих заняться грабежами. Неслучайно в большинстве случаев объектом грабежей становилось продовольствие¹⁸. Положение в губернии усугублялось тем, что в 1924 г. 10 тыс. «антоновцев» из 15 тыс. высланных были амнистированы и вернулись в родные места, где зачастую не находили ни семьи, ни хозяйства, ни работы. Лишенные средств к существованию, озлобленные, они собирались в банды и занимались грабежами¹⁹. Уголовный элемент прибывал и из других губерний по причине голода и преследования местными правоохранительными органами. В губернии в значительных размерах оседали нелегальные перебежчики государственной границы, а также высланные по приговору суда из Ленинграда, Москвы, Смоленска и других городов. Не имея возможности получить работу при наличии массы собственных безработных, они также шли на преступления²⁰.

На протяжении 1921–1922 гг. «голодные» бунты потрясали всю Саратовскую губернию. Порожденный разрухой, неустроенностью, голодом, именно бандитизм в то время стал доминирующим видом преступлений. В Саратовской губернии не было ни одного уезда, который не имел бы своей

банды²¹. Так, в Балашовском уезде было разграблено 85 сел и деревень, разгромлено и разворовано 5 хорошо оборудованных совхозов, сожжены волостные исполкомы, отнято у населения более 2 тыс. лошадей, свыше 8 тыс. пудов семян²².

Только в 1921 г. сотрудниками милиции «было раскрыто 49 организаций бандитского характера. Для их ликвидации было задействовано 37 милицеских отрядов. Потери со стороны милиции составили 102 человека»²³.

Архивные документы хранят немало примеров отваги и самоотверженности, проявленных работниками милиции в борьбе с преступностью. В конце 1920 г. небольшой отряд милиционеров во главе с помощником начальника районной милиции Аткарского уезда В. И. Инякиным дал бой банде Вакулина, состоявшей из бывших уголовников и дезертиров и насчитывавшей более 1500 человек²⁴. Небольшому отряду милиции трудно было противостоять такому числу головорезов. Часть милиционеров погибла в бою, а те, кто попал в плен, были расстреляны у Краишевского монастыря.

«Саратовские известия» тех времён содержат немало информации о сложной и тяжелой атмосфере города: «С наступлением сумерек улицы в городе пусты, закрывались наглухо ставни и ворота. Обездоленные дети слонялись по базарам, в Крытом рынке, на берегу Волги, на вокзале»²⁵. Уголовники втягивали беспризорников в свою преступную деятельность. По-прежнему сказывался голод, охвативший значительную часть губернии, а также последствия войны: разруха и общая неразбериха. Вскоре оперативная обстановка накалилась до предела. За два года, с 1918 по 1920 г., преступность выросла в 2,5 раза, а с сентября 1919 г. по февраль 1920 г. в Саратове было зарегистрировано 125 убийств²⁶.

Несмотря на сложную криминальную обстановку, в марте 1919 г. сотрудникам милиции удалось раскрыть знаменитую банду Мишки Кота²⁷. В перестрелке с бандитами, забаррикадовавшись в доме, погиб оперативник А. В. Демин. В 1920 г. сотрудникам милиции удалось разгромить еще две банды: Кузьмина и Баловича²⁸. И вновь отличилась «старая гвардия» милиционеров, возглавляемая Н. М. Борноволокным.

В 1921 г. в пригородах Саратова орудовала банда Тугусова²⁹. Жертвами бандитов в большинстве случаев становились крестьяне, везущие продукты в город. Их обозы разоряли, а самих крестьян жестоко убивали. В розыске и разгроме банды непосредственное участие принимали начальник губернского управления милиции Д. Н. Гаврилов, руководитель губернского уголовного розыска И. А. Свитнев, инспектор А. Г. Перевезенцев. Всего удалось задержать 19 участников банды, одиннадцать из которых трибунал приговорил к расстрелу³⁰.

Однако в целом процент раскрываемости преступлений оставался низким. В частности, в

период с 1 января по 1 сентября 1922 г. в Саратовской губернии было зарегистрировано 17213 преступлений, а раскрыто лишь 8105, то есть 47 %. При этом лучше всего расследовались дела по подделке денежных знаков (25 раскрытых дел из 34) и правовых документов (25 из 38), незаконного получения продовольствия (43 из 52), убийства (133 из 198)³¹. Практически стопроцентную раскрываемость составляли дела о тайном винокурении и торговле спиртом. Хуже всего за это время расследовались кражи (простые, со взломом, карманные, железнодорожные) – 38,1 %³². В 1924 г. процент раскрываемости всех преступлений в Саратове составлял 44 %, в 1925 г. – 52 %³³.

На раскрываемость преступлений влияло и состояние милиции. Текучесть кадров, вызванная тяжелым материальным положением сотрудников, низкая квалификация, засоренность «порочными элементами» были типичными явлениями того времени. Только с 1 января по 10 октября 1924 г. в Саратовской губернии сменилось 18 начальников уездной милиции, 116 волостных милиционеров и их помощников³⁴. Материальное положение самих милиционеров было довольно тяжелым. Нужда часто заставляла их идти на преступления. В первой половине 1925 г. по сравнению с 1924 г. преступность среди сотрудников милиции выросла на 50%³⁵.

Низкий процент раскрываемости объяснялся также «малочисленным штатом сотрудников, плохим обеспечением их материального положения и весьма скудным отпуском кредитов на канцелярские, командировочные, мелко-хозяйственные, секретные расходы и расходы по передвижению»³⁶. Сотрудникам милиции часто несвоевременно выдавались зарплата и продовольствие, а слабое обеспечение обмундированием только ухудшало ситуацию. В докладе помощника начальника губернской милиции по политчасти за 1922 г. отмечалось: «Подходит осень, необмундированный, разутый, раздетый милиционер не будет иметь возможности работать»³⁷. Обмундирование зачастую выдавалось милиционерам не полностью, таким образом, сотрудникам ввиду маленького заработка приходилось самим «изыскивать средства на приобретение одежды и обуви побочным путём»³⁸. Тяжелое материальное положение толкало милиционеров на должностные преступления (взяточничество).

С целью улучшения материального положения сотрудников милиции создавались кассы взаимопомощи, в которые шли отчисления от продажи билетов на концерты и спектакли. Кроме того, существовала шефская помощь. Губернский коммунальный отдел был в качестве шефа прикреплен к городской милиции, и при его участии в августе 1922 г. были собраны средства от проведения концерта и платных гуляний в парке Липки³⁹. Губернский коммунальный отдел периодически освобождал милиционеров от оплаты коммунальных услуг⁴⁰.

Борьбу с преступностью осложняло не только тяжелое материальное положение сотрудников милиции, но и недостаток кадров. На совещании административных и политических работников Саратовской губернской милиции от 26 сентября 1922 г. отмечалось: «Надо сознаться, что поступить на службу в милицию, охотников мало: причиной этого дурное материальное обеспечение и опасность в борьбе с бандитами...»⁴¹

Таким образом, преступность в годы нэпа, как социально-правовое явление обладала отчетливо выраженными особенностями и определенными закономерностями, количественными и качественными характеристиками. В первой половине 1920-х гг. преобладали насильственные действия в виде уголовного бандитизма, преступления против личности (грабежи, кражи).

Очевиден и другой вывод: в течение 1920-х гг. так и не удалось справиться ни с одной из проблем, возникших или уже существовавших до революции преступных проблем: взяточничество, растраты и т. д. И только с окончательным сломом нэпа этот вид преступлений пошел на спад, поскольку существенно сузилась сфера экономической деятельности и, следовательно, исчезли условия возникновения экономической преступности. Вместе с тем, после 1917 г. заметно меняется характер преступлений.

Если в дореволюционный период преобладало число преступлений против личности и собственности частных лиц, максимальное число которых колебалось от 164 до 202⁴², то в 1920-х гг. наблюдался рост преступлений против порядка управления⁴³. В дореволюционный период данный вид преступлений занимал незначительные показатели в общей статистике преступлений. Так, если максимальный рост преступлений против порядка управления в дореволюционный период наблюдался в 1904 г. – 56, то в 1921 г. он достигает 202, что обусловлено идеологическими и политическими соображениями советского руководства⁴⁴. Большевикам не удалось реализовать и уголовно-правовую концепцию, проводимую после октября 1917 г., когда налицо было стремление «одним махом и за короткий срок» покончить с преступностью, опираясь на тезис «несвойственности» преступности для социального общества. Снижение наказания за преступления и стремление в большей степени использовать методы исправительно-трудового перевоспитания, ограничиваясь мерами строго наказания для рецидивистов и «врагов народа», не привели к ощутимым результатам.

Примечания

- 1 См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 40. Л. 155об.
- 2 Поволжская правда. 1929. 2 июля. № 146. С. 4.
- 3 Там же. 12 июля. № 155. С. 4.
- 4 См.: Саратовские известия. 1923. 9 июня. № 127. С. 3.

- ⁵ Саратовский рабочий. 1933. 8 октября. № 231. С. 3.
- ⁶ См.: Чердаков О. И. Формирование правоохранительной системы Советского государства в 1917–1936 гг. (историко-правовое исследование). Саратов, 2001. С. 118.
- ⁷ См.: О рабочей милиции // Собрание узаконений РСФСР (далее – СУ РСФСР). 1917. № 1. Ст. 15.
- ⁸ См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 47. Л. 27.
- ⁹ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 244.
- ¹⁰ См.: Чердаков О. И. Указ. соч. С. 122.
- ¹¹ См.: ГАСО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 619. Л. 7об. – 8; ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 1071. Л. 45.
- ¹² См.: Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960. С. 54.
- ¹³ СУ РСФСР. 1922. С. 844.
- ¹⁴ См.: Никулин В. В. Преступность как социально-правовое явление в 1920-е годы : тенденции и состояние. Тамбов, 2009. С. 45.
- ¹⁵ Феликс Эдмундович Дзержинский : биография. 2-е изд., доп. М., 1983. С. 18.
- ¹⁶ См.: ГАСО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 34. Л. 4.
- ¹⁷ Там же. Л. 7.
- ¹⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 769. Оп. 1. Д. 34.
- ¹⁹ См.: Дубасов М. Краткий обзор милиции и УРО г. Саратова (окончание) // Административная жизнь (Саратов). 1925. № 8. С. 9.
- ²⁰ Там же. С. 88.
- ²¹ См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 67. Л. 33.
- ²² См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 578. Л. 41.
- ²³ ГАСО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 1122. Л. 28.
- ²⁴ Там же. Ф. 576. Оп. 2. Д. 45. Л. 77.
- ²⁵ Саратовские известия. 1920. 5 июля. № 76. С. 45.
- ²⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 56. Оп. 2. Д. 34. Л. 67.
- ²⁷ См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 132. Л. 18.
- ²⁸ Там же. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 47. Л. 27.
- ²⁹ Там же. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1069. Л. 5.
- ³⁰ См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1069. Л. 7.
- ³¹ См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 578. Л. 41.
- ³² Там же. Л. 45.
- ³³ Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 268. Л. 78.
- ³⁴ Соловьева Т. А. Повседневная жизнь советского провинциального города в 1920–1930-е гг. Саратов, 2014. С. 204.
- ³⁵ См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 2. Д. 2. Л. 244.
- ³⁶ Там же. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 886. Л. 280.
- ³⁷ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 1071. Л. 34 об.
- ³⁸ ГАСО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 619. Л. 8.
- ³⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 1071. Л. 34.
- ⁴⁰ Там же. Л. 45 об; ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1069. Л. 5.
- ⁴¹ Там же. Ф. 27. Оп. 2. Д. 1071. Л. 50.
- ⁴² См.: Статистические обзоры Саратовской губернии за 1891, 1901, 1911 гг.
- ⁴³ См.: Статистический справочник по Саратовской губернии. Саратов, 1920. С. 36.
- ⁴⁴ См.: Статистический справочник по Саратовской губернии. Саратов, 1921. С. 45.

УДК 317.354.34–06.87(471.44)

УЧАСТИЕ В «ШЕФСТВЕ НАД ДЕРЕВНЕЙ» СТУДЕНТОВ САРАТОВСКИХ ВУЗОВ В 1920-е гг.

Н. В. Стребкова

Саратовский государственный университет
E-mail: hope8917@gmail.com

В статье рассматривается вопрос работы, проводимой студентами саратовских вузов в подшефных им деревнях. Автор изучает основные направления данной работы. Он приходит к выводу, что в 1920-е гг. одной из важнейших задач шефства над деревней было не только повышение культурного уровня населения, но и сбор информации для партийных органов.

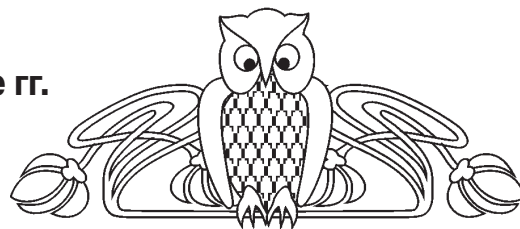
Ключевые слова: крестьяне, общества, студенты, подшефная деревня, шефство.

Participation of Saratov Students in the Village Patronage during the 1920s

N. V. Strebkova

The article is devoted to the problem of taking village under students' patronage. The guidelines of this work are considered. The author supposes that the main purpose of the village patronage in the 1920s was gathering information for the government.

Key words: associations, peasants, students, village patronage, patronage.

Шефство студентов вузов над деревней являлось частью программы шефства города над селом. Под этим понятием подразумевалась систематическая помощь, оказываемая городскими учреждениями, предприятиями, организациями, учреждениям, находившимся в сельской местности, сельскохозяйственным предприятиям и подшефным населенным пунктам¹.

Долгое время идея шефства была составной частью официальной доктрины о союзе рабочего класса и крестьянства. Идею об организации массовой и систематической добровольной помощи крестьянству изначально можно встретить у В. И. Ленина. В статье «Странички из дневника» он изложил свои мысли о формах, методах и содержании шефской работы. Ленин отмечал, что установление связи и «товарищества» между рабочими и крестьянством должно было стать

одной из основных задач советской власти. Все это следовало осуществить путем создания «ряда объединений (партийных, профессиональных, частных) из фабрично-заводских рабочих, которые ставили бы себе систематической целью помогать деревне в ее культурном развитии»².

Одним из направлений шефства была помощь в ликвидации неграмотности сельского населения, которая характеризовалась как «добровольческая массовая организация рабочего класса с членством, выборными органами и своим постоянным активом»³. Советская власть изначально доверила ведение шефства рабочим. Были созданы различные общества шефства города над деревней, которые вели самую разнообразную работу. Например, помогали Обществу «Долой неграмотность» в обучении крестьян грамоте, направляли в деревню специалистов, выписывали для села газеты, снабжали крестьян книгами⁴. Однако постепенно становилось очевидно, что у рабочих не получалось полноценно справиться с поставленной задачей – сами шефы в большинстве были малообразованны. Требовалось участие интеллигенции, хотя большевики и относились к ней настороженно⁵.

По этой причине постепенно к работе шефских обществ стали подключать научные, медицинские, творческие организации и учреждения. Так, в 1925 г. более тысячи представителей Москвы (врачи, юристы, работники народного просвещения) выезжали в подшефные волости с лекциями и беседами по санитарии и гигиене, помощи в обслуживании детских яслей, организовывали юридические столы при избах-читальнях⁶.

В 1920-е гг. шефство стало частью идеи о взаимодействии «красного студенчества» и деревни. На практике это взаимодействие проводилось через связь Центрального Дома Крестьянина с Бюро Коммунистического студенчества. Представители сельского населения обращались в студенческий центр и получали «обслуживающего» студента или группу, которым сразу же следовало выехать в сельскую местность и ознакомиться с населением, его положением, нуждами, запросами и т. п. По возвращении в свои студенческие центры студенты-шефы начинают выполнять все задания сельскохозяйственного общества, ходить и ездить по их нуждам, поручениям, выписывать и посылать газеты, выяснять нужные вопросы налогового, торгового и прочего характера⁷.

Таким образом, студенты, которых командировали к прикрепленным к учебным заведениям подшефным хозяйствам, стали заметной частью активистов шефского движения. Например, в Ленинграде членами общества числились студенты практически всех вузов города. Они участвовали в пере выборах Советов и кооперативных организаций, вели в деревне лечебно-профилактическую и просветительную работу⁸. Также они работали с селькорами⁹, обучая их грамотно писать в центральные газеты¹⁰. В Москве за счет шефского

общества в 1925 г. на лето в подшефные села были направлены свыше 100 студентов сельскохозяйственных вузов¹¹.

Подобная ситуация наблюдалась и в саратовских высших учебных заведениях, направлявших студентов на «летнюю практику». Например, в 1925 г. в шефское движение было вовлечено 60 студентов Саратовского университета, которых разделили на 10 групп по 6 человек. Все практиканты распределялись в пределах губерний, обслуживаемых университетом (Северо-Кавказский край, Саратовская, Сталинградская, Ульяновская, Астраханская, Пензенская, Тамбовская области, Немреспублика¹² и Казахская АССР)¹³. При этом в распределении студентов на места летней практики саратовские вузы руководствовались несколькими критериями. Академическая успеваемость была одним из них. Поскольку стипендию получали далеко не все студенты, то стипендиаты имели приоритет и распределялись в первую очередь. Другой критерий – участие в студенческих организациях и секциях. Далее учитывалось происхождение практиканта, здесь приоритетом пользовались дети бедных крестьян¹⁴.

Студенты, направленные на практику, проводили различные мероприятия, включая агитационно-пропагандистскую работу, организационно-хозяйственную, политическо-просветительскую работу (далее – политпросветработа), выполняя задания партийных комитетов (далее – партком) при волостных комитетах и ячейках ВКП (б), избирательных комиссиях и сельских советах, избах-читальнях.

Для разработки планов проведения практики при вузах Саратова создавались комиссии, работавшие под руководством губернской комиссии. Существовала программа проработки материала, которая проводилась на местах в кружках, руководителями которых выступали члены партии и комсомола. Материал, который рассматривали в таких кружках, изначально прорабатывался самими руководителями на инструкторных докладах, проводимых при губернском бюро РКП (б). В качестве тем подобных докладов фигурировали следующие вопросы:

1. Задачи советской власти в области здравоохранения и просвещения в деревне.
2. Агрономические мероприятия в области сельского хозяйства и новое землеустройство.
3. Задачи добровольных обществ.
4. Профсоюзная работа и работа среди батрачества.
5. Кооперативное строительство и задачи Крестьянских комитетов взаимопомощи.
6. Организационные вопросы советского строительства в деревне.

Например, в 1925 г. саратовские студенты на местах практики проводили проработку решений XIV партийного съезда ВКП (б) (вопросы нэпа и крестьянство; возможности построения социализма в одной стране), а также изучение решений

апрельского пленума ЦК ВКП (б) того же года (вопросы хозяйственного строительства и производства средств производства)¹⁵.

Нередко, помимо указанных вопросов, намечались к проработке и такие задачи, как работа практикантов среди женщин или агитационно-просветительская работа. Также в общегородском масштабе прорабатывались: задачи города по работе в деревне и задачи, стоявшие перед отъезжавшим студенчеством; работа советской власти в области поднятия сельского хозяйства в деревне; работа новых советских органов в деревне; налоговая политика в деревне; международное и внутреннее положение¹⁶.

Существенным являлось то, что, наряду с указанной практикой, студенты должны были проводить исследовательскую работу по сбору конкретного материала для выполнения определенных заданий по ряду учебных дисциплин. Для формирования подобных заданий привлекали всех преподавателей, формируя из них «курсовые комиссии». В задания входили такие вопросы, как изучение осенне-зимнего плана партийной и политпросветработы в деревне и степени его выполнения.

Далее практикантов распределяли по группам и связывались с местами будущей практики. В ряде случаев при выборе района практики и отчасти вида работы учитывали пожелания самих студентов. До отъезда на семинарских занятиях со студентами прорабатывались следующие вопросы:

1) рассмотрение партийного руководства и работы избирательного комитета, сельского совета;

2) методы и организация работы среди деревенской бедноты;

3) содержание агитационно-пропагандистской работы с сельскими ячейками партии;

4) последовательность и методы составления плана работы ячейки;

5) задачи деревенской полипросветработы, формы, методы и содержание работы в летний период¹⁷.

Следует отметить тот факт, что работа студентов оплачивалась. Так, содержание, выдаваемое на одного саратовского студента, выехавшего на практику, в 1924 г. составило 40 рублей в месяц¹⁸ (всего на 60 студентов практикантов было выделено 6 600 рублей)¹⁹.

О работе студентов и характере их деятельности можно узнать из отчетов за летние каникулы. Например, в 1925 г. всего работать в деревню было направлено 860 саратовских студентов. С их помощью были организованы «уголки» следующей тематики: санитарии – 3, юный патриот – 1, борьбы с туберкулезом – 1, уголок женщин – 1, МОПР²⁰ – 1, безбожника – 1, батрака – 7, ОДН²¹ – 9, авиохимии²² – 2. Всего было организовано 25 подобных «уголков». Дополнительно студенты создали еще два «кружка» – по сельскому хозяйству и политиче-

ско-просветительского характера. Всего в течение каникул 1925 г. на постоянной работе было занято 179 студентов, которые выполняли работу среди женщин и детей (16), в избах-читальнях (22), в красных уголках (5), в библиотеках (21), в стенгазетах (12) и живой газете²³ (8), по инструктированию и обследованию ликпунктов²⁴ (13), в добровольных обществах (13), сельсоветах (17), в РЛКСМ и РКП (б) – 50, среди батрачества (2)²⁵. Например, одна из студенток, проходивших такую практику, в отчете указала, что «работала... в начале года в агитсекции при губпр управлении ОДН, а затем в агиткружке при кабинете ликвидаторов. Работа выразилась в посещении собраний и чтении докладов. В агиткружке я была прикреплена к “Дому Крестьянина”, где проводила беседы с крестьянами, читала доклады. Темы докладов: “Неграмотность и сельское хозяйство”, “Грамоту в деревню”»²⁶.

По возвращении с практики студенты должны были выполнить отчетную работу, предоставляя сведения о подшефных хозяйствах. Этот пункт являлся обязательным в работе практикантов. Еще во время подготовки их к каникулам особое внимание уделялось необходимости «точно и аккуратно» предоставить отчеты о проведенной работе²⁷. Ниже приводится схема, по которой студенты представляли отчеты.

1. Экономическое состояние района:

- местонахождение обследованного села: губерния, уезд, волость;

- краткая характеристика природных и экономических условий окружающего района.

2. Политическое состояние:

- политическое настроение крестьян, отношение к советской власти, компартии, комсомолу, городским рабочим;

- отношение к последним мероприятиям советской власти и партии по вопросу о кулаке и зажиточном крестьянине;

- чем еще недовольно крестьянство, и в каких формах это недовольство выражается.

3. Политпросветработа в деревне:

3.1. Политпросветработники деревни:

- Какие работники деревни проводят политпросветработу (партийцы, комсомольцы, учителя, агрономы, фельдшеры, библиотекари, избачи, инструктора) – подробно охарактеризовать участие названных категорий работников в проведении политпросветработы.

- Участие в политпросветработе деревни «временных» политпросветработников: партийных и советских работников уезда (округа), студентов: конкретно указать формы их участия и содержание проводимых ими политпросветработы.

- Участие шефа в политпросветработе деревни.

3.2. Общие вопросы работы избы-читальни:

- когда и кем организована;
- тип избы-читальни (волостная, сельская);
- материально-хозяйственное положение:

бюджет, имеются ли кроме волостного бюджета иные источники дохода и как велики они; оборудование инвентарем и показательными пособиями; помещение (в отдельном доме, при школе, в частном доме. число комнат, двор);

- совет избы-читальни (характеристика членов и его работа);
- тип избача: партийность, возраст, политпросветподготовка, авторитет среди молодежи и взрослых;
- участие партийной ячейки в работе;
- кто посещает избы;
- сколько дней в неделю и часов в день открыта изба;
- регулярность занятий в избе.

3. Политпросветработа избы-читальни: ликвидация неграмотности, библиотечная работа, работа с газетой и т. п.²⁸

Из данной формы отчета хорошо видно, что сбор студентами точной информации о состоянии подшефных хозяйств имел очень важное значение. Студентами давалась подробная социально-политическая оценка мест практики, а также отношения крестьян к действиям партии. Особое внимание уделялось личности партийных работников деревни.

Помимо того, что шефы-студенты приносили очевидную пользу государству, проводя политико-просветительскую работу в деревне, а также собирая в ней необходимую власти информацию о настроениях в деревне, ее нуждах и проблемах, они выполняли еще ряд важных задач. Например, выявляли «безобразия» и злоупотребления полномочиями в деревне. Туда же через «красных студентов» проводились газеты, книги, журналы определенной направленности и содержания²⁹.

Таким образом, шефское движение в 1920-е гг. способствовало решению таких проблем, как повышение культурного уровня населения, укреплению общественно-политических и хозяйственных организаций села. К сожалению, не удалось установить эффективность работы, но несомненно, что студенты-практиканты представляли очень важную информацию партийным органам о состоянии партийно-политического влияния власти на крестьянство. Кроме того, шефство часто носило не постоянный характер, активизируясь на время политических компаний.

Примечания

¹ *Соскин В. Л.* Коммунисты Сибири – зачинатели шефства города над деревней. Новосибирск, 1958. URL: <http://russiasib.ru/shefstvo-goroda-nad-selom/> (дата обращения: 02.02.2014).

- ² *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1970. С. 363–368.
- ³ *Культура в современном мире.* 2013. № 1. URL: infoculture.rsl.ru (дата обращения: 2.02.2014).
- ⁴ *Щиглик А. И.* Закономерности становления и развития общественных организаций в СССР. М., 1977. С. 94.
- ⁵ *Культура в современном мире.* 2013. № 1. URL: infoculture.rsl.ru (дата обращения: 2.02.2014).
- ⁶ *Крайнов Г.* Скауты в России // *Отечественная история.* 1993. № 5. С. 207–212.
- ⁷ РГАСПИ. Ф. 17. О. 60. Д. 487. Л. 89.
- ⁸ *Купайгородская А. П., Лебина Н. Б.* Добровольные общества Петрограда-Ленинграда в 1917–1937 гг. (Тенденции развития) // *Добровольные общества в Петрограде-Ленинграде в 1917–1937 гг.* Л., 1989. С. 8.
- ⁹ Селькор – сельский корреспондент, активно участвовавший как корреспондент в советской печати.
- ¹⁰ Отчет о деятельности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии за 1921/22–1923/24 гг. М., 1925. С. 329.
- ¹¹ *Брэдли Дж.* Добровольные общества в Советской России. 1917–1932 гг. // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История.* 1994. № 4. С. 36.
- ¹² Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья.
- ¹³ ГАНИСО. Ф. 27. О. 4. Д. 370. Л. 13.
- ¹⁴ Там же. О. 3. Д. 1293. Л. 98.
- ¹⁵ Там же. О. 4. Д. 370. Л. 13.
- ¹⁶ Там же. О. 3. Д. 1264. Л. 80.
- ¹⁷ Там же. О. 4. Д. 370. Л. 13.
- ¹⁸ Стоимость белого батона составляла 13–25 копеек в зависимости от сорта, обычного черного хлеба – 20 копеек. URL: <http://22-91.ru/statya/ceny-v-sssr-vkusnoe-i-nasushhnoe/> (дата обращения: 09.08.2011). Плата за обед в студенческой столовой по смете составляла 4 р. 50 коп. в месяц на одного студента // ГАНИСО. Ф. 27. О. 3. Д. 830. Л. 21.
- ¹⁹ ГАНИСО. Ф. 27. О. 4. Д. 370. Л. 13.
- ²⁰ Международная организация помощи борцам революции.
- ²¹ Общество «Долой неграмотность».
- ²² Общество друзей химической обороны и химической промышленности.
- ²³ Живая газета – представление, основанное на газетном материале или остролюбодневных фактах жизни.
- ²⁴ Пункты по ликвидации безграмотности.
- ²⁵ ГАНИСО. Ф. 27. О. 3. Д. 1264. Л. 81.
- ²⁶ Там же. Ф. 35. О. 1. Д. 11. Л. 8.
- ²⁷ Там же. Ф. 27. О. 3. Д. 1293. Л. 98.
- ²⁸ Там же. Д. 1264. Л. 81.
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. О. 60. Д. 487. Л. 89.

УДК 94(47).084.8

ДОХОДЫ И ПОТРЕБЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

В. Н. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: danilovvik@yandex.ru

В статье показаны факторы, влиявшие на уровень жизни и материального положения городского и сельского населения Саратовской области в военных условиях 1941–1945 гг. Рассматриваются вопросы получения доходов из различных источников, формы и размеры налогообложения, система государственного и индивидуального снабжения продовольствием и предметами первой необходимости.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Саратовская область, городское и сельское население, денежные и натуральные доходы, потребление, нормированное обеспечение, индивидуальное снабжение.

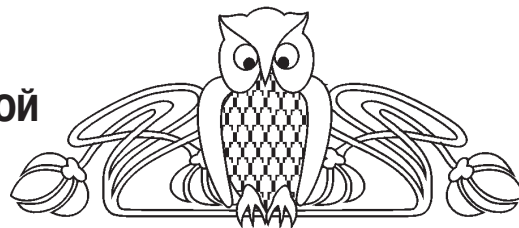
Incomes and Consumption of Saratov Region Population during World War II (1941–1945)

V. N. Danilov

The article describes the factors that influenced the level of life and material position of Saratov region urban and rural population in the military conditions of 1941–1945. The problems of receiving incomes from different sources, taxation, the system of state and individual food and primary necessities supply are considered.

Key words: World War, Saratov region, urban and rural population, money and natural incomes, consumption, normalized assurance, individual provision.

Изучение уровня жизни и материально-бытового положения советских людей в годы Великой Отечественной войны в современной историографии ведется по двум основным направлениям: через призму социальной политики государства и как составной части повседневной жизни народа в экстремальных условиях. Оба подхода, по сути, опираются на сходные данные о доходах и потреблении различных слоев населения, которые при всей общности тенденций имели региональную специфику, обусловленную положением той или иной территории относительно фронта, структурой экономики, природно-климатическими факторами и т. д. Интенсивные миграции в течение первого года войны, прифронтовое положение в период с осени 1942 г. до весны 1943 г., упадок аграрного производства в районах бывшего проживания немцев Поволжья и неблагоприятные погодные условия для ведения сельского хозяйства в середине войны стали дополнительными факторами, осложнявшими материальное положение населения Саратовской области в то время.

Заработная плата и налоговое обложение рабочих и служащих

Номинально за годы Великой Отечественной войны заработная плата рабочих и служащих увеличилась. Так, если в 1940 г. среднемесячная зарплата всех категорий рабочих и служащих Саратовской области составляла 369 рублей, то в 1944 г. она поднялась до 387 рублей¹. Наиболее заметным был рост денежной оплаты в отраслях крупной промышленности и на транспорте. Осознавая важность оплаты людей сообразно затраченным усилиям, государственные структуры пытались приспособить систему расценок к новым военным реалиям: вводилась оплата за выполнение особых заданий, за срочность и неотложность, выдавались премиальные. Широко практиковались также натуральные выплаты: сельхозпродукцией, товарами первой необходимости, одеждой, обувью. И не случайно, что после окончания войны, когда дополнительные выплаты, обусловленные чрезвычайными обстоятельствами, перестали практиковаться, зарплата по многим отраслям деятельности стала снижаться. Все это можно наглядно видеть из данных по среднемесячной зарплате рабочих и служащих Саратова, занятых в различных сферах деятельности, за период 1943–1945 гг., которые приведены в табл. 1.

Вместе с тем, одновременно с начислением заработной платы финансовые органы проводили в жизнь жесткую конфискационную политику, целью которой являлось привлечение имевшихся в стране денежных средств в сферу военного производства, получение дополнительных сумм на финансирование общегосударственных мероприятий, поддержание денежного баланса в стране. По признанию наркома финансов СССР того времени А. Г. Зверева, «до и после войны выручка от продажи товаров равнялась примерно 100–108 процентам от суммы выданной трудящимся заработной платы. А во время войны выручка упала до 55 процентов. Необходимый прирост денежных средств в кассах Госбанка обеспечивался в значительной мере путем налоговых платежей и добровольных взносов населения»². Система налогообложения в стране в военный период была заново структурирована, введены дополнительные платежи.

В июле 1941 г. была введена временная надбавка к подоходному налогу граждан, которая дала прибавку к налоговым поступлениям к концу года по Саратовской области на 5,1 млн рублей (7,6% от установленного плана на второе полугодие)³.

Таблица 1

Динамика средмесячной зарплаты рабочих и служащих Саратова в 1943–1945 гг. (руб.)

Название отрасли	1943	1944	Сентябрь 1945
Промышленность	425	475	455
В том числе: рабочие	412	470	435
ученики	137	н.д.	134
ИТР	851	920	913
служащие	496	н.д.	445
Строительство	385	414	401
Водный транспорт	426	672	432
Железнодорожный транспорт	481	н.д.	556
Торговля	278	398	338
Школы	334	586	526
Учреждения здравоохранения	374	358	435
Госучреждения	437	500	597
В среднем по всем отраслям	414	463	479

Сост. по: ГАСО.Ф. Р-2052. Оп. 9. Д. 23. Л. 12.

В январе 1942 г. эту надбавку заменили специальным военным налогом, который уплачивался по твердым ставкам в размере от 150 руб. до 600 руб. в зависимости от района. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. ставки прогрессивного подоходного налога увеличивались, а необлагаемый минимум доходов не устанавливался. В качестве чрезвычайного налога военного периода с ноября 1941 г. вводился налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, устанавливался также ряд обязательных сборов. Эти и другие налоги и платежи от населения давали в масштабах страны до 13% доходов государственного бюджета⁴.

Значительные денежные суммы от населения в годы Великой Отечественной войны поступали в виде государственных военных займов и денежно-вещевых лотерей. Приобретение облигаций государственного военного займа и билетов лотерей, хотя и считалось делом добровольным, но осуществлялось организованным массовым порядком и в форме кампаний, контролируемых партийно-государственными органами и администраций предприятий и учреждений. Первая денежная лотерея была проведена осенью 1941 г., а первый военный заем на сумму 10 млрд рублей правительство выпустило в мае 1942 г. В Саратовской области подписка на него прошла в один день, но не все подписавшиеся затем смогли полностью оплатить заем. Общая сумма подписки на четыре военных займа составила по Саратовской области 1650 млн рублей⁵. Это значит, что каждый житель региона внес из личных средств в государственный бюджет 700 рублей, то есть около двух месячных окладов среднеоплачиваемого рабочего. В общей сложности удержания из заработной платы рабочих и служащих выросли за время войны в 3 раза, с 9,5% в 1940 г. до 30% в 1944 г.⁶

Еще одной формой передачи денежных средств граждан в распоряжение государства, хотя и временной, можно считать добровольное внесение наличности в сберегательные кассы (позже ставших отделениями Сбербанка), а также перечисление на спецвклады денежных компенсаций за отпуска, поскольку для их снятия требовалось специальное разрешение. Поэтому за годы войны в Саратовской области выросло и число вкладчиков и размеры вкладов в сберегательных кассах, что можно видеть из данных табл. 2.

Таблица 2.

Данные по вкладам населения Саратовской области в сберегательные кассы в годы Великой Отечественной войны

Год	Число вкладчиков	Общая сумма вкладов на конец года (млн руб.)
1940	110598	30,2
1942	171445	49,1
1943	215455	67,4
1944	198610	91,8
1945	369393	115,2

Сост. по: ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 27. Л. 84

Конечно, дополнительные налоги, обязательные платежи и добровольно-принудительные взносы, существовавшие в военные годы, снижали материальные возможности советских людей, но если бы даже их не было, в условиях товарного дефицита и многократного сужения сферы услуг это вряд могло сколько-либо заметно увеличить покупательную способность граждан. В то же время данные меры работали на победу, а материальные жертвы, понесенные трудящимися в этой связи, по своей сути были одной из форм всенародной помощи фронту.

Система снабжения городского населения

Главную роль в обеспечении потребления городского населения играла система нормированного государственного снабжения, механизм которого определился задолго до начала Великой Отечественной войны: карточки существовали в Гражданскую войну, а также с 1929 по 1935 г. На протяжении многих лет происходила психологическая адаптация советских людей к существованию в условиях постоянного, острого дефицита потребительских товаров. Под давлением товарного голода, вслед за Москвой и Ленинградом, нормированное снабжение населения хлебом, сахаром и кондитерскими изделиями быстро распространяется на другие города страны. Сначала бюро Саратовского обкома ВКП(б) и исполком Саратовского областного Совета ввели продовольственные карточки в Саратове, Балашове, Вольске, Аткарске, Петровске и Ртищеве (совместное постановление от 23 августа 1941 г.), а через два месяца во всех других городах и рабочих поселках области⁷. Уже в сентябре в Саратове продуктовые карточки получили почти 420 тыс. человек. Это сразу дало сокращение продажи хлеба в магазинах: если в сентябре 1941 г. в городе его было продано 290 т, то в октябре – 210 т при значительном приросте населения за счет эвакуированных и беженцев⁸. В начале 1942 г. процесс перехода на карточную систему снабжения городского и сельского неколхозного населения всеми основными продуктами питания, цены на которые были стабильными и низкими все годы войны, а также промтоварами широкого потребления, практически завершился. По состоянию на 1 января 1943 г. на государственном нормированном обеспечении хлебом и другим продовольствием (мясо, рыба, крупа, сахар) в Саратовской области находилось почти 1,6 млн человек коренного и эвакуированного населения⁹.

В городах и рабочих поселках Саратовской области из 801 тыс. человек, имеющих карточки, в особый список входили 614 человек, 202 тыс. составляли рабочие 1-й категории, 134,8 тыс. – рабочие 2-й категории, 12 тыс. – служащие 1 категории, 452 тыс. – иждивенцы и дети¹⁰. В сельской местности большинство лиц, имевших право на хлебные карточки, получали по 300 и 400 г¹¹. Безусловно, в подавляющем большинстве случаев нормированный паек был ниже физиологической нормы питания человека. К тому же в связи с продовольственными трудностями в конце ноября 1943 г. нормы снабжения в зависимости от категории снижались на 100–200 г¹². Все виды дополнительной выдачи хлеба сверх норм, установленных карточками, отменялись. Исключение составляли: школьники, которым продолжали давать к обеду по 50 г, по 200 г выдавали партийно-советскому областному и районным активам, работникам науки, искусства и по 400 г – донорам в день сдачи крови. Райисполкомы получили право

устанавливать еще ниже нормы снабжения хлебом рабочих и служащих, проживающих в сельской местности, снимать со снабжения хлебом членов их семей в зависимости от обеспечения собственных хозяйств¹³. Такие нормы были уже на грани физического выживания людей, что сказывалось на их производительности труда, о чем не редко открыто заявлялось ими в то время.

Но даже на эти сниженные нормы фонды муки и зерна в полном объеме перестали выделяться. Магазины Саратова оказались не в состоянии обеспечить хлебом всех прикрепленных к ним граждан, поэтому многие получали его спустя 3–4 дня, что не могло не вызвать ажиотажа, ночных очередей, беспорядков у магазинов¹⁴. Рабочие оборонных предприятий возмущались потерей возможности отоваривать дополнительные талоны на питание. Сообщая об этом в обком ВКП(б), секретарь горкома В. И. Киселев просил «вопрос о положении с обеспечением хлебом трудящихся города Саратова в декабре месяце поставить перед ЦК ВКП(б) и обязать Наркомторг немедленно покрыть разрыв в фондах муки, так как дальнейшее промедление с этим вопросом может привести к серьезным последствиям». 3 января 1944 г. в телеграмме в ЦК ВКП(б) и СНК СССР первый секретарь Саратовского обкома ВКП(б) П. Т. Комаров и председатель облисполкома П. С. Кузьмин сообщили, что «ввиду отсутствия хлеба на пунктах Заготзерно отпуск хлеба населению городов и районов области, гарнизонам и лагерям НКВД прекращается»¹⁵. За счет пополнения продовольственных фондов этого, безусловно, удалось избежать, но только в конце 1944 г. положение с отовариванием карточек нормализовалось, прежние нормы были восстановлены. В целом по области производство хлебобулочных изделий, основного продукта питания, на душу населения с 53,5 кг в 1940 г. уменьшилось к концу войны до 31,6 кг¹⁶.

Обеспечение населения промышленными товарами в военные годы тоже было организовано по определенным нормам¹⁷. Но, как отмечает бывший нарком торговли РСФСР Д. В. Павлов, «промтоварное нормирование нельзя считать совершенным, часто приходилось вносить поправки в оценку товаров, повышать число купонов за то или иное изделие, выдавать ордера на внеочередное получение обуви, одежды определенным группам рабочих. Первопричина всех этих отклонений от установленного правила заключалась в том, что купонов выдавалось значительно больше, чем имелось в наличии товаров»¹⁸.

Действительно, когда подавляющее большинство предприятий работали на нужды фронта, одежды, обуви, предметов первой необходимости катастрофически не хватало. Резко сократились по промышленным товарам ширпотреб в розничной торговле централизованные фонды, а местная промышленность по большинству их видов тоже уменьшила объемы производства, что можно видеть по данным табл. 3. Усилия органов

Таблица 3

Производство отдельных видов товаров широкого потребления на душу населения в Саратовской области в годы Великой Отечественной войны

Предметы	Единицы измерения	1940	1942	1943	1944	1945
Хлопчато-бумажные ткани	метров	8,1	3	2,4	2,6	2,8
Чулочно-носочные изделия	пар	1,1	0,3	0,3	0,2	0,1
Обувь кожаная	пар	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2
Мыло хозяйственное	кг	0,3	1,1	1,7	2,2	1,0
Бельевой трикотаж	штук	2	2,2	1,4	1,0	1,0

Сост. по: ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 13, Д. 27. Л. 85.

власти направлялись, прежде всего, на производство предметов первой необходимости (мыло, спички, посуда), на что ориентировались местные промкомбинаты и артели. Местная и кооперативная промышленность к концу войны покрывала до четверти розничного товарооборота. Районы области старались преимущественно развивать какой-либо конкретный вид промысла: Базарно-Карабулакский район – кожаное и сапожное, Черкасский – рогожное, Красноармейский – ткацкое¹⁹. В целом потребление промышленных товаров на душу населения в военный период сократилось в Саратовской области почти в 5 раз.

Сложившаяся в годы войны карточная система снабжения населения позволила обеспечить достаточно устойчивое государственное распределение важнейших видов продовольственных товаров. Однако работа торговой сети, число точек которой в Саратовской области сократилось с 4788 в 1940 г. до 3422 в 1944 г.²⁰, вызывала постоянные нарекания на протяжении всего военного периода (особенно людей выматывало многочасовое стояние в очередях), имели место, хотя и сурово наказуемые по законам военного времени, «преступное расхищение и разбазаривание» фондовых товаров. Так, областным управлением милиции в 1942 г. у лиц, привлеченных за спекуляцию, было изъято продуктов питания и промтоваров на сумму свыше 1,5 млн рублей²¹. Расхищенные продукты в основном сбывались с рук на рынках. Экстремальные условия раскрывали истинную сущность каждого человека, его мысли и чувства. Были и те, кто жил по принципу «кому – война, а кому – мать родная».

В годы войны значительно повысилась роль общественного питания в снабжении населения, что было обусловлено увеличением рабочего времени, ростом интенсивности труда. Именно в столовых общепита рабочие, регулярно невыполнявшие нормы и трудившиеся на вредном производстве, могли реализовывать свои талоны на дополнительное питание. Через общепитовские столовые получали литерные обеды руководящие работники крупных промышленных предприятий, деятели науки, литературы и искусства²². С другой стороны, обеспечивалось более экономичное использование продовольствия, выделенного по карточкам, улучшение питания за счет при-

влечения дополнительных продовольственных ресурсов. Уменьшались затраты времени для приготовления пищи.

За рассматриваемый период общее количество предприятий общественного питания в области сократилось на 20%. Особенно это было заметно по Саратову. В 1940 г. сеть общественного питания состояла здесь из 340 предприятий, в 1941 г. – 326, 1942 г. – 252, 1943 г. – 228, 1944 – 210²³. Сокращение сети столовых хотя и сопровождалось работой по повышению их пропускной способности за счет увеличения количества посадочных мест и введения поточного метода обслуживания, но повышение нагрузки зачастую не подкреплялось необходимой материально-технической базой. Это вело к ухудшению качества обслуживания посетителей столовых, серьезным потерям рабочего времени в очередях.

Сокращение объемов централизованных фондов продовольствия, уменьшение ассортимента не могли не сказаться на структуре питания, качестве приготовляемой в столовых пищи. В первые годы войны существенно уменьшилась доля наиболее калорийных мясных и рыбных блюд, молочной продукции. В меню доминировала вегетарианская пища. Данная ситуация несколько изменилась в последний год войны. В столовых был установлен обязательный ассортиментный минимум блюд. Как правило, он включал два первых блюда, три вторых, одно сладкое и один горячий напиток.

Значительное число столовых действовало при отделах рабочего снабжения предприятий (орсах), которые имели свои подсобные хозяйства. В этом случае самим столовым не нужно было заниматься заготовкой и хранением мяса, молока, картофеля, овощей. Массовое создание при заводах и фабриках орсов началось после выхода специального постановления правительства в феврале 1942 г. В Саратовской области в 1943 г. их было уже 223, тогда как в начале войны – 23²⁴. Система орсов являлась важным элементом в организации продовольственного снабжения городского населения, через которую рабочие и служащие отоваривали свои продовольственные карточки и талоны, и в то же время она обеспечивала дополнительную товарную массу к централизованным государственным фондам.

Особой организационной формой снабжения, действовавшей в годы войны, была система так называемой коммерческой торговли, через которую реализовывалась определенная часть фондов продовольствия. В столичном регионе она была создана еще постановлением СНК СССР от 18 июля 1941 г., но на другие местности «коммерческая» торговля стала распространяться только в 1944 г.

Эта форма торговли легализовала недоступный для рядовых людей стандарт потребления, поскольку установленные в ней цены на продукты питания хотя и были ниже базарных, но значительно выше карточных. Тем самым государство экономическим способом жестко ограничивало круг лиц, имевших возможность осуществлять покупки продуктов сверх установленных норм в принадлежавшей ему торговой сети. «Коммерческая» торговля, как и развитие общественного питания, компенсировали снижение поступлений в госбюджет с розничного товарооборота, которое произошло в первые годы войны. Если число торговых точек в государственной системе снабжения постоянно сокращалось на протяжении всего военного периода, то розничный товарооборот в ценовом выражении в 1944 г. достиг в Саратовской области довоенного уровня: 1673, 2 млн рублей в 1940 г. и 1645 млн рублей в 1944 г., хотя в 1942 г. и 1943 г. он составлял 1347 млн рублей и 1409,5 млн рублей соответственно. Оборот общественного питания с 1940 по 1944 г. увеличился в 1,5 раза, с 211,2 млн рублей до 326,5 млн рублей²⁵.

Курс на использование для снабжения населения местных ресурсов явился логичным продолжением ее довоенной политики в продовольственном вопросе. В марте-апреле 1942 г. СНК СССР принял несколько постановлений об увеличении числа подсобных хозяйств предприятий и учреждений и выделении земель для этих целей. Осенью того же года правительство распорядилось об использовании продукции подсобных хозяйств для дополнительного питания передовиков производства. Все это привело к бурному росту подсобных хозяйств. Если в 1941 г. в Саратове было 31 подсобное хозяйство, организованное предприятиями и организациями, то в 1943 г. их стало 223, в 1944 г. – 2759, а площадь посевов увеличилась за это время в 10 раз и составила более 50 тыс. га²⁶.

Подсобные хозяйства предприятий и организаций Саратова за годы войны получили 2,5 млн пудов хлеба, 8,1 млн пудов картофеля, много овощей и другой продукции²⁷. Крупные хозяйства имелись на авиационном, нефтеперерабатывающем и шарикоподшипниковом заводах, при госуниверситете и сельхозинституте. Посевные площади подсобного хозяйства завода свинцовых аккумуляторов составили 1,5 тыс. га, имелся коровник на 360 голов, свиноферма на 750 голов, овце- и птицеферма, пасека. Только в первом полугодии 1943 г. завод получил с подсобного хозяйства более 40 т мяса. За счет подсобного

хозяйства заводские столовые полностью обеспечивались молоком²⁸.

Источником дополнительных продовольственных ресурсов во время войны явились индивидуальные и коллективные огороды граждан. Политика государства в вопросе об огородничестве была достаточно осторожной и сдержанной. Выступая в принципе за развитие, прежде всего общественного сельхозпроизводства, власть не допускала жестких ограничений огородничества рабочих и служащих. Весной 1942 г. в Саратовском обкоме даже была создана специальная комиссия по обеспечению землей огородников. В Саратове для этих целей были выделены земли на Зеленом острове, в Анисовке, на Сазанке, в Увекском и Гусельском займищах, на дачных останках. Позже под огороды «пошли» городские парки, скверы и стадионы. В 1942 г. огородничеством занимались в Саратовской области 87 тыс. человек, а в следующем году в четыре раза больше – уже 347 тыс. человек. Талько в одном Саратове в 1944 г. насчитывалась 141 тыс. огородников, обрабатывавших 3,4 тыс. га земли. Они вырастили почти 90 тыс. т картофеля и 18 тыс. т овощей, бахчевых культур, в среднем по 250 кг на человека²⁹. На многих предприятиях и учреждениях действовали специальные огородные комиссии, которые занимались не только распределением земельных участков, но и помогали с семенным материалом, в обработке посевов и транспортировке урожая. В целом со всей определенностью можно сказать, что подсобные хозяйства предприятий и учреждений Саратова и массовое развитие огородничества явились не только серьезным аргументом в борьбе с голодом, но и сыграли важную роль в улучшении рациона питания горожан.

Особенно выручали личные огороды и подворья рабочих и служащих в сельской местности, нормы государственного снабжения продовольствием которых были более низкими, чем у горожан. За военный период площадь посевов в этой категории хозяйств увеличилась почти в три раза – с 5,2 тыс. га до 15,1 тыс. га, в первую очередь за счет картофеля и овощей³⁰. Несмотря на сложности с кормами, большинство сельских рабочих и служащих продолжали держать в своих подворьях домашний скот. Как можно видеть из табл. 4, численность коров и телят в их хозяйствах даже выросла за годы войны.

Сохранялось в военные годы и значение базарной торговли, посредством которой в крупных городах ранее удовлетворялась примерно половина потребности в молоке, треть в картофеле, овощах и мясных продуктах, 5-я часть в муке (без печеного хлеба)³¹. В условиях дефицита товаров цены на основные продукты питания на так называемых колхозных рынках постоянно росли до 1943 г. Так, стоимость 1 кг картофеля за два года войны выросла с 2 до 25 рублей, капусты – с 2 до 40 рублей, говядины – с 28 до 280 рублей, свинины – с 28 до 250 рублей, животного масла – с

Таблица 4

**Численность скота в хозяйствах рабочих и служащих Саратовской области
в годы Великой Отечественной войны (тыс. голов)**

Вид скота	1941	1942	1943	1944	1945
Крупный рогатый скот	80,7	70,9	74,1	109,1	132,8
Свины	23,7	11,9	9,6	4,0	9,1
Овцы и козы	145,6	116,8	110,1	131,4	142,5

Сост. по: ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 4. Д. 21. Л. 6; Д. 23. Л. 1; Д. 26. Л. 1; Оп. 13. Д. 28, Л. 5; Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1651. Л. 9; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3180. Л. 191.

32,5 до 800 рублей, литра молока – с 2,2 рублей до 70 рублей. В среднем цены на рынках крупных городов были выше довоенных в 13 раз и превышали уровень цен на продукты, продававшиеся по карточкам, в 20 с лишним раз. К 1945 г. цены упали, но все равно превышали довоенный уровень в 6–8 раз³². Понятно, что подавляющее большинство населения городов в то время не могло пользоваться услугами рынка, поскольку не располагало достаточными денежными средствами.

На саратовских рынках можно было также приобрести некоторые предметы домашнего обихода, одежду и обувь. Чаще всего это были далеко не новые вещи, сохранившиеся еще с довоенного времени. В первые годы войны продавали их или обменивали на продукты питания, как правило, эвакуированные, не имевшие постоянного заработка.

Материальное положение жителей деревни

Из сельских жителей особенно в тяжелом материальном положении в годы войны оказались колхозники. Централизованные фонды хлеба и некоторых других продовольственных товаров в весьма скромных размерах выделялись в деревнях для сельской интеллигенции (учителей, медицинских работников, агрономов, зоотехников и др.), а также для инвалидов Отечественной войны и эвакуированных граждан. Гарантированный минимум хлебного пайка имели рабочие совхозов, и их приусадебный участок не облагался налогами. Начиная с 1942 г. рабочие совхозов стали получать оплату натурой и за перевыполнение планов на хлебоуборке, что давало немалую по тому времени прибавку к пайку. Однако в связи со снижением фактической выработки новым пополнением из женщин и подростков происходило уменьшение среднегодовой денежной оплаты основных категорий работников совхозов.

В колхозах по-прежнему действовал остаточный принцип оплаты трудодней. По существу, вся производимая колхозами продукция, за вычетом производственных нужд, уходила на выполнение госпоставок и натуроплаты за работу МТС. Остаточный принцип приводил к тому, что в период войны удельный вес распределяемых по трудодням доходов в колхозах резко уменьшился. Исключение составляли механизаторы, труд которых,

как и до войны, оплачивался по гарантированному минимуму (3 кг зерна и 2,5 рубля на трудодень), в некоторых хозяйствах также использовалась система дополнительной оплаты, но имевшая по большей части символический характер. Как отмечал известный советский историк-аграрник Ю. В. Арутюнян, более-менее сносно можно считать доходы от общественного хозяйства колхозников отдельных областей Центра, Кавказа и Таджикистана. В Саратовской области, как и в других областях Поволжья, а также в Сибири и на Урале, колхозники в связи с уменьшением здесь объемов производимой сельскохозяйственной продукции оказались в наихудших условиях³³. О сокращении доходов колхозников от общественного производства свидетельствуют данные табл. 5.

Приведенные в таблице данные показывают, что если в целом по стране выдача хлеба, основного вида распределяемых доходов, на трудодень сократилась вдвое за время войны, то в Саратовской области она упала почти в пять раз. Уже в 1942 г. саратовские колхозники получили зерна вчетверо меньше по сравнению с довоенным 1940 г., а общий объем распределяемого зерна сократился с 3928 тыс. центнеров до 718 тыс. центнеров³⁴. В следующем году ввиду неурожая в большинстве колхозов хлеб по трудодням фактически вообще не распределялся. Так как у колхозов постоянно образовывалась задолженность по обязательным поставкам государству, то и в урожайном 1944 г. цена трудодня оказалась низкой.

Разумеется, эти усредненные данные не дают полного представления о размерах получаемых доходов от колхозов по всей крестьянской массе, поскольку, например, в 1942 г. до 0,5 кг зерна было выдано на трудодень в 1235 колхозах, 0,5 кг – 526 колхозах, от 1 до 2 кг – в 118, от 2 до 3 кг и выше – 6, совсем не выдавали зерна в 31 колхозе Саратовской области³⁵. С другой стороны, не исключено, что до 1943 г. часть колхозников могла использовать для питания старые запасы хлеба, даже если они истратили до трети зерна на корм скоту. Так, в ряде левобережных районов области (Новоузенский, Дергачевский, Перелюбский, Чапаевский, Новорепинский, Озинский) с 1938 по 1942 г. в среднем на едока колхозниками было получено от 25,5 до 31,5 кг зерна в месяц. В печеном виде это выражается до 1,5 кг в день

Таблица 5

Цена трудодня в колхозах СССР и Саратовской области в годы Великой Отечественной войны

Виды доходов	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР						
Зерно, кг	1,600	1,400	0,800	0,650	н.д.	0,700
Картофель, кг	0,980	0,330	0,220	0,400	н.д.	0,260
Деньги, руб.	0-98	1-07	1-03	1-24	1-12	0-85
Саратовская область						
Зерно, кг	2,800	1,400	0,620	0,220	0,891	0,570
Картофель, кг	0,060	н.д.	н.д.	0,070	0,620	н.д.
Деньги, руб.	0-48	1-80	0-60	0-45	0-49	0-45

Сост. по: Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 156; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 169. Л. 238–240.

на человека. Но в последние два года войны мало у кого оставались довоенные хлебные запасы, а новые практически не делались, поэтому еще в большей степени нужду крестьяне испытывали в послевоенные неурожайные 1946–1947 гг. Что уж говорить о колхозниках таких районов, как Бакурский, Дурасовский, Ртищевский, Романовский, где в среднем на едока было получено за пять указанных лет от 6 до 10 кг в месяц. Для их выживания оплата за работу в колхозе имела минимальное значение, как и для подписки на военные займы и выплаты всех налогов.

Хорошо известно, что в годы войны налогообложение крестьян-колхозников было особенно тяжелым. Помимо денежного сельскохозяйственного налога (его размеры в 1943 г. были увеличены) и единого военного налога, крестьянский двор облагался натуральным государственным налогом в форме обязательных поставок зерна, мяса, молока, шерсти, яиц, картофеля и др. Норма сдачи (за символическую оплату) мяса определялась в пределах 40–60 кг и молока – 100–280 кг, 100 штук яиц, 1,5 овчины. Поставки взимались независимо от наличия скота и птицы. Если колхозник не держал животных, он обязан был любыми путями приобрести эти продукты (купить на рынке, занять, заработать и т. д.) и сдать государству³⁶. В целом за годы войны доля налогового обложения сельского населения увеличилась в 5 раз, а в расчете на один колхозный двор, не имевший льгот, – в 6 раз. Именно необходимость выплаты всех видов налогов заставляла в первую очередь крестьян вывозить на рынок имевшиеся у них

сельскохозяйственные продукты, даже если они не представляли излишков.

Основным источником жизнеобеспечения крестьян стало личное подсобное хозяйство. Оно в среднем на 85–90% восполняло недостачу продуктов в общественном производстве. За годы войны личное подсобное хозяйство несколько расширилось. Так, если в 1940 г. в Саратовской области на один колхозный двор приходилось 0,17 га посевов, то в 1945 г. – 0,24. Основную площадь сельчане отводили под картофель и овощи, но почти в четыре раза расширились и посевы зерновых культур³⁷. Вынужденные обстоятельствами времени стремление колхозников к увеличению приусадебных участков в конце войны властями стало уже квалифицироваться как «разбазаривание земель», отвлекающее от общественного производства. Особое беспокойство у них вызывало то, что пример «злоупотреблений» здесь показывали, прежде всего, сельские руководители – председатели сельсоветов и колхозов, бригадиры.

Поистине кормилицей для крестьян была корова и за нее они крепко держались, несмотря на все перипетии военных лет. Не случайно, скажем, если поголовье свиней, овец и коз у колхозников, как видно из табл. 6, сокращалось значительно из года в год, то уменьшение общего количества коров и телят главным образом происходило по причине сокращения числа крестьянских дворов. Если в 1940 г. в Саратовской области на 100 колхозных дворов приходилось 85 голов крупного рогатого скота, то в 1945 г. его стало 112 голов³⁸. По сути дела, приусадебный участок и подворье

Таблица 6

Численность скота в хозяйствах колхозников Саратовской области в годы Великой Отечественной войны (тыс. голов)

Вид скота	1941	1942	1943	1944	1945
Крупный рогатый скот	213,4	184,2	184,8	189,8	210,8
Свиньи	36,0	17,7	12,5	4,2	4,4
Овцы и козы	533,1	379,7	342,9	333,7	341,4

Сост. по: ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 4, Д. 21. Л. 6; Д. 23. Л. 1; Д. 26. Л. 1; Оп. 13. Д. 28. Л. 5; Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1651. Л. 9; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3180. Л. 191.

давали в 10–20 раз больше продукции для личного потребления, чем колхоз на трудовни.

Как утверждает М. С. Зинич, в целом по стране личное потребление колхозников снизилось в 1943 г. по сравнению с 1939 г. по хлебопродуктам на 35%, по мясу и салу – на 66%. По картофелю оно повысилось на 100%, по овощам – на 24%. Лишь потребление молочных продуктов в деревне осталось на том же уровне³⁹. Примерно на таком уровне личное потребление колхозников находилось и в Саратовской области. Но в отличие от ряда других российских регионов (Татарская АССР, Вологодская, Свердловская, Челябинская, Томская и Читинской области) в области за годы войны не было отмечено ни одного локального очага массового голода в сельской местности. И в этом основную роль сыграли личные хозяйства крестьян, обеспечив им выживание. Определенное значение в питании деревни имел сбор дикорастущих плодов, ягод, грибов, лов рыбы. Относительно потребления промтоваров жители деревни во многом перешли на самообеспечение: распространилось плетение лаптей, возродилось домашнее ткачество, прядение шерсти и т. д.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны при сокращении ресурсов потребления государство, установив жесткую систему распределения и поощряя народную инициативу в привлечении дополнительных источников, взяло на себя ответственность за жизнеобеспечение тылу городского и другого несельскохозяйственного населения в минимально необходимых для него размерах. Что же касается крестьянства, то оно в условиях масштабного выкачивания средств из деревни вынуждено было само заботиться о своем выживании, главным образом за счет личного подсобного хозяйства.

Примечания

- 1 Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 4. Л. 32.
- 2 *Зверев А. Г.* Записки министра. М., 1973. С. 202.
- 3 ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 956. Л. 18.
- 4 *Зверев А. Г.* Указ. соч. С. 201.
- 5 Коммунист. 1946. 9 ноября.
- 6 Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003. С. 235.
- 7 Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Архивные документы. Саратов, 2005. С. 22–24, 39–41. В Энгельсе карточки вводились решением органов власти Немреспублики.
- 8 Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 30. Оп. 13. Д. 68. Л. 117.
- 9 *Ванчинов Д. П.* Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов, 1976. С. 150.
- 10 Все население городов подразделялось по нормам снабжения на четыре группы: рабочие и приравненные

к ним (руководящие работники партийно-государственных органов, деятели науки, литературы и искусства, старые большевики, доноры, систематически сдающие кровь), служащие и приравненные к ним, иждивенцы, дети до 12 лет. В свою очередь, внутри групп рабочих и служащих были установлены две категории. К первой были отнесены рабочие, ИТР, служащие (и их иждивенцы), занятые на предприятиях отраслей военной индустрии, железнодорожного транспорта, стройках оборонной промышленности. Вторую категорию составляли рабочие, ИТР, служащие (и их иждивенцы) и обслуживающий персонал других отраслей промышленности, транспорта и связи, а также остальное население, не вошедшее в первую категорию.

Для рабочих, отнесенных к первой категории, суточная норма хлеба была установлена 800 г на человека, ко второй – 600 г. Служащие получали соответственно 500 г и 400 г., иждивенцы и дети по 300–400 г. В больницах давали по 600 г хлеба, школьникам – дополнительно булочки по 50 г. Дифференцированные нормы устанавливались также и на выдачу по карточкам других видов продовольствия. Кроме того, существовали дополнительные разовые пайки для доноров и так называемый особый список, в который входили рабочие на вредном производстве и представители местной партийно-советской элиты (хлебная норма 1000 г в сутки).

- 11 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3206. Л. 67, 68.
- 12 Там же. Д. 31949а. Л. 1.
- 13 *Лобанов В. Я.* К вопросу о продовольственном кризисе в Саратовской области зимой 1943–1944 гг. // Великая Отечественная война в контексте российской истории. Саратов, 2000. С. 120.
- 14 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3348. Л. 125.
- 15 Там же. Л. 127.
- 16 ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 27. Л. 84, 85.
- 17 Согласно инструкции Наркомторга РСФСР карточки по продаже промышленных товаров делились на три группы. Первая, для рабочих, имела 125 купонов-единиц, вторая для служащих, – 1000, третья, для иждивенцев, – 80 купонов. Товары условно оценивались определенным числом единиц. К примеру, в начале 1942 г. метр хлопчатобумажных тканей приравнялся 10 единицам, пара обуви – 30, пальто шерстяное – 80, чулки – 5 единицам.
- 18 *Павлов Д. В.* Стойкость. М., 1981. С. 44–45.
- 19 ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 27. Л. 45.
- 20 Там же. Д. 4. Л. 32.
- 21 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3145. Л. 51–52.
- 22 В месячные нормы обедов литер «Б» входило: мясо – рыба – 5 кг, жиры – 0,8 кг, крупа – 1,5 кг, сахар и кондитерские изделия – 0,6 кг, мука пшеничная – 0,2 кг, молоко – 1 литр, яйца – 10 штук, сухофрукты – 0,5 кг, картофель – 7 кг, овощи – 3 кг, соль 0,3 кг, чай – 12 г, хлеб (в день) – 0,2 кг.
- 23 ГАСО. Ф. Р-2650. Оп. 2. Д. 406. Л. 30.
- 24 *Ванчинов Д. П.* Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 152.
- 25 ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 4. Л. 32.
- 26 Там же. Ф. Р-3070. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

- ²⁷ ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 18. Д. 3. Л. 231.
- ²⁸ Там же. Оп. 15. Д. 2. Л. 2.
- ²⁹ Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 151–152 ; ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 13. Д. 32. Л. 2–3.
- ³⁰ ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 4. Л. 2.
- ³¹ Кожурин В. С. Неизвестная война. Деятельность советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 127.
- ³² Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 171.
- ³³ См.: Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 339.
- ³⁴ ГАСО. Ф. Р-2163. Оп. 2. Д. 899. Л. 7.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Никонов А. А. Спираль многовековой драмы : аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995. С. 264.
- ³⁷ Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 28. Л. 2–3.
- ³⁸ Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 4. Д. 21. Л. 8 ; Д. 26. Л. 1.
- ³⁹ Зинич М. С. Будни военного лихолетья : в 2 вып. М., 1994. Вып. 1. С. 75.

УДК 331.45(470.4) (09)

ОХРАНА ТРУДА В СССР В 1953–1985 гг. (по материалам Нижнего Поволжья)

А. А. Гуменюк

Саратовский государственный университет
E-mail: GumenukAA@rambler.ru.

В статье анализируются основные направления деятельности государства по созданию безопасных для здоровья трудящихся Нижнего Поволжья условий труда в период хрущевских и брежневских реформ советского общества. Статья базируется на богатом фактическом материале, извлеченном из архивов, опубликованных источниках, периодической печати.

Ключевые слова: гигиена труда, инструктаж, механизация, производственное помещение, профсоюз, санитария, спецодежда, техника безопасности, производственный травматизм, условия труда.

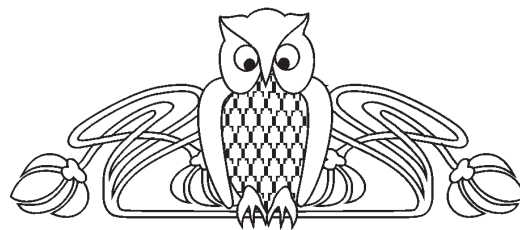
Protection of Labour in 1953–1985 (according to the Data of the Lower Volga Region)

А. А. Gumenuk

This article is devoted to the analysis of the main directions in the labour protection policy at the industrial factories of the Saratov Region in the period of Khushchev's and Brezhnev's reforms. This study is based on the vast set of factual materials from the archives, published sources, and periodical press.

Key words: occupational hygiene, site briefing, mechanization, working area, trade union, sanitation, working clothes, safety measures, industrial injuries, work conditions.

Обеспечение безопасных для жизни и здоровья населения условий труда является немаловажным направлением социальной политики любого современного государства. Претворяется в жизнь этот компонент внутреннего развития социума через систему правовых, технических и санитарных норм, именуемую охраной труда. В СССР такая система начала формироваться с 17 мая 1918 г., когда в составе Наркомтруда была учреждена специальная инспекция, призванная осуществлять строгий контроль над условиями труда промышленных рабочих¹. Аналогичные по-

становления относительно сельских тружеников были приняты только в ходе модернизации аграрного сектора страны в 1930 г. и касались рабочих совхозов, руководящих работников и женщин². В первой половине 1930-х гг. к организации охраны труда подключились и профсоюзы, разрабатывавшие мероприятия по промышленной санитарии, технике безопасности на производстве и т. д. К концу 1940-х гг. ВЦСПС имел пять НИИ, 12 лабораторий по охране труда, соблюдение правил техники безопасности на производстве и законов о труде контролировали 900 тыс. членов комиссий по охране труда при фабрично-заводских комитетах профсоюзов и общественных инспекторов. Ассигнования на мероприятия по охране труда по сравнению с довоенными пятилетками возросли в пять раз³. Так, например, на выполнение мероприятий по улучшению условий труда астраханский государственный рыбный трест израсходовал за 1952 г. 3028 тыс. рублей, а колхозы Волго-Каспийского бассейна – 1921,7 тыс. рублей⁴. В то же время рост количественных показателей в работе по охране труда далеко не всегда приводил к действительному улучшению условий труда. Так, на промышленных предприятиях, животноводческих фермах и МТС Саратовской и Сталинградской областей в начале 1950-х гг. ощущался дефицит спецодежды, хорошо оборудованных и отапливаемых производственных помещений⁵.

Не намного лучше была ситуация в промышленности и других отраслях социально-экономического развития региона. Выступления участников профсоюзных и партийных собраний и делегатов конференций пестрили жалобами на низкий уровень механизации производственных процессов, бездействующую вентиляцию, антисанитарию и захламленность заводских дворов, на

возникавшие из-за низкого качества строительства производственных помещений и плохой подготовки к работе в зимних условиях сквозняки, отсутствие спецодежды, бытовых помещений и средств гигиены. Комиссии по охране труда при завкомах на большинстве предприятий не выполняли своих прямых обязанностей или вовсе бездействовали. Следствием этого являлся постоянный рост производственного травматизма и заболеваемости рабочих и служащих. Очень показательным в этом отношении выступление секретаря парторганизации городской больницы на IX партконференции Красноармейского района Саратовской области (22–23 ноября 1953 г.): «Что представляет из себя фабрика имени Карда Либкнехта? Это герметически закупоренная коробка, где при относительно высокой температуре, при наличии предельной влажности, отсутствует проточно-вытяжная вентиляция, а это ведет к увеличению различных простудных заболеваний и иногда с болью в сердце приходится молодых людей в возрасте 18–20 лет переводить на инвалидность, давая вторую группу»⁶. Значительное количество случаев производственного травматизма наблюдалось также и на саратовских заводах им. Н. С. Хрущева, им. С. М. Кирова, № 869. На этих и других предприятиях росло количество жалоб трудящихся на бездействие администрации по созданию безопасных условий труда⁷. Поэтому пришедшее в СССР к власти в марте 1953 г. коллективное руководство, вырабатывая свой новый социальный курс, не могло обойти вниманием и улучшение условий труда трудящихся. Для этого оно, прежде всего, стремилось добиться максимально точного выполнения законодательных инициатив, принятых еще при жизни И. В. Сталина, в частности, постановления X съезда ВЦСПС и директив XIX съезда КПСС, касавшихся улучшения условий труда на промышленных предприятиях⁸. В результате уже к 1954 г. в целом по стране удалось добиться снижения промышленного травматизма на 24%⁹. В то же время на ряде предприятий положение с техникой безопасности по-прежнему было не столь благополучным, например, на саратовских заводах № 221, 236, «Серп и Молот», штампомеханическом, типографии № 1, перчаточной фабрике, в угольной промышленности области¹⁰. Многие из них находились в антисанитарном состоянии, поскольку призванные бороться за снижение травматизма заводские санитарные посты числились на бумаге. По причине их бездействия промышленные рабочие, занятые на вредном производстве, не получали молока.

Радикально улучшить условия труда на производстве был призван, с одной стороны, комплекс постановлений, принятых в конце 1950 – начале 1960-х гг. ВЦСПС образованным 24 мая 1955 г. Госкомитетом по труду и заработной плате¹¹. С другой стороны, этому аспекту социальной политики был посвящен ряд постановлений правительства и указов Верховного Совета СССР, появившихся

в развитие соответствующей установки XX съезда КПСС¹². Касались эти законодательные акты усиления охраны труда подростков, работников очистных сооружений, промысловой кооперации, коммунального хозяйства, предприятий строительной отрасли, расширения льгот для лиц, работавших во вредных условиях, ограничения шума в промышленности. Кроме того, Совмином СССР были разработаны новые нормы бесплатной выдачи рабочим и служащим спецодежды, спецобуви и предохранительных приспособлений. Стало больше проявляться заботы об охране женского труда на производстве¹³. С конца 1950-х гг. стартовала программа комплексной механизации и автоматизации всех отраслей народного хозяйства СССР, нацеленная в том числе и на облегчение и оздоровление условий труда рабочих и служащих. Выполнение этого условия делегатами июньского 1959 г. Пленума ЦК КПСС было признано главным направлением в работе советов народного хозяйства. С начала 1960-х гг. законодательство предоставило право рабочим, получившим увечье на работе, требовать возмещения ущерба от руководителей предприятий¹⁴. В III программе КПСС, принятой на XXII съезде КПСС в 1962 г., оздоровление и облегчение условий труда было провозглашено одной из важнейших задач подъема народного благосостояния. Претворять в жизнь эту установку были призваны созданные на предприятиях Совнархоза весной 1961 г. службы по технике безопасности, программа деятельности которых оговаривалась в специальном постановлении Совмина СССР и ВЦСПС от 23 января 1962 г. «О мерах по дальнейшему улучшению охраны труда на предприятиях и стройках»¹⁵.

Опираясь на столь масштабную законодательную базу, на многих предприятиях изучаемого региона в 1954–1964 гг. властями была произведена дальнейшая механизация трудоемких работ, проведены мероприятия по ограждению станков, рабочих мест, улучшению санитарно-гигиенических условий, ликвидирована захламленность в ряде цехов, стали разрабатываться новые эскизы спецодежды, в систему стало входить проведение общественных смотров состояния техники безопасности, выросло финансирование всех перечисленных мероприятий. Особенно тщательно все это осуществлялось на астраханских заводах имени К. Маркса, имени X годовщины Октября, «Красные баррикады», «Чистая банка», имени Молодой гвардии, саратовских мельничных, маслозаводах, заводах тяжелого машиностроения, щелочных аккумуляторов, ГПЗ-3, метизном, СарГРЭС¹⁶, вольском цементом заводе «Большевик», сталинградских заводах нефтяного машиностроения, гидролизном, «Красный Октябрь», Серебряковском цементном заводе, Сталинградском тракторном заводе¹⁷. Главный инженер последнего из перечисленных предприятий, выступая на июньском 1959 г. пленуме ЦК КПСС и характеризуя процесс улучшения условий труда на заводе, в частности,

отметил факты исчезновения ряда профессий, связанных с тяжелым трудом, а также снижения уровня ручного труда (до 21,6%) при изготовлении тракторов¹⁸. Механизация трудоемких работ осуществлялась и на предприятиях Кировского и Красноармейского районов города. Поэтому если до 1957 г. в Сталинграде удельный вес всех травм имел тенденцию к росту¹⁹, то к концу этого десятилетия он снизился до уровня от 10,3% до 28,3% по отношению к общему количеству травм²⁰. Например, число пострадавших грузчиков в Сталинградском речной порту сократилось с 77,6% в 1955 г. до 73,2% в 1958 г.²¹ Реализация же решений вышеупомянутого июньского 1959 г. пленума ЦК КПСС позволила уже к концу осени этого года добиться первых результатов по механизации трудоемких работ на железнодорожном транспорте региона, в частности в Ершовском районе Саратовской области²². В рассматриваемой сфере социального развития саратовцы добились определенных достижений и в промышленности. Например, в тресте хлебопекарной промышленности только за 1955–1956 гг. промышленный травматизм сократился на 18,7%, что явилось позитивным итогом проведения, в частности, инструктажа с вновь принимаемыми на предприятие рабочими. В 1959 г. на 12-ти из 15-ти промышленных предприятий Заводского района г. Саратова в результате проведения месячника здоровья также был снижен производственный травматизм. С образованием саратовского совнархоза работы по созданию нормальных промышленно-санитарных условий в цехах получили еще больший размах, что привело, в частности, к снижению коэффициента тяжести производственных травм, а также числа несчастных случаев на производстве со смертельным исходом²³. В целом к середине 1964 г. уровень производственного травматизма в области значительно сократился. Только по сравнению с первым полугодием 1963 г. число несчастных случаев сократилось с 178 до 160 на тысячу работающих²⁴.

Наиболее эффективно мероприятия по охране труда проводились в нефтяной и газовой промышленности рассматриваемого региона. Так, сталинградские рабочие, работавшие в этой отрасли промышленности, почувствовали улучшение условий своего труда уже в 1958 г.²⁵ Не исключено, что они пользовались, в частности, такими же комфортабельными душевыми, как и героиня Ирины Муравьевой в фильме «Москва слезам не верит» (режиссер В. Меньшов), работавшая в конце 1950-х гг. на одном из московских хлебозаводов. В других отраслях промышленности, на транспорте, в сфере быта реализация выработанной партией и правительством программы мер по оздоровлению условий труда проводилась не столь последовательно. Не случайно итоговые резолюции XII и XIII съездов ВЦСПС СССР (26 марта 1959 г. и 31 октября 1963 г. соответственно) нацеливали профсоюзные органы не оставлять

вопросы охраны труда и техники безопасности без своего пристального внимания, «... постоянно заботиться о женщинах-работницах, всемерно облегчать их труд на производстве...»²⁶. Однако экономическая нестабильность – как следствие непоследовательности реформ Хрущева – практически сводила на нет реализацию многих законодательных инициатив в социальной сфере. В частности, условия труда большого количества промышленных рабочих Волгоградской области к началу 1960-х гг. по-прежнему были тяжелыми и небезопасными для их здоровья. Механизация и автоматизация затронула в этой области только основные производства на заводах и фабриках, а вспомогательные работы, где как раз и было занято большинство трудящихся, оставались «нетронутой целиной»²⁷. Именно этим можно объяснить обилие критических высказываний, наказов и жалоб трудящихся рассматриваемого региона, обнаруженных нами в источниках. Так, например, дежурный по станции Ртищево I, выступая на XII горпартконференции (15–16 декабря 1956 г.), в частности, отметил: «... месячные, квартальные осмотры ... вагонного депо ... дают большой эффект производству, но вот о живых людях, работающих на этом производстве, мы зачастую забываем ... есть необходимость, чтобы в комиссии квартального осмотра присутствовал врачебный персонал, санитарный и от общественности, тогда будет осмотр производства без отрыва от людей – рабочих»²⁸.

Обнаруженные нами источники позволяют выделить и конкретные факторы, порождавшие травматизм на производстве в 1955–1964 гг. Первое место по объему обработанных данных занимали организационные неполадки, к которым относится штурмовщина, несогласованность в работе, неправильная организация рабочих мест в цехе, пренебрежение правилами техники безопасности²⁹. Последнее обстоятельство часто являлось причиной допуска к работе лиц в алкогольном опьянении, что, в свою очередь, резко увеличивало процент травматических случаев. К концу 1959 г. только в Саратовской области из-за нарушения правил техники безопасности происходило от 8 до 12% производственных травм³⁰. На второй позиции прочно обосновались санитарно-гигиенические неполадки, выражающиеся в плохом или недостаточном освещении, очень высокой или низкой температуре в цехе, тесноте, захламленности, запыленности³¹. Меньше всего замечаний было высказано относительно технических неполадок, к которым относились: неисправность станков, агрегатов, отсутствие ограждений, некачественный инструментарий и др.³² Все эти факторы в той или иной степени влияли как на частоту травматических проявлений, так и на коэффициент их тяжести, причем при уменьшении первого показателя нередко возрастал второй. Так, при отмеченном выше снижении количества пострадавших грузчиков

в Сталинградском речном порту коэффициент тяжести травматических проявлений с 1955 г. по 1958 г. наоборот вырос с 14,7 до 24,9³³. В разное время лидирующие позиции по уровню производственного травматизма занимали такие предприятия, как прядильно-ткацкая фабрика г. Энгельса, железнодорожное хозяйство № 1 транспортного управления Приволжского совнархоза³⁴ и др. На них число пострадавших при несчастных случаях, связанных с производством, значительно превышало средние показатели по соответствующей отрасли или в целом по промышленности.

Если горожане, несмотря на издержки, все же почувствовали некоторую отдачу от проводимой хрущевским руководством политики оздоровления и облечения условий труда, то в отношении сельских тружеников этого сказать нельзя, хотя сельское хозяйство было экономическим приоритетом хрущевского правления. В первое постсталинское десятилетие так и не появилось ни одного законодательного акта, специально посвященного улучшению условий труда на селе. Руководители государства обратили внимание лишь на необходимость возведения всех производственных помещений на селе по типовым проектам, а также на комплекс мер по механизации сельскохозяйственного труда³⁵. В то же время эти мероприятия нацеливались, прежде всего, на улучшение эксплуатации сельхозтехники, хранения и очистки зерна, содержания коров и крупного рогатого скота и в последнюю очередь на обеспечение безопасности трудоемких процессов на селе. Именно этим объясняется обилие критических высказываний на местах³⁶. Одним из самых показательных можно считать следующее изречение: «... наша администрация плохо заботится о доярках и свиноводках: нет спецовок ... свиноводки без полов, свиноводки больные, дверей в животноводческих помещениях нет ... отношение к рабочим хуже быть не может» (15 ноября 1958 г., Романовский район Саратовской области)³⁷. Порождались жалобы и последствиями реформирования административно-территориального устройства региона. Так, ликвидация 19 ноября 1957 г. созданной за счет разукрупнения Саратовской, Воронежской, Сталинградской и Тамбовской областей тремя годами ранее Балашовской области привела к замораживанию многих начинаний в изучаемой сфере социального развития. Так, директор совхоза «Выдвиженец», выступая на Ртищевской городской партийной конференции (13–14 декабря 1958 г.), в частности, отметил: «Совхоз ... лишен механической мастерской ... Мы ремонтируем на холоде под открытым небом. Вопрос о постройке механической мастерской был решен положительно, когда мы были в ведении Балашовской области, следовало перейти нам под руководство Саратовской области, вопрос по постройке этой мастерской и по сей день остается открытым»³⁸.

Основными причинами, вызывавшими недовольство колхозников качеством своей жизни,

являлись непродуманные высказывания и решения самого Хрущева, уделявшего пристальное внимание развитию советского села. Выступая на зональном совещании работников сельского хозяйства в Ленинграде в мае 1957 г. советский лидер выдвинул свой знаменитый лозунг «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла». Тем самым СССР откликнулся на провокационный призыв американцев посостязаться в сельском хозяйстве, опубликованный в газете штата Айова «Де-Монт реджистер» в 1955 г.³⁹ Это соперничество, сопровождаясь приписками, обманом и мошенничеством, всецело поглотив внимание Хрущева, не оставило практически ни одного шанса на успех даже такой весьма не содержательной программе улучшения условий труда в аграрном секторе страны. Так, директор одной из МТС Кистендеевского района Саратовской области в своем выступлении на XIV райпартконференции (20–21 декабря 1957 г.) заострил внимание на том, что «... много лет идет разговор о строительстве типовых мастерских, составляется проект, расчеты, а строительства до сих пор нет»⁴⁰. Сооружением животноводческих помещений государство занималось только в передовых колхозах, а в остальных этим занимались частники (так называемые «дикие» бригады). Поэтому в большинстве районов строительство велось не по типовым проектам⁴¹. Так было быстрее и дешевле, а многочисленные жалобы населения на тесноту, холод, плохое освещение в МТС, мастерских, свиноводках в расчет не принимались⁴². Делегаты январского 1955 г. пленума ЦК КПСС отмечали, что многие типовые проекты животноводческих помещений не удовлетворяли колхозы, поскольку они предусматривали применение большого количества дорогого лесоматериала⁴³. «Дикие» бригады, не имея необходимых финансовых средств, возводили временные животноводческие помещения, которые через один – два года разваливались. Нередко начатое строительство затягивалось, несмотря даже на призывы руководства использовать местные строительные материалы⁴⁴. В то же время стремление как можно быстрее догнать США по производству сельскохозяйственной продукции вынуждало партийно-чиновничий аппарат принимать безответственные решения, допуская животноводов к работе в недостроенных помещениях, порой с не заклеенными окнами и без дверей. В силу этого свою актуальность сохраняли старые животноводческие помещения. Они подвергались модернизации, но это далеко не всегда улучшало условия труда: «... мы их без конца перегораживаем, а делать, не делаем и они в скором времени разрушаются»⁴⁵. В отдельных районах вообще ничего не строилось, люди вынуждены были трудиться на открытом воздухе в любую погоду.

В условиях острой нехватки типовых производственных помещений механизация трудоемких работ в животноводстве была также мало эффек-

тивна. Даже там, где имелись хорошие животноводческие помещения, этот процесс тормозился отсутствием централизованного государственного обеспечения. Руководителям хозяйств приходилось либо все необходимое закупать за наличные средства, а таковые не всегда были в достаточном количестве, либо доставать «нелегальным образом». Если не помогало ни то, ни другое, пытались обращаться за помощью к директорам промышленных предприятий. Складывавшуюся ситуацию очень метко характеризуют слова председателя колхоза имени Ленина Черкасского района Саратовской области, сказанные им на XVIII райпартконференции (8–9 декабря 1956 г.): «О механизации трудоемких работ идет только разговор, а дела со стороны райкома КПСС нет»⁴⁶. Поэтому процент ручного труда в животноводстве был по-прежнему высоким⁴⁷, что создавало предпосылки роста сельскохозяйственного травматизма. Его снижению, как и профессиональной и обычной заболеваемости тружеников сельского хозяйства, препятствовали нехватка или полное отсутствие спецодежды, штурмовщина, антисанитария в производственных помещениях и на прилегающих к ним территориях⁴⁸. В частности, делегаты V сессии Верховного Совета Калмыцкой АССР (второго созыва), обсуждая 5 мая 1960 г. вопрос «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения республики», отмечали многочисленные факты несоблюдения санитарных требований и норм руководителями предприятий, совхозов и колхозов⁴⁹. Многие из них игнорировали предложения врачей-эпидемиологов по ликвидации этих недостатков, а также безопасному использованию удобрений. Средства, выделяемые на мероприятия по охране труда, в некоторых хозяйствах региона использовали менее чем наполовину. Районные профсоюзные комитеты часто «терпимо» относились к нарушениям техники безопасности, допуская к работе на машинах несовершеннолетних⁵⁰. Все это напрямую отражалось на таком критерии, как продолжительность жизни. В народном хозяйстве региона наблюдался рост случаев травматизма со смертельным исходом. Так в Саратовской области в первой половине 1960 г. их число составило 27 единиц, а к концу года увеличилось до 80. В сельской же местности области (в ремонтно-технических станциях (РТС) и совхозах) число смертельных случаев в течение этого года выросло всего на четыре единицы, с 11 до 15. По средней же продолжительности нетрудоспособности сельское хозяйство опережало промышленность: в 1960 г. на фабриках и заводах области этот показатель равнялся 14,4, а в РТС и совхозах – 19,8⁵¹. Значительный процент в общем числе сельскохозяйственных травм составлял глазной травматизм. Так, по данным лечебных учреждений Сталинграда, количество повреждений глаз в сельском хозяйстве к общему количеству травм в конце 1950-х гг. составляло от 9,8 до 11%.

В 53% случаях травмы были получены во время ремонта сельскохозяйственных машин⁵².

Однако при общей негативной тенденции с охраной труда в сельском хозяйстве в отдельных частях изучаемого региона все же наблюдались и позитивные явления⁵³. Под влиянием широкого внедрения передовой техники и механизации улучшились условия труда животноводов, снизилось число травм в 1961–1962 гг. в шести районах Саратовской области⁵⁴. Это позволило в течение последующих лет снизить частоту травм в сельскохозяйственном производстве с 35,6% в 1963 г. до 26,3% в 1965 г., а также сократить переход на инвалидность с 15% в 1963 г. до 8% в 1964 г.⁵⁵. Сталинградская область выделялась определенными успехами в облегчении и оздоровлении условий женского труда на животноводческих фермах. Определенную отдачу имела и реализация предложений рационализаторов по вытеснению ручного труда машинным при уборке навоза с ферм⁵⁶. Именно на эти успехи обратила внимание жительница Краснопартизанского района Саратовской области, участвовавшая в 1960 г. в работе областного совещания женщин, предложив саратовским руководителям различного уровня перенимать опыт сталинградцев⁵⁷. Действительно, по уровню энерговооруженности труда Саратовская область значительно уступала своим соседям. Так, в сельскохозяйственных предприятиях этой области в 1960 г. на одного работника приходилось 7,9 лошадиных сил, а в Сталинградской – 10,2. Сталинградцы опережали по этому показателю и Астраханскую область, где в 1965 г. на одного работника приходилось всего 10,4 лошадиных сил, а на одного жителя Волгоградской области – 14,1⁵⁸. В то же время и в этой относительно успешно решавшей проблемы улучшения труда сельчан области сохранялись немалые проблемы в своей сфере, о чем говорилось даже на пленумах ЦК КПСС⁵⁹.

В выступлениях на различных партийных и государственных форумах звучали и указы обывателей в адрес руководства об улучшении условий труда, в частности через решительное и комплексное проведение механизации производства⁶⁰. Однако вместо того, чтобы прислушаться к ним, профсоюзный лидер СССР В. В. Гришин, выступая на мартовском 1962 г. пленуме ЦК КПСС, уповал на чудодейственный эффект от разделения партийных и советских органов власти на промышленные и сельскохозяйственные по снижению высоких показателей потерь рабочего времени вследствие сельскохозяйственного травматизма (в первой половине 1961 г. в целом по СССР они составили 1200 тысяч человеко-дней)⁶¹. Однако этого так и не произошло, что убедительно доказывают слова самого Виктора Васильевича на мартовском 1965 г. пленуме ЦК КПСС о наличии недостатков в работе профсоюзов по улучшению условий труда работников совхозов и колхозников⁶².

Лишь после отстранения, в октябре 1964 г., от власти Н. С. Хрущева и началом новой экономической реформы стали намечаться отдельные позитивные сдвиги в создании более безопасных условий труда в селах региона. Так, например, выступая на XV съезде ВЛКСМ (17–21 мая 1966 г.), старший чабан колхоза «Вторая пятилетка» Калмыцкой АССР отметил большой объем работ, проведенных по облегчению труда сельских жителей республики⁶³. Новый импульс процесс улучшения положения с охраной труда получил в 1967 г., когда на этот аспект социальной политики обратил внимание Л. И. Брежнев и впервые после 1930-х гг. появилась целостная программа по оздоровлению и облегчению условий труда на селе⁶⁴. Выросли объемы финансирования мер по охране труда этой категории населения: только за 1966–1967 гг. государство ассигновало на эти цели 83 млн руб., за счет которых 15 млн труженников советского села были обучены технике безопасности, было оборудовано большое количество душевых, гардеробных, кабинетов и уголков техники безопасности⁶⁵. Тем самым по степени комфорта и безопасности условия труда на селе стали постепенно приближаться к промышленности, где за предперестроечное двадцатилетие произошло полное обновление законодательства, регулирующего вопросы охраны труда. Причем со второй половины 1970-х гг. этот процесс охватил все отрасли народного хозяйства⁶⁶. Важную роль в этом по-прежнему играли профсоюзы, деятельность которых была подчинена формуле «от техники безопасности к безопасной технике»⁶⁷. Важной вехой в реализации этой установки стала разработка единой для труженников села и рабочих промышленности системы стандартов безопасности труда (ССБТ). К концу 1980 г. эта система насчитывала более 230 государственных и около 200 отраслевых стандартов, большинство из которых содержали новейшие на тот момент отечественные и зарубежные достижения в области безопасности труда⁶⁸. Особую заботу государство проявляло о лицах, занятых на вредных для здоровья производствах, женщинах и подростках, о чем свидетельствуют материалы принятого в 1970 г. КЗОТ и выступления на партийных и профсоюзных съездах тех лет⁶⁹. Таким образом, к концу рассматриваемого периода в стране возникла солидная законодательная основа для значительного снижения производственного травматизма, заболеваемости и повышения безопасности условий труда, как в городской, так и в сельской местности, что явилось важнейшей предпосылкой формирования в СССР социального государства.

Реализация принятых в те годы постановлений, инструкций, стандартов положений имела гораздо большее значение, чем для промышленности⁷⁰, для сельской местности, где до середины 1960-х гг. об улучшении условий труда заботились лишь профсоюзы. Одним из показателей улучшения условий и культуры производства труженников

села, в частности животноводов, являлся перевод ферм на двухсменный режим работы. Его внедрение возможно было только при условии наличия передовых технологий, делающих труд доярка более безопасным, легким, а соответственно снижающим уровень производственного травматизма. Так, в совхозах Саратовской области только за 1967 г. число производственных травм сократилось на 11,7%. У животноводов в Балашовском районе этой области показатель тяжести производственных травм снизился к этому времени в два раза⁷¹. Но наибольших успехов в работе по переводу животноводческих ферм на двухсменный режим работы добились в Волгоградской области. Если к началу 1967 г. на новую организацию труда перешли 54 волгоградские животноводческие фермы, то в 1968 г. – уже 121. В Саратовской области этот процесс сдерживался из-за плохого внедрения в ряде районов механизации трудоемких процессов. Тем не менее к концу 1970 г. в области на новую форму работы перешли 1500 ферм. К этому времени только 52% колхозов Саратовской, Волгоградской и Астраханской областей имели типовые мастерские с безопасными для здоровья условиями ремонта сельхозтехники. Недостаточное внимание к условиям труда и быта являлось одной из важнейших причин текучести механизаторских кадров. В Волгоградской области по этой причине во второй половине 1960-х гг. недоставало 55% механизаторов, в Саратовской – 72%⁷². Дефицит типовых производственных помещений, в частности животноводческих, ощущался и в последующем, несмотря на проведение масштабных работ местных парторганизаций по улучшению условий труда и быта трудящихся⁷³. В битве за качество в этом аспекте социального развития страны постепенно становилось все больше поражений нежели побед. Коллективные договоры и соглашения по социальным вопросам и по охране труда во многих случаях составлялись формально. Мероприятия по улучшению условий труда не выполнялись и просто переписывались из одних постановлений съездов КПСС и ВЦСПС в другие⁷⁴.

С 1975 г., ставшего для СССР высшей точкой своего развития и одновременно годом великого разлома, увеличивавшиеся по-прежнему количественные показатели не приводили к качественным изменениям в сфере охраны труда и техники безопасности⁷⁵. Об этом говорят и результаты социологических опросов сельских жителей Саратовской и Волгоградской областей. Если в середине 1975 г. опрашиваемые работники совхозов среди причин, неудовлетворяющих их работу, называли только физическое переутомление, возникавшее вследствие отсутствия механизации трудоемких работ, то в начале 1980-х гг. этот перечень пополнился температурными колебаниями, нервным напряжением, запыленностью, загазованностью, резким шумом⁷⁶. Все это напрямую сказывалось на ухудшении состояния здоровья

трудящихся, привело к росту производственного травматизма⁷⁷. Таким образом, социальная практика все более отдалялась от социального законодательства, в котором стремительно стирались грани между городом и деревней, в том числе и относительно изучаемого вопроса. Различия между тем, что было прописано в том или ином стандарте по технике безопасности и действительностью, с одной стороны, а с другой, различия условий труда в промышленности, особенно оборонной и сельского хозяйства, неизбежно вели к обострению социально-психологического кризиса в обществе, сигнализирующего о необходимости коренных перемен в стране.

Примечания

- 1 Декреты Советской власти: в 18 т. М., 1959. Т. 2. С. 279–281.
- 2 См.: Собрание законов СССР (далее – СЗ). 1930. Отдел первый. № 6. Ст. 70 ; Собрание узаконений РСФСР. (далее – СУ) 1930. Отдел первый. № 27. Ст. 359. № 32. Ст. 422.
- 3 Десятый съезд профессиональных союзов СССР (19–27 апреля 1949 г.). Стенографический отчет. М., 1949. С. 33.
- 4 Боровков П. Н. Краткий исторический очерк развития медицинской помощи на предприятиях рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна // Труды Астраханского государственного медицинского института. Т. XI. (1918–1953). К 35-летию со дня основания института. Астрахань, 1954. С. 57.
- 5 См.: Сталинградская правда. 1953. 25. 02. Л. 3; Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 115. Оп. 29. Д. 1. Л. 73. Ф. 940. Оп. 29. Д. 5. Л. 28. Ф. 1698. Оп. 41. Д. 2. Л. 102. Ф. 2654. Оп. 17. Д. 78. Л. 99. Ф. 4096. Оп. 3. Д. 162. Л. 129. Д. 199. Л. 32. Работавшие в таких условиях колхозницы, окончательно отчаявшись, в своих выступлениях предлагали в коровниках или свинарниках «... держать только руководителей...», чтобы они ощутили на себе, в каких тяжелых условиях приходилось трудиться простым людям, и, наконец, улучшили их (Например: ГАНИСО. Ф. 3139. Оп. 16. Д. 1. Л. 87).
- 6 Там же. Ф. 4723. Оп. 18. Д. 1. Л. 90.
- 7 Там же. Ф. 972. Оп. 20. Д. 23. Л. 86. Ф. 1108. Оп. 23. Д. 18. Л. 87. Ф. 1327. Оп. 45. Д. 31. Л. 115. Ф. 5491. Оп. 4. 31. Л. 38.
- 8 См.: Десятый съезд профессиональных союзов СССР (19–27 апреля 1949 г.). С. 34 ; Резолюции XIX съезда коммунистической партии Советского Союза (5–14 октября 1952 г.). М., 1953. С. 63–64.
- 9 Всесоюзный съезд профессиональных союзов, 11-й. Материалы. М., 1954. С. 33. В частности, на саратовском заводе № 614 абсолютное число несчастных случаев, связанных с производством, в течение 1953–1954 гг. снизилось на 67 единиц (ГАНИСО. Ф. 136. Оп. 12. Д. 39. Л. 218).
- 10 Там же. Ф. 81. Оп. 36. Д. 1. Л. 107. Ф. 136. Оп. 12. Д. 39. Лл. 53–54, 189. Ф. 1108. Оп. 23. Д. 33. Л. 19.
- 11 Профсоюзы СССР. Документы и материалы в четырех томах. Т. 4 (1953–1963). М., 1963. С. 272–273. Подробнее об этом также см.: Гуменюк А. А. Условия труда населения Саратовской области в 1953–1964 гг. // Актуальные проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории : сб. материалов V межвуз. науч. конф. 16 февр. 2012 г. Саратов, 2012. С. 112–114.
- 12 См.: Резолюции XX съезда КПСС Советского Союза. 14–25 сентября 1956 г. М., 1956. С. 86.
- 13 См.: Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного совета СССР (1938–ноябрь 1958 г.). М., 1959. С. 420–421 ; Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М., 1959. С. 235 ; Собрание постановлений РСФСР (далее – СП). 1958. № 1. Ст. 5; № 3. Ст. 31; № 5. Ст. 44; № 11. Ст. 126; № 12. Ст. 133; 1959. № 9. Ст. 81; 1960. № 12. Ст. 89; № 33. Ст. 157; 1961. № 28. Ст. 130; 1962. № 7. Ст. 43; 1964. № 1. Ст. 8; СП СССР. 1959. № 13. Ст. 78; 1960. № 5. Ст. 27; № 20. Ст. 1.
- 14 См.: КПСС в резолюциях ... Т. 9. 1956–1960. М., 1986. С. 444, 445, 454, 455 ; СП СССР. 1961. № 15. Ст. 119.
- 15 См.: Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962. С. 392; Программа коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М., 1976. С. 95; СП РСФСР. 1961. № 9. Ст. 37; СП СССР. 1962. № 2. Ст. 15.
- 16 См.: Волга. 1956. 24.01. Л. 3. 22.12. Л. 3; ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 28. Д. 33. Л. 54. Ф. 138. Оп. 14. Д. 68. Л. 70. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3688. Л. 26. Д. 3873. Лл. 28, 147–149. Д. 3874. Лл. 146, 170. Ф. 972. Оп. 29. Д. 1. Лл. 74, 124. Ф. 5369. Оп. 1. Д. 10. Л. 192.
- 17 См.: Герусов Ю. М. Анализ травматизма и летальности от травм в г. Сталинграде // Вопросы травматизма : Сб. науч. трудов. Сталинград, 1960. Вып. 1. С. 27; Копарулин А. А. Деятельность партийных организаций Нижнего Поволжья по развитию производства строительных материалов (1959–1965 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1976. С. 97, 98, 100–101; Сталинградская правда. 1959. 31.12. Л. 3. Молодой ленинец. 1962. 31.03. Л. 2; 1964. 28.11. Л. 3.
- 18 Пленум ЦК КПСС (24–29 июня 1959 г.). Стенографический отчет. М., 1959. С. 352.
- 19 Так, за четыре года в г. Сталинграде производственный травматизм по числу случаев на 100 работающих вырос с 26,47 в 1954 г. до 33,51 в 1957 г. (Подсчитано по: Герусов Ю. М. Указ. соч. С. 26).
- 20 Баландина И. А. Травматизм по материалам хирургического отделения центральной станции скорой медицинской помощи города Сталинграда // Вопросы травматизма : сб. науч. трудов. Сталинград, 1960. Вып. 1 (аналогично со статьей № 17). С. 39, 40.
- 21 Еферт В. И., Левинина С. С. Травматизм в Сталинградском речном порту за четыре года // Вопросы травматизма : сб. науч. трудов. Сталинград, 1960. Вып. 1. (аналогично со статьей № 17). С. 54.
- 22 См., например: ГАНИСО. Ф. 42. Оп. 28. Д. 114. Л. 80.
- 23 Подробнее см.: Гуменюк А. А. Условия труда населения Саратовской области в 1953–1964 гг. С. 115.
- 24 См.: ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 1 а. Д. 60. Л. 62, 63.
- 25 Очерки истории Волгоградской областной организации КПСС. Волгоград, 1985. С. 427.

- ²⁶ См.: Профсоюзы СССР. Документы и материалы. М., 1974. Т. 4. С. 354–355; Т. 5 (1963–1973). С. 64, 65.
- ²⁷ См.: Пленум ЦК КПСС (19–23 декабря 1962 г.). Стенографический отчет. М., 1963. С. 257.
- ²⁸ ГАНИСО. Ф. 5314. Оп. 6. Д. 296. Л. 38.
- ²⁹ Там же. Ф. 5. Оп. 33. Д. 14. Лл. 124–125. Ф. 136. Оп. 19. Д. 1. Л. 103. Ф. 196. Оп. 38. Д. 1. Л. 20 об. Ф. 470. Оп. 36. Д. 15. Л. 73. Ф. 972. Оп. 29. Д. 42. Лл. 119–120. Ф. 1698. Оп. 45. Д. 1. Л. 60. Ф. 2329. Оп. 30. Д. 18. Л. 72. Ф. 2485. Оп. 26. Д. 1. Л. 101. Ф. 2654. Оп. 17. Д. 105. Л. 45. Ф. 2657. Оп. 22. Д. 22. Л. 97. Ф. 3120. Оп. 23. Д. 50. Л. 159. Ф. 3192. Оп. 13. Д. 58. Л. 66. Ф. 3193. Оп. 19. Д. 15. Л. 84. Ф. 5194. Оп. 5А. Д. 1. Л. 86. Ф. 4096. Оп. 3. Д. 220. Л. 9. Ф. 6191. Оп. 1. Д. 15. Л. 23. Д. 103. Л. 105. Ф. 6193. Оп. 1. Д. 6. Лл. 7; 327; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 960. Л. 13. Д. 1104. Л. 30 об. Оп. 3. Д. 280. Л. 4. Д. 1649. Л. 1 об. Оп. 4. Д. 85. Л. 27 об.; Герусов Ю. М. Указ. соч. С. 28; Сталинградская правда. 1959. 26.12. Л. 3.
- ³⁰ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 959. Л. 90.
- ³¹ См.: ГАНИСО. Ф. 81. Оп. 42. Д. 36. Л. 135. Ф. 136. Оп. 19. Д. 74. Л. 112. Ф. 972. Оп. 25. Д. 87. Л. 110. Ф. 1698. Оп. 45. Д. 38. Л. 92. Ф. 2329. Оп. 30. Д. 18. Л. 72. Ф. 2485. Оп. 26. Д. 1. Л. 94. Ф. 4096. Оп. 3. Д. 220. Л. 9. Д. 310. Лл. 12. 31. Ф. 5031. Оп. 17. Д. 47. Лл. 56–57. Ф. 5314. Оп. 6. Д. 296. Л. 40. Ф. 6191. Оп. 1. Д. 103. Л. 169. Ф. 6193. Оп. 1. Д. 6. Л. 34; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 846. Л. 73. Оп. 3. Д. 932. Л. 17; Герусов Ю. М. Указ. соч. С. 28; Сталинградская правда. 1956. 11.12. Л. 3; 1959. 10.01. Л. 3; 25.02. Л. 3; Волгоградская правда. 1962. 11.01. Л. 3. 7.02. Л. 3; Молодой ленинец. 1962. 31.03. Л. 2; 21.12. Л. 1; 1964. 10.01. Л. 3.
- ³² См.: ГАНИСО. Ф. 2485. Оп. 34. Д. 21. Л. 66. Ф. 6191. Оп. 1. Д. 15. Л. 23. Ф. 1698. Оп. 45. Д. 44. Л. 42. Ф. 6193. Оп. 1. Д. 7. Л. 82; Герусов Ю. М. Указ. соч. С. 28.
- ³³ Еферт В. И., Левинина С. С. Указ. соч. С. 56.
- ³⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 2485, Оп. 27. Д. 1. Лл. 105–106. Ф. 6193. Оп. 1. Д. 6. Лл. 154, 155, 161.
- ³⁵ См.: КПСС в резолюциях ... Т. 8. 1946–1955. М., 1985. С. 316, 333, 386, 475, 480. С. 288, 487, 455; Профсоюзы СССР. Документы и материалы. Т. 5. С. 66.
- ³⁶ См., например: Советская Калмыкия. 1959. 10.02. Л. 3; 7.03. Л. 2.
- ³⁷ ГАНИСО. Ф. 103, Оп. 25, Д. 28, Л. 11.
- ³⁸ Там же. Ф. 5314, Оп. 12, Д. 21, Л. 42.
- ³⁹ См.: Сванидзе М., Сванидзе Н. Исторические хроники с Николаем Сванидзе. СПб., 2014. Т. 16. 1957–1958–1959. С. 22; Т. 17. 1960–1961–1962. СПб., 2014. С. 5, 18.
- ⁴⁰ ГАНИСО. Ф. 858, Оп. 23, Д. 2, Л. 38 об.
- ⁴¹ Там же. Ф. 1432, Оп. 1, Д. 300, Л. 20, Ф. 3120, Оп. 23, Д. 17, Л. 82.
- ⁴² См.: ГАНИСО. Ф. 115, Оп. 32, Д. 1, Л. 58, Ф. 165, Оп. 34, Д. 2, Л. 57, Ф. 1183, Оп. 16, Д. 140, Л. 75, Ф. 2654, Оп. 17, Д. 92, Л. 72; Сталинградская правда. 1956. 18.03. Л. 3; Волга. 1956. 12.01. Л. 3; Советская Калмыкия. 1957. 25.08. Л. 3.
- ⁴³ См.: Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3, Оп. 31. Д. 5. Л. 43–44; Сталинградская правда. 1956. 24.01. Л. 3.
- ⁴⁴ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 5. Л. 44; Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : в 8 т. Т. 1: сентябрь 1953 г. – январь 1955 г. М., 1962. С. 410; Брежнев Л. И. Воспоминания : Жизнь по заводскому гудку. Чувство Родины. Малая земля. Возрождение. Целина. М., 1982. С. 196–197; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 3. Д. 201. Л. 384. Д. 527. Л. 4. Д. 1080. Лл. 3–3 об.; Сталинградская правда. 1959. 11.02. Л. 3; Волга. 1962. 30.01. Л. 3.
- ⁴⁵ ГАНИСО. Ф. 4254. Оп. 20. Д. 1. Л. 35.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 129. Оп. 31. Д. 34. Л. 35 об.
- ⁴⁷ Комсомолец Каспия. 1960. 11.12. Л. 1. Главный зоотехник сельхозинспекции Екатеринбургского района Саратовской области, выступая на XIV районной партийной конференции (6–7 декабря 1958 г.) по этому поводу отметил: «Если в полеводстве забыты серп, цеп, деревянная соха, большинство работ механизировано, то в животноводстве кроме ведра, лопаты и рабочих рук колхозников» ничего не было (ГАНИСО. Ф. 41. Оп. 29. Д. 78. Л. 67). Увеличению процента ручного труда на фермах способствовал и некачественный ремонт доильных аппаратов местными отделениями «Сельхозтехники», поэтому доярки отказывались на них работать (см., например: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 3. Д. 1102. Л. 4).
- ⁴⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 202. Оп. 38. Д. 20. Л. 115. Ф. 4168. Оп. 17. Д. 82. Л. 58; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 3. Д. 872. Л. 7. Д. 1836. Л. 4; Советская Калмыкия. 1957. 19.09. Л. 3; Сталинградская правда. 1959. 23.01. Л. 3; Волгоградская правда. 1964. 22.01. Л. 1.
- ⁴⁹ См.: Дойникова Е. А., Сысоев П. Н. На страже здоровья // 50 лет под знаменем Октября. Элиста, 1967. С. 180.
- ⁵⁰ См.: ГАНИСО. Ф. 202. Оп. 26. Д. 48. Л. 57. Ф. 103. Оп. 29. Д. 18. Л. 30. Ф. 1047. Оп. 27. Д. 1. Л. 71; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 3. Д. 1238. Л. 3 об. Д. 1836. Л. 2, 6; Советская Калмыкия. 1959. 10.02. Л. 2.
- ⁵¹ См.: ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 1А. Д. 36. Лл. 40–40 об. 92–92 об.
- ⁵² См.: Куликов И. А., Берова И. Б. Сельскохозяйственный глазной травматизм по материалам клиники глазных болезней за 1956–1959 гг. // Вопросы травматизма. С. 209, 210.
- ⁵³ См., например: Советская Калмыкия. 1957. 16.08. Л. 3.
- ⁵⁴ См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 3. Оп. 3. Д. 814. Л. 2. Д. 872. Л. 11. Д. 1102. Л. 4. Д. 1128. Л. 7 об. Д. 2157. Л. 1 об.; ГАНИСО. Ф. 970. Оп. 36. Д. 33. Л. 120.
- ⁵⁵ Харитонов Б. Б., Зарецков В. А., Кригер Е. Р., Рабов В. К. Профилактика травматизма в сельскохозяйственном производстве Саратовской области // Первый всероссийский съезд травматологов-ортопедов (17–20 октября 1966 г.). Л., 1966. С. 33.
- ⁵⁶ См.: Зубков А. И. Идеино-политическая работа Волгоградской и Саратовской областных партийных организаций в деревне в период семилетки (1959–1965 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1969. С. 186.
- ⁵⁷ ГАНИСО. Ф. 1108, Оп. 27, Д. 33, Л. 26.
- ⁵⁸ См.: Народное хозяйство Саратовской области в 1960 году. Статистический сборник. Саратов, 1962. С. 171; Народное хозяйство Волгоградской области в 1966–1971 гг. Статистический сборник. Саратов, 1973. С. 65; Народное хозяйство Астраханской области в де-

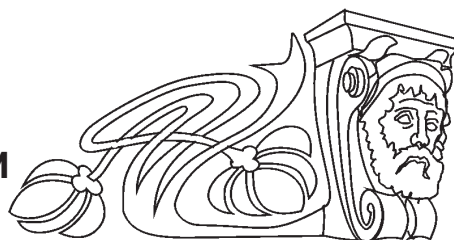

- вятой пятилетке. Статистический сборник. Волгоград, 1976. С. 22.
- ⁵⁹ См.: Пленум ЦК КПСС (10–18 января 1961 г.). Стенографический отчет. М., 1961. С. 312; Пленум ЦК КПСС (23–26 марта 1965 г.). Стенографический отчет. М., 1965. С. 71–72; *Тропинина С. А.* Деятельность партийных организаций по подготовке и воспитанию кадров массовых профессий сельскохозяйственных профессий (1959–1965 гг., на материалах Волгоградской и Саратовской областей) : дис. канд. ист. наук. Саратов, 1984. С. 151–152.
- ⁶⁰ См.: Пленум ЦК КПСС (22–25 декабря 1959 г.). Стенографический отчет. М., 1960. С. 243 ; ГАНИСО. Ф. 42. Оп. 32. Д. 18. Л. 133. Ф. 3120. Оп. 23. Д. 17. Л. 87. Гасо. Ф. Р-1738. Оп. 3. Оп. 3. Д. 724. Л. 23. Д. 1102. Л. 5.
- ⁶¹ Пленум ЦК КПСС (5–9 марта 1962 г.). Стенографический отчет. М., 1962. С. 391.
- ⁶² Пленум ЦК КПСС 21–28 марта 1965 г. Стенографический отчет. М., 1965. С. 113.
- ⁶³ См.: XV съезд ВЛКСМ (17–21 мая 1966 г.). Стенографический отчет. М., 1966. С. 456.
- ⁶⁴ См.: Дневниковые записи Л. И. Брежнева 1957–1982 гг. // *Хинштейн А.* Сказка о потерянном времени. Почему Брежнев не стал Путиным. М., 2011. С. 487 ; СП СССР. 1967. № 18. Ст. 121.
- ⁶⁵ Материалы XIV съезда профессиональных союзов СССР. М., 1968. С. 37.
- ⁶⁶ См.: СП РСФСР. 1966. № 28. Ст. 129 ; 1973. № 21. Ст. 168 ; 1982. № 2 Ст. 7 ; СП СССР. 1965. № 15. Ст. 121 ; 1966. № 17. Ст. 151–152 ; 1967. № 12. Ст. 80 ; № 24. Ст. 273 ; 1973. № 22. Ст. 123 ; 1978. № 11. Ст. 74 ; 1982. № 2. Ст. 8; Кодекс законов о труде РСФСР. М., 1974. С. 38–43; Профсоюзы СССР. Т. 5. С. 487–491. Конституция (основной закон) СССР. М., 1977. С. 17.
- ⁶⁷ Материалы XVI съезда профессиональных союзов СССР. М., 1977. С. 18.
- ⁶⁸ *Гуменюк А. А.* Условия труда населения Саратовской области в 1965–1985 гг. // История, экономика, культура : взгляд молодых исследователей : межвуз. сб. науч. трудов. Саратов, 2011. С. 212.
- ⁶⁹ См.: Материалы XIV съезда профессиональных союзов СССР. С. 98 ; Кодекс законов о труде РСФСР. С. 46–47 ; Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 217 ; Материалы XVIII съезда профессиональных союзов СССР. М., 1987. С. 63.
- ⁷⁰ Об изменениях условий труда промышленных рабочих изучаемого региона см.: *Гуменюк А. А.* Условия труда населения Саратовской области в 1965–1985 гг. С. 213–219; Волга. 1968. 16.06. Л. 3 ; 1973. 16.06. Л. 2 ; 1971. 23.01. Л. 4 ; 1976. 25.01. Л. 3 ; Волгоградская правда. 1971. 7.01. Л. 2 ; 26.02. Л. 3 ; 1981. 25.01. Л. 2.
- ⁷¹ См.: *Тейтельбаум М. З., Зарецков В. А.* Производственный травматизм в совхозах Саратовской области и организация травматологической помощи // Вопросы травматологии и ортопедии : сб. трудов СарНИИТО, посвящ. 25-летию института. Саратов, 1972. С. 13, 15; ГАНИСО, ф. 6194, оп, 1-пр., д. 79, л. 159–160, д. 723, л. 136.
- ⁷² См.: *Яковлев С. А.* Борьба партии за техническое переоснащение сельскохозяйственного производства в годы восьмой пятилетки (на материалах Нижнего Поволжья) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1981. С. 137–138 ; *Ищенко А. Ф.* Деятельность партийных организаций Нижнего Поволжья по дальнейшему развитию колхозов в 1966–1970 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1984. С. 36, 38, 100, 148–151 ; *Ващенко Н. Н.* Пропаганда и внедрение достижений науки и передового опыта в сельскохозяйственное производство в 1966–1970 гг. (на материалах партийных, государственных и общественных организаций областей Нижнего Поволжья) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1992. С. 136–137.
- ⁷³ См.: Очерки истории Калмыцкой организации КПСС. Элиста, 1980. С. 375; Очерки истории Астраханской организации КПСС. Волгоград, 1985. С. 595; Волгоградская правда. 1971. 12.11. Л. 3; Волга 1971. 21.12. Л. 2; Советская Калмыкия. 1966. 11.02. Л. 3 ; 14.12. Л. 2 ; 1971. 24.11. Л. 2 ; 1981. 16.12. Л. 3 ; 1986. 21.01. Л. 2.
- ⁷⁴ См.: Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 241; Материалы XV съезда профессиональных союзов СССР. М., 1972. С. 126–127; Материалы XXV съезда КПСС. С. 217; Материалы XVI съезда профессиональных союзов СССР. С. 112–113; Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 141; Волга. 1971. 5.02. Л. 2.
- ⁷⁵ Подробнее об этом см.: *Гуменюк А. А.* Условия труда сельских жителей в СССР за 1953–1985 гг. (по материалам Саратовской области) // Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории : сб. материалов VII межвуз. науч. конф., 13 февр. 2014 г. Саратов, 2014. С. 114–117; Советская Калмыкия. 1983. 28.01. Л. 3.
- ⁷⁶ См.: *Романченко В. Я.* Партийное руководство совхозами в условиях развитого социализма (1965–1970 гг. на материалах НП) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1979. С. 120 ; *Ищенко А. Ф.* Указ. соч. С. 101; *Козырев М. Ф.* Деятельность партийных организаций Нижнего Поволжья по развитию сельского строительства в годы десятой пятилетки (1976–1980) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1989. С. 151.
- ⁷⁷ См., например: Советская Калмыкия. 1983. 29.10. Л. 1 ; 1986. 25.01. Л. 2.

УДК 338.43(47044)(09)|1965/1975|

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ТРУДА И ПРОИЗВОДСТВА В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1965–1975 гг.)

С. А. Яковлев

Саратовский государственный университет
E-mail: ysa1944@yandex.ru

В статье на основе нормативных документов, архивных материалов, статистических данных и периодической печати анализируется процесс организации сельскохозяйственного труда и производства в Саратовской области на базе технической модернизации и подготовки индустриальных кадров.

Ключевые слова: сельское хозяйство, техника, модернизация, бригада, звено.

Peculiarities of Organizing Agricultural Labor and Production in Saratov Region (1965–1975)

S. A. Yakovlev

The process of organizing agricultural labor and production in Saratov region on the basis of technical modernization and training of industrial personnel is considered in the article. The analysis is based on regulatory documents, archives, statistics and periodicals.

Key words: agriculture, technique, modernization, team, unit.

Решение проблемы переоснащения сельскохозяйственного производства новейшей техникой долгое время являлось одним из основных направлений в деятельности государства. Наиболее плодотворными в этом плане были 60–70-е годы.

Модернизировался ряд моделей машин и механизмов, создавались новые агрегаты. Продолжалась начатая в 1953 году работа по созданию системы машин для комплексной механизации сельского хозяйства, основной вектор которой заключался в следующих направлениях: повышение энергооснащенности тракторов, создание широкозахватных и многорядных машин, а также машин с активными рабочими органами, внедрение комбинированных машин, увеличение скорости тракторов и пропускной способности уборочных комбайнов, создание новых типов уборочных машин, широкое применение электроэнергии для механизации сельскохозяйственного производства. В марте 1965 года был сформулирован новый подход к проблемам экономики в рамках социальных представлений о сельскохозяйственном производстве. В развитии этих положений предусматривалось внедрение более прогрессивных и универсальных машин, выполняющих одновременно несколько технологических процессов, применительно к природно-экономическим зонам и возделываемым культурам.

Такой подход получил развитие в директивах съездов, пленумов, постановлений ЦК КПСС и решениях правительства СССР¹.

Большое значение в осуществлении комплексной механизации имело развитие международного сотрудничества и экономической интеграции в отраслях промышленности, производящих средства производства для сельского хозяйства в рамках бывшего Совета экономической взаимопомощи (ВЭВ). Еще в 1949 году вторая сессия СЭВ определила конкретные принципы этого сотрудничества, в соответствии с которыми страны-члены СЭВ оказывали друг другу большую помощь в строительстве и реконструкции ряда заводов по производству тракторов, запасных частей, сельскохозяйственных машин, позволяющих переоснастить сельское хозяйство новой техникой.

Интенсивное развитие международного сотрудничества привело к тому, что уже в 1961 году в рамках СЭВ была принята первая международная система машин, которая включала 1103 типоразмера. Вторая международная система, одобренная в 1965 году, включавшая 1113 типоразмеров машин², сыграла определенную роль в индустриализации сельского хозяйства нашей страны. Развернувшаяся во второй половине 1960-х годов в зерновом хозяйстве комплексная механизация подошла к завершению, а в животноводстве ее развитие приняло всеобщий характер. Учеными и специалистами сельского хозяйства и промышленности была разработана система машин, которая предусматривала внедрение в сельскохозяйственное производство 857 типоразмеров машин и орудий для механизации возделывания и уборки свыше 100 сельскохозяйственных культур и всех производственных процессов в животноводстве в 15 почвенно-климатических зонах³. К концу восьмой пятилетки в животноводстве и на полях колхозов и совхозов страны работало 700 типоразмеров машин и механизмов⁴. Эти направления нашли отражение в разработке системы машин на 1971–1975 годы, которая включала более 2 тысяч типоразмеров оборудования, комплектов поточных линий, приспособлений и приборов.

Система машин на 1976–1980 годы состояла из 2965 наименований, из них 954 были созданы заново, 223 модернизированы⁵. Речь шла о переходе от частичной к комплексной механизации производства, о практическом внедрении системы машин во все сельскохозяйственные отрасли. В техническом перевооружении сельского хозяйства участвовали 28 промышленных министерств⁶.

В 1975 году на укрепление материально-технической базы сельского хозяйства направлялась продукция почти 900 предприятий, в том числе 214 специализированных заводов тракторного и сельскохозяйственного машиностроения⁷. Такая производственная база позволила за годы десятой пятилетки разработать и начать производство свыше 550 типов сельхозмашин и агрегатов⁸. В это время среди других получили путевку в жизнь тракторы К-700 с двигателем 450–500 л.с., гусеничные тракторы с двигателем 250 л.с., универсальные пропашные тракторы мощностью 150 л.с., самоходный кукурузоуборочный комбайн КСКУ-6, кормоуборочный комбайн КСК-100, свеклопогрузчик СП-4, большое количество машин для животноводства и кормопроизводства⁹.

Комплексная механизация и автоматизация производственных процессов требовали специальной подготовки, постоянного повышения профессиональной квалификации работников. Поэтому интенсивно шел процесс профессионального разделения труда. В сельскохозяйственном производстве появились новые профессии, такие как оператор машинного доения, наладчик оборудования ферм, слесари-электромонтажники, линейные электромонтеры, мастера-наладчики сельскохозяйственных машин, лаборанты-химики, машинисты насосных станций. Вместе с тем, наблюдалась тенденция к совмещению профессий, что помогало более эффективно использовать сельскохозяйственную технику, сокращать потребность в рабочей силе. В годы восьмой пятилетки подготовка механизаторских кадров в Саратовской области осуществлялась в 20 сельских профессионально-технических училищах по 20 специальностям. Училища готовили трактористов-машинистов широкого профиля, электромонтеров сельской электрификации, слесарей по ремонту топливной аппаратуры, водителей автомобилей, электросварщиков, мастеров-наладчиков, механизаторов мелиоративных работ, слесарей по ремонту тракторов, автомобилей и сельскохозяйственных машин, слесарей по ремонту автотракторного оборудования, машинистов дождевальных установок и т. д.¹⁰

В Саратовской области уже в 1972 году из 20 сельских профтехучилищ 5 работали по программам средних училищ с трехлетним сроком обучения, готовивших трактористов-машинистов широкого профиля. Пугачевское училище готовило механизаторов – мелиораторов, Хвалынское – токарей, столяров-строителей, Петровское – электромонтеров сельской электрификации. В целом подготовка охватывала 26 профессий¹¹. В начале десятой пятилетки 14 училищ из 21 были преобразованы в средние.

Осуществлялась также широкая подготовка кадров массовых профессий в филиалах СПТУ, организованных непосредственно в колхозах и совхозах, имеющих необходимую материально-техническую базу и педагогические кадры.

В них обучали профессиям, необходимым в связи с развитием новых направлений в сельском хозяйстве. Так, развитие мелиорации вызвало потребность в кадрах специалистов-мелиораторов. В Саратовской области на базе совхоза «Энгельсский» был создан межрайонный учебный комбинат для механизаторов-мелиораторов, который с 1970 по 1975 г. окончили 765 специалистов. Комбинат также выпускал машинистов насосных станций и дождевальных установок.

Основная часть работников ферм в начале восьмой пятилетки не имела специальной подготовки. Вместе с тем, расширение поставок нового оборудования для ферм, механизация трудоемких процессов требовали укрепления животноводства квалифицированными кадрами птицеводов, техников искусственного осеменения, механизаторов по стрижке овец, классировщиков шерсти, 156 механизаторов животноводческих ферм, 378 мастеров машинного доения¹².

Оснащение колхозов и совхозов тракторами, комбайнами, широким ассортиментом машин и механизмов, дальнейшее развитие ремонтной базы привели к росту энерговооруженности и качественно новому уровню механизации производственных процессов на селе. Развитие производительных сил, наряду с ростом индустриальной прослойки сельских тружеников, повлекли за собой крупные изменения и в организации труда и производства в основных отраслях сельского хозяйства – в полеводстве и животноводстве.

В середине 1960-х годов стал внедряться групповой метод использования машин на севе и уборке зерновых. Опыт показал, что он позволяет резко сократить простои агрегатов при заправке сеялок и транспортировке зерна от комбайнов, повысить уровень технического обслуживания с помощью ремонтных звеньев и звеньев-наладчиков, улучшить питание механизаторов. Там, где этот метод применялся на севе, появлялась возможность применения его и на уборке, так как одновременный засев всего поля предопределял одновременное созревание хлебов, создание условий для начала уборки сразу на крупных участках.

В Саратовской области групповой метод уборки и сева зерновых начал внедряться в Ершовском районе. Здесь уже на уборке урожая 1966 года во многих хозяйствах с успехом применялся этот метод. Примером может служить совхоз «Декабрист», где труженики полей показали высокую производительность труда. Так, на бороновании наиболее эффективную работу показала группа из 4 агрегатов, применение которых позволило снизить эксплуатационные расходы на 19% в расчете на гектар. В целом в районе благодаря применению этого метода было сэкономлено около 24 тысяч рублей, а производительность труда повысилась на 24%. На севе при работе группами из трех агрегатов эксплуатационные расходы снизились на 7%, а общая годовая экономия составила 18,6 тысяч рублей.

На подборе и обмолоте валков наиболее производительными работали группы из 2–3 комбайнов. При этом производительность повысилась на 10%, а экономия по району составила 114 тысяч рублей¹³.

Постепенно групповой метод становился нормой организации труда в Саратовском Поволжье. Развитие этого процесса было обусловлено тем, что он не противоречил существовавшей системе хозяйствования на селе и поощрялся администрацией всех уровней. Тем более что преимущество метода, выражавшееся в оперативном техническом обслуживании, позволяло до 70% сменного времени затрачивать на основную работу¹⁴.

Широкое внедрение трехсечлочных агрегатов, группового метода выполнения сельскохозяйственных работ послужили толчком к дальнейшему повышению производительности труда. Так, в конце восьмой пятилетки в Саратовской области получила распространение работа комбинированных агрегатов, совмещающих несколько операций. Одновременно выполнялись сев, рыхление, внесение минеральных удобрений, прикатывание почвы. Наряду с другими преимуществами это значительно удешевляло проведение сельскохозяйственных работ.

Увеличение производства и поставок специального оборудования для проведения технических уходов обусловило поиск эффективных форм обслуживания действующей техники, продления сроков ее работы. Проведение технических уходов – сложная и трудоемкая работа, занимавшая 30% времени механизаторов. В связи с поступлением новой техники объем ежемесячных и периодических технических уходов еще больше возрос. Не каждому механизатору было по плечу своевременное и полное его проведение. Машины быстро изнашивались, возникали поломки, резко снижалась выработка, увеличивались затраты на ремонт. В Саратовской области хорошо зарекомендовала себя на практике система технического обслуживания машинно-тракторного парка специализированными звеньями мастеров-наладчиков.

В тех хозяйствах, где проводились плановые технические уходы в стационарных условиях и с помощью передвижных агрегатов, эксплуатация машинно-тракторного парка заметно улучшалась. В совхозе «Балашовский», например, на один 15-сильный трактор выработка за смену возросла на 0,8 га. Внедрение стационарных пунктов, а в полевых условиях – передвижных мастерских, позволило совхозу сократить сроки выполнения полевых работ. Если в 1965 году сев ранних зерновых культур проводился за 21 день, то в 1967 году за 15 дней, а на обработку пропашных культур затрачивалось 40 и 30 дней соответственно. Перебрасывание средств на текущий ремонт за указанный период снизился с 34,9 до 17 тысяч рублей. Количество капитальных ремонтов тракторов уменьшилось с 8 до 5 единиц, а затраты на них – более чем в два раза¹⁵. Такая система стала типичной для

передовых хозяйств Саратовской области.

Надежная работа машин позволяла молодым механизаторам иметь устойчивый заработок, а следовательно, способствовала их закреплению в колхозах и совхозах. Там, где техническое обслуживание было внедрено, пришли работать на машины и женщины. В Озинском районе Саратовской области, где 80% машинно-тракторного парка обслуживалось мастерами-наладчиками, девушки-трактористки не уступали мужчинам при проведении весенне-полевых работ¹⁶.

Работа по внедрению новой системы дала свои плоды. Если в 1966 году в области имелось 80 мастеров-наладчиков, которые обслуживали 1700 тракторов и комбайнов, то в 1970 году работало уже 437 звеньев, обслуживавших 10 888 тракторов и комбайнов. Широкое применение получила механизированная заправка горючесмазочными материалами. К концу пятилетки в хозяйствах области 592 механических заправщика обслуживали 12700 тракторов и комбайнов¹⁷.

Большая работа проводилась также по внедрению новых технологий не только в зерновом производстве, где широко практиковалась поточная уборка зерновых культур с измельчением соломы, послеуборочная обработка зерна на типовых зерноочистительных пунктах, но и на возделывании сахарной свеклы, картофеля и овощей.

В Саратовской области успешно осваивался метод поточного и поточно-перевалочного способа уборки пропашных культур, при котором комплекс машин позволял в едином последовательном процессе не только убирать и транспортировать урожай к местам обработки и хранения, но и полностью готовить поля к последующим работам.

Одной из важных форм организации труда и производства была звеньевая система. В Саратовской области звенья стали создаваться в большом количестве еще в годы семилетки для выращивания кукурузы, сахарной свеклы и других культур. К 1963 году уже насчитывалось 1692 кукурузоводческих и 342 свекловодческих укрупненных механизированных звена¹⁸.

В годы восьмой пятилетки возникли укрупненные механизированные звенья с аккордно-премиальной системой оплаты труда и повременным авансированием. Такие механизированные звенья в дальнейшем явились основной формой внутрибригадной организации труда. Комплексные звенья помогали быстрее и качественнее проводить полевые работы, лучше организовывать труд, внедрять новое, передовое. Между звеном и хозяйством заключался договор, в котором определялись права и обязанности сторон. Руководство хозяйством обязывалось закрепить за звеном участок земли сроком на 5–6 лет, полный набор машин и механизмов. Для каждого звена устанавливались: лимит горючесмазочных материалов, запасных частей и годовой фонд заработной платы. Звену выплачивалось 20% стоимости продукции, полученной сверх плана, но не выше

ежемесячного оклада каждому человеку. Поскольку все работы звено выполняло своими силами, каждый член звена был заинтересован в конечных результатах деятельности, в увеличении выхода сельскохозяйственной продукции.

Как показала практика, в этих звеньях наиболее полно сочетались личные и общественные интересы, укреплялась трудовая дисциплина, повышалась ответственность коллектива за выполнение хозяйственных планов, сокращались затраты труда и средства на единицу продукции.

Так, в совхозе «Советский» Балашовского района успешно работало звено Н. П. Шапошникова в составе 10 трактористов-машинистов. За звеном было закреплено 1893 га пашни, 10 тракторов, из них 4 гусеничных, 4 зерноуборочных комбайна и необходимый набор сельскохозяйственных машин и орудий. В первый же год звено достигло значительного повышения урожайности сельскохозяйственных культур, снижения себестоимости 1 центнера продукции и прямых затрат на ее производство. В следующем году звено добилось более высоких показателей, чем в колхозе в целом. Урожайность зерновых культур была на 15, подсолнечника на 6, кукурузы на силос на 60 и однолетних трав на сено на 17 процентов выше, чем по колхозу. Производство валовой продукции в стоимостном выражении в расчете на одного среднегодового механизатора в звене было выше на 3266 рублей, или на 29,3%, на 1 человеко-день – на 181,6%, на 100 га пашни – на 15,2% и на 100 рублей прямых затрат и основных средств на 88,3% и 71,9% соответственно. Хорошие экономические показатели способствовали увеличению заработной платы механизаторов. Если годовой заработок механизатора в среднем по колхозу составлял 1691 рубль, то в звене – 2463 рубля, а оплата 1 человеко-дня в звене была на 37,5% выше, чем в колхозе¹⁹.

Почти повсеместно в Саратовской области создание звеньев с аккордно-премиальной оплатой труда давало положительные результаты. Механизаторы обрабатывали в 1,5–2 раза больше посевных площадей, чем в среднем по области²⁰.

В хозяйствах Саратовской области этот процесс стал приобретать целенаправленный массовый характер и в 1975 году подобных формирований насчитывалось 1600 единиц. Успешная работа звеньев привела к тому, что, например, в Балашовском районе себестоимость продукции в хозяйствах сократилась вдвое²¹.

Казалось бы, при таких показателях оставалось сделать небольшой шаг в обеспечении большей хозяйственной и экономической самостоятельности, вплоть до реализации продукции самими производителями. Но существующая государственная система сделала все, чтобы не допустить этого. Звенья, смысл которых состоял в предоставлении определенной хозяйственной независимости трудовым коллективам, не вписывались в существовавшие производственные отношения, поэтому они отторгались всей

системой управления сельскохозяйственным производством. С середины 1970-х годов происходит постепенное сокращение этих новых экономических формирований. Подобное происходило в целом по стране. В Саратовской области осуществлялась практика объединения существующих звеньев и бригад в более крупные подразделения. Уже в конце 70-х годов преобладающей формой организации труда в сельском хозяйстве стали отделения в совхозах и комплексные бригады в колхозах. Расчет был прост: чем крупнее подразделения, тем больше шансов сохранить командно-административные методы руководства.

Хозяйственный механизм, действовавший в то время, оказался невосприимчивым к коллективному подряду. Из-за отсутствия подлинного хозрасчета резко снижалась эффективность деятельности этих подразделений. Кроме того, хозяйственные руководители и специалисты не только не хотели, но и были не способны работать в новых условиях. Зачастую они не содействовали освоению подряда и хозрасчета, но оказывали этому скрытое и явное сопротивление²².

Скромные результаты хозяйственной деятельности, медленный рост производства продукции растениеводства там, где преобладали подрядные бригады и звенья, объясняется тем, что на уровне хозяйств, районов и выше часто нарушались договорные условия, руководители подразделений или ограничивались, или лишались администрацией возможности решения хозяйственных вопросов. Неправильно определялись нормы производства и расценки за единицу продукции, в связи с чем возникали конфликты, связанные с оплатой труда подрядных коллективов. Во многих местах коллективный подряд внедрялся административными методами, члены бригад и звеньев вообще не участвовали в управлении производством и решении других хозяйственных вопросов.

Отношение к собственности формируется, прежде всего, теми условиями, в которые поставлен человек, возможностями его влияния на организацию производства, распределение и использование результатов труда. При сложившейся тогда системе землепользования и хозяйствования член подрядной бригады или арендатор был абсолютно бесправен и целиком зависел от воли председателя колхоза, экономиста, инженера, агронома, зоотехника и т. д. В 1980-е годы стало очевидным, что дальнейший прогресс в производстве продуктов питания для населения и сырья для промышленности должен быть неразрывно связан с углублением и развитием демократии и экономической независимости человека, созданием условий, когда труженик участвует в планировании, управлении производством, становится заинтересованным в результатах своей работы. Соблюдение этих принципов, возможно, предотвратило бы реформаторский беспредел 1990-х годов.

Примечания

- ¹ См. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 5. С. 739–740. Ленинская аграрная политика КПСС. Сборник важнейших документов (март 1965 г. – июнь 1975 г.). М., 1978. С. 100, 113, 117, 481, 625 ; Ленинская аграрная политика КПСС. Сборник важнейших документов (август 1978 г. – август 1982 г.). М., 1983. С. 81, 122, 230 ; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. Т. 15, ч. 1. М., 1985. С. 47 ; Ч. 2. С. 264.
- ² См. Комплексная программа развития сельского хозяйства в действии. М., 1980. С. 293.
- ³ Коммунист. 1965. № 7. С. 55.
- ⁴ Экономика сельского хозяйства. 1971. № 5. С. 19.
- ⁵ Механизация и электрификация социалистического сельского хозяйства. 1976. № 2. С. 2.
- ⁶ Там же. С. 2.
- ⁷ Там же. С. 3.
- ⁸ Степанов А. И. Реализация аграрной политики КПСС. М., 1984. С. 43.
- ⁹ Степанов А. И. Указ. соч. С. 44.
- ¹⁰ Романченко В. Я. Партийное руководство совхозами в условиях развитого социализма (1965–1970). На материалах Нижнего Поволжья : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1979. С. 102.
- ¹¹ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 20. Д. 23. Л. 7.
- ¹² Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 2163. Оп. 4. Д. 1467. Л. 67.
- ¹³ ГАНИСО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 10. Л. 1.
- ¹⁴ Соколов М. М. Техническое перевооружение сельского хозяйства РСФСР в 10-й пятилетке. М., 1977. С. 33.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 2163. Оп. 4. Д. 1384. Л. 13.
- ¹⁶ Там же. Д. 2092. Л. 15.
- ¹⁷ Там же. Л. 23.
- ¹⁸ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 10. Л. 91.
- ¹⁹ См.: Организация и работа механизированных звеньев. Саратов, 1974. С. 7–8.
- ²⁰ Очерки истории Саратовской областной организации КПСС. Ч. 3 (1938–1980). Саратов, 1982. С. 281.
- ²¹ Там же.
- ²² Правда. 1987. 19 нояб.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

«НАМ ДОЛЖНО СЛЕДОВАТЬ ЗА УНИВЕРСИТЕТОМ ПОВСЮДУ...»

Рецензия на книгу: Эрстрём Э. Г. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород. Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 2013. 293 с.

В. П. Тотфалушин

Саратовский государственный университет
E-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

«We are to follow the University everywhere...»

V. P. Totfalushin

Начало XIX века ознаменовалось в Европе Наполеоновскими войнами, перелом в которых произошёл в результате Отечественной войны 1812 года. Славные военные события на полях сражений той поры хорошо известны каждому человеку, учившемуся в России, еще со школьной скамьи, а вот то, как они отразились на жизни тыловых губерний, знают, пожалуй, только учёные и краеведы.

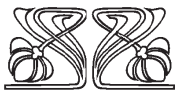
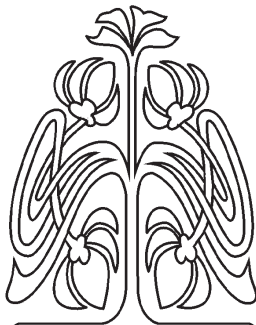
Участники и современники событий «12-го года» своими письменными свидетельствами внесли большой вклад в формирование памяти о войне. Однако основное внимание в их воспоминаниях, дневниках и личных письмах уделено военным аспектам, что же касается мирной жизни, то этот вопрос затронут в них лишь частично и второстепенно. К тому же мемуаристика 1812 года чаще всего страдает односторонностью, ориентируясь на точку зрения одного из участников конфликта, как правило, Франции или России.

Рецензируемая публикация дневника студента Московского университета, шведа по национальности, Э. Г. Эрстрёма выгодно отличается от других источников личного происхождения той поры тем, что автор описывает события, находясь «над схваткой», ему нет необходимости создавать мистификации, чтобы утвердить победу своей стороны или оправдать поражение. К тому же, он пишет не совсем о войне, он, скорее, пишет о социальной повседневности русской провинции в военную годину.

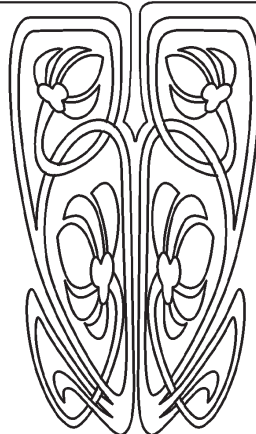
В своем дневнике Эрстрём передает человеческое содержание исторических событий, и такой историко-антропологический подход составляет главное достоинство его заметок. Он дает возможность услышать не только сильных мира сего, но и маленьких людей: городских обывателей, священников, простых крестьян и других персонажей, почти безымянных, но втянутых против их воли в Историю. В результате создается яркая картина жизни местного населения, основанная на личных наблюдениях.

При этом автор дневника воспринимает российскую повседневность через призму привычных для него европейских ценностей, он обращает внимание на то, что для русского человека является обыденностью, а для него – странно или необыкновенно, но при этом его дневниковые записи лишены высокомерия, характерного для свидетельств о России многих иностранцев.

Конечно, в дневнике Эрстрёма встречаются и субъективные оценки, и фактические ошибки или пробелы, вызванные языковым барьером или отсутствием достоверных сведений, кроме того, незна-

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

ние многих факторов, влиявших на окружавшую его обстановку, и ограниченность охватываемого взором путешественника пространства также ведут к некоторому снижению значимости этих свидетельств. Поэтому при использовании дневника необходим критический анализ приводимых фактов и их сравнение с другими, русскими, документами. В этом случае совокупность источников позволит составить объемную и достоверную панораму жизни местного общества.

Разумеется, дневниковые записи московского студента имеют особую ценность, в первую очередь для исследователей нижегородской старины, но если их дополнить свидетельствами иностранцев, волею судеб оказавшихся на территории сопредельных губерний¹, то из этой мозаики военных будней может сложиться картина жизни более широкого региона.

Приложения к публикации дневника имеют самостоятельную ценность, они позволяют, с одной стороны, показать возможности использования дневниковых текстов Эрстрёма читателям, с другой – позволяют читателю расширить свои представления об описываемом регионе и его участии в отражении неприятельского нашествия.

Книга подготовлена авторским коллективом, объединившим преподавателей Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

(Ф. Б. Дроздов, А. А. Кузнецов, А. В. Морохин), сотрудников Санкт-Петербургского института истории РАН (С. Н. Искуль, Г. М. Коваленко) и архивистов Государственного архива Новгородской области (А. М. Галинова) и Центрального архива Нижегородской области (Я. М. Хорошкин).

Оценивая внешний вид книги, следует отметить, что она прекрасно оформлена (дизайн В. Шеиной), а основательный иллюстративный ряд позволяет зрительно представить многие описываемые объекты и персоны. Дневник снабжен исчерпывающими комментариями, однако, к сожалению, отсутствуют именная и географическая указатели.

Подводя итог, хочу сказать, что в целом работа авторского коллектива заслуживает всяческого одобрения, эта книга будет востребована не только историками и краеведами, но и широкой читательской аудиторией, интересующейся региональной историей.

Примечания

¹ См., например: «Зовёт к Отечеству любовь». Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: сб. документов. Пенза, 2011; *Тотфалушин В. П.* Волжские пленники. (Саратовский край глазами ветеранов Великой армии) : к 200-летию Отечественной войны 1812 года. 2-е изд. испр. и доп. Саратов, 2012.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бельцер Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной работе Самарского института – Высшей школы приватизации и предпринимательства. E-mail: abelhist@yandex.ru

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: ybartho@mail.ru

Гуменюк Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: GumenukAA@gambler.ru

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: danilovvik@yandex.ru

Еремин Владимир Станиславович, аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: fuzzstone@gmail.com

Жукова Антонина Александровна, аспирант кафедры Российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: Perepolox09@mail.ru

Ивашченко Михаил Вениаминович, аспирант кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: m.ivashchenko@list.ru

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории Самарского государственного университета. E-mail: donkabytov2012@yandex.ru

Кочуков Сергей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Креленко Наталия Станиславовна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: krelenkon@mail.ru

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: lapenkomv@mail.ru

Лапшов Павел Николаевич, аспирант кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: pav9204@yandex.ru

Лобашева Алена Александровна, аспирант кафедры международных отношений и дипломатии Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, Россия; докторант отделения социологии, Университет Париж 8 Винсен-Сен-Дени, Франция. E-mail: alena.lobasheva@gmail.com

Майорова Алла Степановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: majorova-as@mail.ru

Малов Николай Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: malovnm@mail.ru

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Сапогов Александр Сергеевич, аспирант кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: as_sapogov@mail.ru.

Симонов Анатолий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: simonoffsgu@mail.ru

Стребкова Надежда Викторовна, аспирант кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: hope8917@gmail.com

Тотфалушин Виктор Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: TotfalusinVP@info.sgu.ru

Третьякова Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. E-mail: marinatretyakova@mail.ru

Яблонская Ольга Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. E-mail: Oyablonskii@yandex.ru

Яковлев Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: YSA 1944@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Beltser Aleksandr Anatolievich, PhD in History, Associate Professor, Pro-Rector in Science, Samara Institute of Higher School of Privatization and Entrepreneurship. E-mail: abelhist@yandex.ru

Danilov Victor Nikolaevich, Dr. Sc. (Hist), professor, Department head of Historiography, Regional history and Archeology in the Institute of History and international relations of Saratov State University. E-mail: danilovvik@yandex.ru

Gumenyuk Alexey Anatolyevich, History PhD, Associate Professor of the Chair of Historiography, Regional History and Archaeology in the Institute of History and International Relations, N. G. Chernyshevskiy Saratov State University, e-mail: GumenukAA@rambler.ru

Eremin Vladimir Stanislavovich, Postgraduate student of Modern and Contemporary History chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: fuzystone@gmail.com

Yakovlev Sergey Alexandrovich, History Doctor, professor the department of contemporary national history, IH&FR, Saratov State University. E-mail: YSA 1944@yandex.ru

Ivashchenko Mikhail Veniaminovich, Postgraduate student of the Chair of Ancient History, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: m.ivashchenko@list.ru

Kabytov Petr Serafimovich, Dr. Sc. (Hist), professor, Department head of the Russian History of Samara state university, E-mail: donkabytov2012@yandex.ru

Kochukov Sergey Anatolyevich, History Doctor, Professor of the chair of Russian civilization and teaching methodology of history in the institute of History and international Relation of Chernyshevskiy Saratov State University. E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Krenenko Natalia Stanislavovna, D. Sc. (History), Professor, Head of Modern and Contemporary History chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: krenkon@mail.ru

Lapenko Marina Vladimirovna, History PhD, Associate Professor of International Relations and Russian Foreign Policy at the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: lapenkov@mail.ru

Lapshov Pavel Nikolaevich, Postgraduate student of the Chair of history Middle Ages in the institute of History and international Relations, Saratov State University. E-mail: pav9204@yandex.ru

Lobasheva Alena Aleksandrovna, Postgraduate student of the Department of International relations and diplomacy, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga region) Federal University, Russia; Postgraduate student of Sociology depart-

ment, Paris 8 Vincennes-Saint-Denis University, France. E-mail: alena.lobasheva@gmail.com

Mayorova Alla Stepanovna, History PhD, Associate Professor of the History of Russia Chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: mayorova-as@mail.ru

Malov Nikolay Mihailovich, History PhD, Associate professor at the Chair of historiography, regional history and archaeology Saratov State University. E-mail: malovnm@mail.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich, History PhD, Associate Professor of the cathedra History of Russia in the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Sapogov Alexander Sergeyeovich, Postgraduate student of the Chair of Ancient History, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: as_sapogov@mail.ru.

Simonov Anatoly Aleksandrovich, History PhD, Associate Professor of the Chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: simonoffsgu@mail.ru

Strebkova Nadezda Viktorovna, a postgraduate student of the chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: hope8917@gmail.com

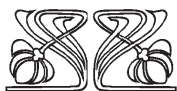
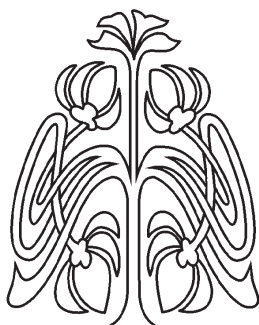
Totfalushin Viktor Petrovich, a History PhD, a senior lecturer of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of Chernyshevskiy Saratov State University. E-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

Tretiakova Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor, World History Department, Arzamass Branch of N.I. Lobachevskii Nizhnii Novgorod State University. E-mail: marinatretyakova@mail.ru

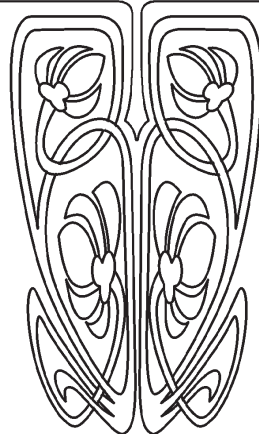
Varfolomeev Yuriy Vladimirovich, History Doctor, Professor, Professor of the History of Russia of Russia chair in the Institute of history and international relations of the Saratov State University. E-mail: ybartho@mail.ru

Yablonskaya Olga Vasilievna, PhD in History, Associate Professor, World History Department, Arzamass Branch of N.I. Lobachevskii Nizhnii Novgorod State University. E-mail: Oyablonskii@yandex.ru

Zhukova Antonina Alexandrovna, Postgraduate student of the chair of Russian civilization and methods of teaching History in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Perepolox09@mail.ru

ПОДПИСКА

Подписка на II полугодие 2015 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018,
раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам
непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: larisachernova@mail.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.